

Евгений Сахнов

ХОРОШИЙ ЧЕЛОВЕК

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Евгений Юрьевич Сахнов

Хороший человек

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67848417

SelfPub; 2022

ISBN 978-5-532-92141-2

Аннотация

Европа. Сентябрь 1918 год. Война подходит к концу. Молодой англичанин из обеспеченной семьи сбегает из дома и отправляется на фронт. Он хочет воевать, хочет быть солдатом своей страны и бить врага, хочет справедливости. Но вопреки своим представлениям о войне он попадает в настоящий кошмар и еще не понимает, к какой беде могут привести его поступки.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

1	5
2	19
3	42
4	45
5	48
6	54
7	68
8	94
9	110
10	113
11	131
12	138
13	155
14	165
15	178
16	182
17	189
Эпилог	223

Евгений Сахнов

Хороший человек

Все персонажи являются вымышленными, и любое совпадение с реально живущими или жившими людьми случайно. События этой истории придуманы автором, но жизнь – такая штука, что некоторые из них могли происходить в действительности.

1

«В укрытие! Артиллерия!» – закричал капитан. БА-АМ! Снаряд взорвался с такой силой, что земля содрогнулась. Солдаты бегали из стороны в сторону по лагерю среди палаток, ящиков и мешков, сталкиваясь и сбивая друг друга с ног. После каждого разорванного снаряда сверху обрушивался поток земли, словно черный ливень. Вместе с землей летели деревянные щепки и какие-то железные куски. С разных сторон стали кричать: «Санитар! На помощь!» Очень быстро все превратилось в хаос и неразбериху. Криков и воплей стало больше, люди падали на землю, запинаясь об убитых. Все были в грязи и земле, на многих была кровь. Взрывы от артиллерийских снарядов стали раздаваться чаще.

Молодой парень в форме капрала бежал между людьми и палатками. Мэтью Аллистер, держа винтовку в одной руке, другой придерживая каску, бежал на согнутых ногах, стараясь ни с кем не столкнуться, и смотрел по сторонам. Испуганными, широко открытыми глазами он искал товарищей из своего взвода. Внезапно он запнулся о лежащий мешок с песком и повалился на землю, прямо во влажную, холодную грязь.

– Артиллерия! Все в укрытие! Не мешкать! – кричал полковник Уоллис. Высокий, крепко сложенный полковник,

несмотря на пожилой возраст, ходил быстрым шагом меж палаток и бегающих в разные стороны солдат и четко отдавал приказы громким басом.

– Аллистер! Какого черта ты разлегся?! Встать, капрал! Помоги оттащи...

БА-АМ! Взрывной волной полковника Уоллиса отбросило в сторону с такой неистовой силой, будто он был тряпичной куклой, весившей всего несколько граммов. Мэтью всем телом почувствовал сильную вибрацию и ощутил мощь звуковой волны от разорвавшегося недалеко снаряда, в следующую секунду его присыпало землей. Мэта как будто ударили по голове чем-то очень тяжелым – он ничего не слышал, только сильный гул.

Лежа на земле, он корчился и прижимал руки к ушам. Мысли путались в его голове: «Бежать! Укрытие!» Мэт открыл глаза, гул в ушах не стихал – должно быть, снаряд упал совсем близко, раз его так контузило, подумал он. С трудом встав на одно колено, он огляделся: двое санитаров несли на носилках окровавленного солдата, рука которого, или скорее то, что от нее осталось, свисала лохмотьями и дергалась в такт бегу, поливая кровью все вокруг; один солдат помогал другому опереться на него и тащил в сторону окопа; кто-то ползал по земле. Все было коричнево-красным от грязи и крови. Но все это Мэт видел без звука, только сильный гул внутри головы. «Надо бежать, не стой на месте», – сказал сам себе Мэтью.

Он огляделся еще раз, пытаясь найти винтовку. В какой момент он ее выронил из рук? Слух потихоньку возвращался к нему. Сквозь гул, переходящий в писк, он начал отдаленно слышать крики и стоны.

– Мэт! Эй, Мэт! – позвал его кто-то. Он крутил головой в поисках зовущего. – Мэт, беги сюда!

– Чарли! – Мэт заметил своего товарища по взводу, друга Чарли, и подбежал к группе солдат, которые, пригнувшись, прятались за темно-зеленой палаткой, служившей полевой кухней. – Чарли, ты как? Не ранен?

Мэт подбежал к ним на полусогнутых ногах, придерживая каску.

Щекастый Чарли был полноват, в отличие от худощавого Мэтью, и носил круглые дешевые очки в толстой черной оправе, которые придавали ему еще больше несерьезный и даже детский вид. Он был из бедной семьи, но, несмотря на это, они с Мэтом быстро нашли общий язык, когда познакомились в учебном лагере перед тем, как их отправили на фронт. Увлечение историей и любовь к книгам сблизили их еще больше.

– Я цел! – пытаюсь перекричать грохот от взрывов, ответил Чарли, протирая очки от земли. Около него на земле сидели несколько солдат. Все были напуганы и тяжело дышали. – Видел, что стало с полковником? Он прошел мимо нас, а потом снаряд взорвался прямо около него.

– Не уверен, но, кажется, его убило взрывом, – ответил

Мэт.

– Вот черт! Прямо на моих глазах парню из другого взвода оторвало руку и ногу. Он был всего в двадцати метрах от меня!

– Слушай, надо скорее убираться отсюда. В окопе безопаснее.

– Ты хочешь бежать до окопа? До него метров двести, не меньше! Мы и половину пути не пройдем, как взлетим на воздух!

– Ты предлагаешь остаться здесь? Там у нас больше шансов!

– Я не смогу! Слишком далеко бежать!

– Тут небезопасно! – крикнул Мэт. – Палатка не спасет, может ударить в любой момент! Единственный способ спастись – это переждать в окопе! Тебе придется бежать. Я тебя тут не оставлю.

Он выглянул из-за угла палатки и быстро осмотрелся.

– Все за мной! – крикнул Мэтью и побежал в ту сторону, откуда пришел.

В то время, когда начался артиллерийский обстрел, Мэт помогал укреплять стены в окопе мешками с песком и землей, так что сейчас он точно знал, куда им надо бежать. Остальные, согнувшись, последовали за ним.

Лагерь располагался на поляне в двухстах метрах от целой системы окопов, представлявшей собой лабиринты, растянутые вдоль линии фронта. Их постоянно укрепляли и рыли

новые направления, это был нескончаемый процесс. Окопы были с человеческий рост, а иногда доходили и до двух метров. Местами проходы в них были очень узкими, но в большинстве случаев там могли спокойно разойтись два человека, идущих в разных направлениях.

Группа солдат во главе с Мэтью бежала мимо палаток и людей, стараясь ни с кем не столкнуться, пока не увидела впереди, метрах в пятидесяти, окоп, в котором мелькали солдатские каски и винтовки. Взрывы раздавались с разных сторон, осыпая их землей. Крики не смолкали.

«Уже почти, уже почти», – проговаривал про себя Мэт. Как вдруг бежавший за ним Чарли вскрикнул. Мэтью обернулся на бегу и увидел лежавшего на земле Чарли, он попытался встать, но опять свалился на землю – его нога застряла в каком-то деревянном ящике. Остальные пробежали мимо, не видя, что произошло.

– Проклятье! – кричал Чарли, пытаясь встать.

Мэт подбежал к нему и сел на одно колено.

– Не дергайся! – быстро проговорил Мэт. – Я помогу вытащить ногу из ящика.

БА-АМ! Снаряд взорвался где-то за спиной Мэтью. Их сильно осыпало землей и щепками, Мэт вжал голову в плечи. Чарли, громко крича, неуклюже дергался, стараясь сбросить ящик, но тот, словно капкан, крепко сжимал ногу, царапая острыми краями.

– Чак, не дергайся, иначе я не смогу тебе помочь, – по-

вторил Мэт.

БА-АМ! На этот раз взрыв был гораздо ближе предыдущего. Земля содрогнулась так, что Мэт чуть не потерял равновесие и едва не упал.

– Черт возьми, это было близко! – завопил Чарли, вертелся в разные стороны. – Следующий снаряд нас точно прикончит!

Сердце Мэтью так сильно билось, что он чувствовал его всем телом. Нельзя медлить! Одной рукой он схватил ногу Чака, второй взялся за ящик и потянул их в противоположные стороны так, чтобы высвободить ногу, но ничего не получалось. Чарли ворочался и вопил.

– Не дергайся, тебе говорят! – рывкнул Мэтью и с силой рванул ящик двумя руками на себя.

Он дернул так сильно, что повалился на спину, держа в руках ящик, в котором остался застрявший ботинок. Еще секунду он, лежа, смотрел на освобожденную босую ногу Чарли. Тот еле встал на колени и склонился над ящиком, пытаясь достать из него свой ботинок.

– Ты с ума сошел, оставь! – крикнул Мэт, хватая Чарли за воротник и таща его в сторону окопа. Тот бросил ящик и рванул вслед за товарищем.

Они отбежали метров на двадцать, как вдруг оставленный ящик с ботинком внутри разлетелся в щепки от взрыва бомбы. БА-АМ! Ударная волна врезалась им в спины горячим воздухом.

Добежав, они друг за другом прыгнули в узкий окоп и прижались к стене. БА-АМ! Всех присыпало землей. Тяжело и громко дыша, они посмотрели друг на друга широко открытыми глазами. «Спасибо», – почти беззвучно проговорил Чарли. В ответ Мэт кивнул. В окоп запрыгивало еще больше солдат, те, кому не хватало места у стены, садились на корточки в проходе прямо в лужи грязи.

К Мэтью полностью вернулся слух, теперь он отчетливо слышал взрывы, гомон солдат, ругательства и молитвы. Все сливалось в единый гул. «Всем пригнуться и не высовываться!», «Помогите раненым!», «Санитар!» – кричали вокруг.

Сидя в засыпанном землей окопе спиной к стене и быстро, тяжело дыша, Мэт смотрел на свои грязные дрожащие ладони и чувствовал такой сильный, такой первобытный страх, какого не ощущал никогда в жизни.

Он мог умереть. Так просто погибнуть в одночасье от любого из десятков снарядов, которые разрывались вокруг него и убивали других солдат. Он все еще может умереть, если бомба попадет в окоп. Тогда им всем конец. От этих мыслей он стал злиться, сам не понимая, на что именно. На эту войну, которая идет уже четыре года, на того, кто запускает в них эти бомбы, на Чарли, из-за которого они чуть не погибли. «Проклятье, да это же нечестно, что я им сделал?!» – думал он. Эти немцы даже не видят тех, кого убивают своей артиллерией, у этих нелюдей нет никакого достоинства и чести.

Он чувствовал какую-то вселенскую несправедливость в

том, чтобы погибнуть и при этом даже не увидеть своего убийцу. Как будто за всех уже все кто-то порешал, а тебя не спросили. Как так можно? Тот немецкий солдат, что запускает в них эти снаряды, не видит, в кого они летят и кого убивают.

Его руки задрожали еще сильнее, и тогда он стал их растирать, как будто хотел добыть огонь с помощью палочки. Но это не помогло, и вскоре дрожь охватила все его тело. Даже зубы застучали. Он ничего не мог с собой поделать, мысли о несправедливости и возможности скорой гибели в любой момент еще больше разгоняли холодный и колючий страх по его телу.

Пытаясь успокоиться и обдумать все происходящее, Мэтью подметил, его так и не посетила мысль о том, что он зря пошел на войну. «Не зря, – думал он. – Надо положить этому злу конец во что бы то ни стало». Он сделает все, что от него потребуется, чтобы его страна – великая империя – победила в этой гнусной войне, защитила своих союзников и наказала виновных.

От этих мыслей Мэт немного успокоился. Осознание того, что он причастен к чему-то великому и справедливому, придало ему уверенности. Как и многие молодые парни, которые призвались на войну, он чувствовал себя героем. Он представлял, что именно он приведет свою страну к победе и именно его героические действия ознаменуют конец войны.

Сейчас, сидя в окопе, пережив бомбежку, в то время как

возле него гибли солдаты, он еще больше поверил в свое предназначение закончить эту войну.

Он вспомнил ссору со своим отцом прямо перед тем, как сбежал из поместья несколько месяцев назад, чтобы записаться в добровольцы на фронт. Его отец – лорд Генри Аллистер – не понимал старшего сына и отказывался слушать. Считал, что на войне не место его образованному сыну, который вот-вот должен был поступить в престижный колледж, как и все его одноклассники, а после стать адвокатом в солидной фирме его друзей. Отец считал, что война – это дело других. Как он не понимает, что нельзя отсиживаться дома, пока твою собственную страну бомбит враг, пока гибнут ни в чем не повинные люди, пока родина нуждается в солдатах, а союзники – в защите! Отец не понимает, что Англии уготовлена роль освободить Европу от немецких захватчиков и оккупантов. Это не просто роль, а ее священный долг! Как можно было отсиживаться дома после всего того, что произошло с Англией, Европой и всем миром за четыре года этой войны?!

Газеты вот уже несколько лет пестрели заголовками о том, что Англия защищает своих союзников – те страны, которые не в силах за себя постоять, нуждаются в помощи. Мэт хранил листовки и журналы с призывом записаться в ряды английской армии, собранные за четыре года. Он собирал их на улице, в магазинах и везде, где их раздавали, и дома тайком от родителей изучал их, рассматривал рисунки, перечи-

тывал слоганы и призывы. За несколько лет у него скопилась внушительная стопка. Отец нашел пачку этих листовок у Мэтью в комнате, пока тот был на занятиях, и очень сильно разозлился на старшего сына. Та ссора окончательно убедила Мэта сделать то, что он тайком планировал уже давно.

Мэту вспомнилась его последняя встреча со своими друзьями, как раз за несколько дней до их ссоры с отцом, когда тот нашел листовки. Все, как и сам Мэтью – дети лордов, судей, парламентариев, наследники больших состояний и сильных фамилий. Они собрались в гостях у одного из друзей, в имении его родителей, которое представляло собой небольшой дворец. К тому моменту Мэт уже несколько месяцев обдумывал возможность записаться в добровольцы на фронт. Ни с кем из друзей он не делился своей идеей и мыслями по этому поводу. Он был уверен, что им это просто было не интересно. Они либо не интересовались политикой и войной, либо цитировали мнения своих родителей относительно этих событий, не всегда понимая даже смысл слов.

Вот и в тот раз они сидели за большим столом, все разодетые по последнему слову моды, пили чай, и соревновались в престижности университетов и колледжей, в которые их отправят родители. Кто-то жаловался, что на день рождения ему подарили лошадь не совсем той породы, что он ожидал, кто-то хвастался, рассказывая в деталях об очередной победе на любовном фронте, а по факту еще одном разбитом сердце какой-нибудь молодой девушки. Мэт сидел молча, не

участвуя ни в одной из бесед и думал, что в этот самый момент его страна веден войну и где-то сейчас идёт бой и гибнут люди. Мэт считал, что он и его друзья это будущее нации. Через какое-то время именно они должны будут решать судьбы людей, принимая судьбоносные решения. Он считал, что такова их участь.

Мэтью злила поверхностность и примитивность некоторых его друзей. Судьба родины их интересовала меньше чем одежда, украшения и еда на завтрак. Именно поэтому Мэт не хотел делиться с ними своими идеями и мыслями. Находясь тогда среди своих друзей, слушая их разговоры, он окончательно решил для себя, что не может просто сидеть и рассуждать о такой откровенной ерунде, решил, что точно пойдет на фронт, чего бы ему это не стоило.

Сейчас Мэтью вспоминал, как плакала мама и Колин – его младший пятнадцатилетний брат, когда они с отцом кричали друг на друга и когда Мэт объявил, что собирается уйти на фронт, что его возраст позволяет ему сделать это. Отец тогда просто рассвирепел и даже грозился переломать ему ноги, если тот не образумится. Он готов был на все, лишь бы Мэтью остался дома. Но Мэт уже все для себя решил. Тупое упрямство отца и его нежелание считаться с мнением сына только раззадоривали Мэта, и он спорил с еще большей силой.

«Интересно, что сейчас делает Колин?» – подумал он. Они с младшим братом всегда были очень близки. Не про-

сто братья, а настоящие лучшие друзья, которые всегда и во всем друг друга поддерживали. Разница в возрасте в три года была незначительной, но, несмотря на это, Мэтью был неоспоримым авторитетом для брата. Колин всегда старался больше походить не на отца, а именно на него. Видел в нем пример. А Мэтью, в свою очередь, всегда чувствовал ответственность за младшего брата. Он знал, что тот во многом копирует его и старается быть на него похожим, хотя в силу возраста многое еще давалось ему с трудом. Внешне они были очень друг на друга похожи и в то же время отличались. Мэтью – высокий, худощавый, темноволосый, с большими голубыми глазами, которые перенял от матери. Несмотря на удобу, он всегда был физически крепок. Первым добегал до финиша в школьных соревнованиях и часто ходил в горные походы. При этом он хорошо стрелял, отец с раннего детства брал его на охоту на перепелок и лис. И несмотря на то что Мэт не любил убивать животных, стрелял он отменно, чем каждый раз вызывал похвалу отца.

Колин же был намного слабее брата, и дело не только в возрасте и росте, он был ниже Мэтью. Колин чаще болел, быстрее уставал и поэтому получал больше заботы и опеки от матери, что не могло не повлиять на мягкость его характера. Отец, конечно, тоже очень любил младшего сына, но Мэтью был его настоящей гордостью.

Когда они вместе ходили на охоту с братом и отцом, Колин быстрее всех уставал, но все равно шел за старшим братом,

тяжело дыша, не подавая вида, что устал. Колин едва мог держать ружье, не говоря уже о том, чтобы выстрелить из него и тем более попасть в дичь.

Мэтью очень любил своего младшего брата и больше, чем кто бы то ни было, хотел для него всего самого лучшего. У него разрывалось сердце, когда они так быстро и спешно прощались. Колин тогда плакал так сильно, что вскоре начал задыхаться. Мэт зажмурил глаза и попытался отогнать от себя воспоминания о рыдающем брате, это разрывало ему сердце. Сейчас Колин дома с семьей, и все они в безопасности – это самое главное.

«Интересно, что бы сейчас сказал отец, увидев своего старшего сына в грязном окопе? – думал Мэт. – Наверное, начал бы ворчать и бубнить свои нравоучения в свойственной ему манере. Он же всегда про все знает лучше, чем другие. За всех всегда решает и каждому говорит, что и когда делать». Мэтью представил ворчание отца и улыбнулся.

Его отец – лорд Генри Аллистер – был высокий, крепко сложенный мужчина с мощным выпирающим подбородком и аккуратно подстриженными усами. Когда он появлялся где-то, неважно где, все присутствующие замолкали, интуитивно понимая, что вошел очень властный и серьезный человек. Весь его вид говорил за него. Всегда сдержанный, он был суровым и рассудительным человеком. Он унаследовал свой титул и состояние от родителей, но никогда не кичился этим, принимал как должное. Также как лев родился

львом, а антилопа антилопой. Тут уже ничего не поделаешь.

Мысли о Колине и родителях окончательно отогнали от Мэта страх и тревогу. Взрывы стали громыхать все реже и вскоре прекратились совсем. Солдаты начали вылезать из окопов. Все с опаской поглядывали по сторонам и старались прислушаться, нет ли звука летящего снаряда.

2

Мэт и Чарли поднялись на ноги и, как и все, вылезли из окопа. Лагерь был полностью уничтожен. Все перемешалось с землей, грязью и кровью. Большая часть палаток была сметена. Повсеместно среди разбросанных ящиков, мешков и разломанных деревьев лежали трупы солдат и то, что от них осталось. Те, кто был ранен снарядами, громко кричали и стонали от боли. Многих солдат, поднявшихся из окопа, рвало при виде человеческих останков и изуродованных тел их сослуживцев. Санитары бегали и отдавали приказы другим солдатам, куда относить тяжелораненых.

– Какой кошмар, – тихо проговорил Мэт. – Столько убитых.

– Среди них могли быть и мы с тобой, – сказал Чарли, – если бы ты не спас меня. Спасибо. – Он положил руку на плечо Мэту. Тот посмотрел на босую ногу Чарли.

– Найди себе обувь.

– Что? – Он посмотрел на Мэтью, а потом на свою ногу. – А, точно, я совсем забыл.

Немного замешкавшись, Чарли переспросил:

– Как думаешь, где можно найти ботинок моего размера? Нам выдали только одну пару и не сказали, что делать в случае, если я потеряю один ботинок. Может, спросить у капитана?

– Думаю, у них сейчас и без этого забот хватает, – ответил Мэт, оглядываясь по сторонам. – Видишь кого-нибудь из нашего взвода?

– Нет, надеюсь, все живы.

– Я пойду проверю нашу палатку, вряд ли она уцелела, но, может, кому-то из наших нужна помощь, и кто-нибудь сейчас там. А ты найди себе где-нибудь обувь.

– Постой! А где я это сделаю. Особенно сейчас?

Мэт понизил голос и приблизился к другу.

– Чак, тебе может это не понравиться, и я понимаю, что это покажется не совсем правильным, но попробуй снять ботинок с кого-нибудь из парней, кому он уже не нужен. Понимаешь?

Внимательно выслушав, Чарли вытаращил глаза на Мэта.

– Что? Снять обувь с мертвеца? Ты что такое говоришь?! – затараторил он. – Это же мародерство! Если меня не отдадут под трибунал за такое... – он не закончил фразу. – Да и потом, красть у мертвого – это же грех! – добавил он шепотом.

– Я предупредил, что тебе это может не понравиться.

– Не понравиться? Да я категорически против! Красть у покойников – это не к добру!

– Да какая это кража, скажи, пожалуйста? И это не грех совсем. Обувь нам выдало командование. Тем более, сам посуди, убитым парням ботинки уже ни к чему, а тебе они необходимы. Или ты собираешься гнать немцев через всю Францию босиком по грязи? Ты скорее простудишься и за-

болеешь. Или, того хуже, поранишь ногу и занесешь инфекцию. В таком случае ногу эту придется отрезать. И скажи, пожалуйста, какой прок от тебя тогда будет на этой войне?

Чарли задумался.

– Эти парни отдали свои жизни за правое дело, защищая Британию, так пусть один из них послужит еще немного своей стране, одолжив тебе ботинок.

– Твои слова имеют смысл, – медленно проговорил Чарли, обдумывая услышанное. – Но все равно это как-то неправильно.

– Чак, это война, – с грустью проговорил Мэтью, осматривая разрушенный лагерь. – Что тут вообще может быть правильного?

Чарли, постояв еще немного, медленно побрел на поиски подходящего по размеру ботинка. Мэт пошел в сторону палаток своего взвода, вглядываясь в лица всех, кто ему встречался по пути, в надежде увидеть знакомых ребят. Со страхом он посматривал на лица убитых, опасаясь, что может кого-нибудь узнать. Ему казалось, что глаза всех мертвецов, которых он проходил, пристально его изучают. Казалось, что они смотрят именно на него. Не просто на него, а своими пустыми безжизненными глазами всматриваются ему в душу. Как будто видят что-то. Мэту стало не по себе от этого. Раньше он никогда не видел мертвецов. Еще больше его пугал тот факт, что какой-то час назад он со многими из них разговаривал на полевой кухне за завтраком. А теперь их нет.

Вот так просто. Был человек – и нет человека. А память и воспоминания о них как будто по инерции еще продолжают теплиться в выживших товарищах.

Мэтью прекрасно осознавал, когда шел записываться в добровольцы, что на войне будут убивать и он будет видеть смерть. Никаких иллюзий он не испытывал. Но сейчас, глядя на изуродованные тела людей, с которыми он болтал за одним обеденным столом, он испытывал очень странные чувства. С одной стороны, ему, конечно, было жаль всех погибших, но с другой – он благодарил Бога за то, что остался невредим после такого. Странная смесь эмоций.

Так он дошел до того места, где должна была быть их палатка. Конечно, самой палатки там уже не было. Разорванный тент лежал в грязи, присыпанный землей.

– Эй, парень! – Мэтью понял, что обращаются именно к нему.

– Да? – Он посмотрел на человека, который его звал. Метрах в десяти стоял санитар, около него лежал мертвый окровавленный солдат.

– Помоги мне оттащить этого беднягу, – он жестом указал на труп.

– Конечно. – Мэт подошел к нему. – Куда?

– Вон в тот овраг за деревьями. Всех мертвых складываем туда, – он указал в сторону деревьев. – Бери за ноги.

Мэт нагнулся и ухватился за ботинки, санитар взял труп за руки, и первый пошел в сторону оврага спиной вперед,

поглядывая через плечо себе под ноги. Мэтью старался не смотреть в лицо солдата, которого они несли. С некоторым облегчением он заметил, что глаза того были закрыты.

Они дошли до деревьев, сразу за которыми был спуск в небольшой овраг. Мэт замедлил шаг, увиденное поразило его. Тела солдат, сложенные в несколько рядов.

– Боже мой, сколько их тут? – спросил он.

– Уже около сотни, но еще приносят. Позже кто-нибудь будет пересчитывать и записывать их, – ответил санитар. – Этого несем дальше, в конец.

Они шли вдоль рядов мертвых, изувеченных тел. Все в крови, некоторых невозможно было узнать, так они были изуродованы. Мэтью почувствовал тошноту, к такому он не был готов. Пройдя дальше, он заметил солдата метрах в тридцати от них, который спиной к ним склонился над телом убитого, наверное, оплакивал друга. «На войне рано или поздно каждый потеряет кого-то из близких друзей», – подумал он.

– Все, кладь здесь, – сказал санитар. Они положили тело, и, выпрямившись, Мэт оглядел это место. «Здесь явно больше сотни», – думал он. Санитар достал сигарету и закурил.

– Будешь?

– Нет. Не курю.

– Я тоже еще неделю назад не курил, – усмехнулся санитар, – но это позволяет немного расслабиться. Скорее, даже отвлечься от всего этого кошмара.

Мэт не знал, что сказать ему. Он потупил взгляд.

– Ладно, я пойду искать свой взвод.

– Давай.

Санитар сделал затяжку и, задрав голову кверху, медленно выпустил облако дыма, смотря на голубое небо.

Мэт направился в ту сторону, откуда они пришли. Его внимание привлек солдат, которого он заметил ранее. На этот раз он сидел у другого тела и так же склонился над ним. «Что он делает?» – подумал Мэт. Замедлив шаг, он постарался приглядеться. Солдат поднялся на ноги, убирая что-то в карман брюк, и сделал несколько шагов к следующему телу. Мэт остановился. Незнакомец нагнулся над мертвецом, теперь он был лицом к Мэту, так что тот смог разглядеть, как человек обшаривает карманы куртки убитого. Затем он взял руку мертвеца и снял с нее часы. Посмотрев на них и немного повертев, тот засунул их себе в карман куртки.

Даже на таком расстоянии незнакомец казался здоровым. Голова была наголо обрита. Поднявшись на ноги, капрал заметил смотрящего на него Мэта. Он замер на несколько секунд, огляделся и негромко, но так, чтоб Мэт услышал, прорычал:

– Чего вылупился?

– Что ты там делаешь? – робко спросил Мэт.

– Не твое дело. Вали отсюда.

– Верни все, что взял, – более решительно ответил Мэт.

– Что-о-о? – вопросительно протянул незнакомец со зло-

стью.

– Ты меня услышал.

Тот несколько секунд стоял, не шелохнувшись, всматриваясь в Мэта.

– Вали отсюда, – уже громче прорычал он.

– Я не могу, – нерешительно проговорил Мэт. – Так нельзя. Последний раз предлагаю вернуть все, что украл.

– А то что? – прорычал незнакомец и злобно улыбнулся.

Мэтью кожей почувствовал исходящую от незнакомого солдата агрессию. Какой-то сильный негатив и злобу излучал этот человек. И дело даже не в мародерстве, было что-то еще, что-то опасное.

Так они стояли несколько секунд и молча изучали друг друга. Незнакомец пристально смотрел в глаза Мэту, как будто выжидая чего-то. Мэт почувствовал страх. Холодок медленно прошел по его шее, так что его передернуло.

Незнакомец был в форме капрала, то есть в таком же звании, как и Мэт, думал он.

– Еще раз тебе говорю: вали отсюда, – проговорил здоровяк.

Мэт чувствовал сильный дискомфорт, его сковал страх, не позволявший ему пошевелиться. Как будто тот человек загипнотизировал его и не отпускал. А может, все дело в инстинкте самосохранения? Как у животных, когда зверь поменьше чувствует затаившегося хищника и сам становится неподвижным, чтобы не выдать себя. Он все-таки поборол

страх и, резко развернувшись, пошел в сторону лагеря.

«Необходимо доложить капитану или кому-нибудь об этом», – решил он. Поднявшись из оврага, он начал быстро вглядываться в людей, в поисках офицера или кого-нибудь со званием повыше.

Пройдя вглубь лагеря, он увидел своего взводного капитана. Капитан Смит стоял на том месте, где раньше была их казарменная палатка, рядом с ним были его товарищи по взводу, среди них был Чарли.

Мэт быстрым шагом направился к ним. Подойдя ближе, он услышал, как капитан инструктирует солдат, собравшихся вокруг него. Заметив Мэта, Чарли махнул ему рукой.

– Где ты был? – шепотом спросил Чарли. – Я тебя обыскался. Кстати, я нашел ботинок. – Он выставил правую ногу, хвастаясь новым предметом гардероба.

– Помогал санитару, – ответил Мэт. – Какие указания от капитана?

– О! Мы будем продвигаться дальше. Сегодня прибудет еще несколько дивизий, а завтра мы выдвинемся на северо-восток. Там надо занять какой-то город, не выговорю название. Немцы вроде как отступают.

– Ага, отступают. А кто тогда по нам артиллерией бил?

– Так вот про это и речь! Они бегут, а перед этим нас хотят сдержать, чтоб подальше драпать.

– Привет, Мэт! Ты как, не ранен? – Рыжеволосый капрал вышел из толпы и подошел к ним.

– Огаст, все в порядке, – ответил Мэт. – Сам как?

– Я цел, ребята из нашего взвода тоже живы, – сказал молодой парень и широко улыбнулся.

Ярко-рыжие, почти красные волосы и бледный цвет кожи выделяли его из толпы. Огаст Кэб был среднего роста, но крепкого телосложения. До призыва он занимался боксом и даже планировал поехать на соревнования, но так же, как и многие молодые ребята,ждавшись призывного возраста, сразу записался на фронт.

Капитан закончил инструктаж и, распустив солдат, быстрым шагом куда-то пошел. Мэт, протискиваясь сквозь толпу товарищей, стараясь не выпустить капитана из вида, продвигался в его сторону.

– Капитан Смит! Капитан Смит, разрешите обратиться!

– Что тебе, Аллистер? – ответил капитан, не останавливаясь.

Капитан Смит был хорошим офицером. Мужчина сорока пяти лет, высокого роста, с аккуратно постриженными усами, как у отца Мэтью. Все рядовые и капралы любили его и воспринимали как к строгого, но любящего отца. Скорее всего, потому, что сам капитан относился к своим подчиненным с уважением и заботой. У других офицеров он также пользовался большим уважением. Он был рассудителен, строг, при этом справедлив, мало говорил, но всегда по делу. Он прекрасно понимал, что ему достался взвод молодых новобранцев, которые ничего не понимают в военном

деле и для многих из которых эта война, скорее, была приключением из каких-нибудь книг. Он также понимал, что для большинства из них эта война окажется последним приключением. Смит чувствовал ответственность за жизнь каждого из этих молодых парней, еще несколько недель назад бывших обычными мальчишками. Он видел своей целью как можно лучше обучить этих парней и как можно дольше сохранить им жизнь, при этом выполняя задания командования.

– Капитан, я хочу поговорить с вами об одном инциденте.

– Аллистер, ты выбрал очень неудачное время для этого.

Разве не видишь, какая сейчас неразбериха?

– Понимаю, сэр, но дело не терпит отлагательств. – Капитан

глубоко вздохнул и потер глаза.

– Слушаю.

– Спасибо, сэр. Я помогал санитару переносить тело убитого в овраг и случайно увидел, как один солдат в форме капрала обшаривал тела. Он шарил по карманам, снимал с тел часы и забирал все это себе.

– Ты уверен?

– Абсолютно, сэр.

– Проклятье! – негромко выругался капитан. – Мародеров еще не хватало. Ты знаешь, из какого он взвода?

– Нет, сэр, но точно не из нашего. Раньше я его не встречал.

– Сможешь узнать его?

– Думаю, да.

– Ладно, сделаем так: когда встретишь его в следующий раз, подойди ко мне и укажи на него. Я буду в офицерской палатке.

– Есть, сэр.

– А теперь иди восстанавливать лагерь вместе с остальными. Сегодня придут еще несколько батальонов, а завтра мы все выступаем.

– Так точно, сэр!

Капитан Смит пошел дальше, а Мэт направился к своим товарищам. Лагерь быстро возвращался к прежней жизни. Времени на переживания и скорбь по погибшим не было. Нужно было все восстановить и двигаться дальше. Все это понимали. Все чаще стал слышен дружный смех. Солдаты подшучивали друг над другом. Поначалу Мэта это удивило и немного возмутило, но он быстро понял, что во время постоянного стресса и боязни погибнуть смех – отличное лекарство.

Многие по-прежнему уносили убитых. Раненых относили в быстро сооруженный вместо уничтоженного лазарет. Мэт подошел к своим сослуживцам, которые натягивали длинный тент – их будущую казарму.

– Как вам первое боевое крещение, парни? – спросил один из капралов своих сослуживцев.

– У меня до сих пор трясутся руки и гудит в ушах, – отвечал кто-то из парней.

– На моих глазах убило несколько человек.

– Немцы заплатят за это! Я слышал, что они бросили свои позиции и отступают. Бегут крысы!

– Да! Заплатят за каждого убитого!

– Эй, Чарли, говорят, ты еле спасся от бомбежки?

– Да. Если бы не Мэт, от меня бы ничего не осталось! – ответил Чарли. – Если так пойдет и дальше, то на этой войне я точно похудею, в жизни так быстро не бегал.

– А я думал, ты уже похудел в учебке!

Все дружно рассмеялись.

– Скотт, как твой котелок? – спросил Огаст капрала с перевязанной головой. – Надеюсь, не все мозги вытекли?

Все опять засмеялись. Сам капрал с повязкой на голове широко улыбнулся.

– Кое-что еще осталось. Болит, но врачи сказали, что жить буду. Осколком задело, – ответил тот. – Я, конечно, не рассчитывал, что меня ранят в один из моих первых дней на войне. Было бы обидно пропустить всё из-за глупого ранения.

Скотт закурил сигарету.

– Могло быть и хуже, ты мог сейчас лежать в овраге с теми беднягами, кому не так повезло, – сказал Чарли. – Или, еще хуже того, тебе могло оторвать руку или ногу.

– Это точно, – ответил Скотт. – Я, когда шел записываться в призывной пункт, думал, что меня ждет что-то вроде большого похода. Конечно, я знал, что будут бои и все такое, но

не рассчитывал, что придется бегать и прятаться от бомб.

– Так тут война. А ты думал, что будет пикник? – спросил кто-то.

– Я рассчитывал бить врага, вот что я думал. А тут эти бомбы! Как можно сражаться против бомб, летящих с неба? Это нечестно!

Скотт затаился и, выпуская дым, продолжил:

– У меня в руках винтовка, а тут эти бомбы. Я даже не видел того, кто в меня их запускает! Вот я бы ему навалял, если бы оказался перед ним!

– У тебя еще будет возможность встретиться с немцами лицом к лицу, – сказал Огаст.

– Очень на это надеюсь. Потому что это совсем не то, что нам рассказывали в учебке.

– Скажи спасибо, что немцы не газом нас травили. Ребята говорили, что они применяют газ и травят людей в окопах, а потом добивают выживших.

Все притихли. Каждый слышал эти ужасные истории от уже повоевавших солдат про то, как их травили немцы. Выпускали газ прямо в окопы, и если ты не успевал надеть противогаз за несколько секунд, пока на тебя быстро надвигалось густое газовое облако, все – мучительная смерть. Рассказывали, что если не повезло умереть сразу, то человек настолько исходил кашлем, что буквально выплевывал свои внутренности. Помимо этого газ выжигал глаза так, что люди слепли. В учебке их всех заставляли тренироваться по

быстрому надеванию противогазов. Бывалые рассказывали, что защиты на всех все равно не хватает, так вот, те, кому не достался заветный противогаз, при газовой атаке бежали в сортир и окунали голову в ведро с мочой. Отвратительно? Конечно, но зато ты оставался живой. Слушая эти истории, новобранцы смеялись и морщились от отвращения. Но позже, когда они видели людей, переживших газовые атаки, с обожженными лицами и перевязками с кровавыми пятнами на том месте, где должны быть глаза, каждый из них думал, что ведро с дерьмом не такая уж и плохая идея. Чего только не сделаешь, чтобы выжить.

– Газ, артиллерия, мины. Все это подлые методы ведения боя. Ты можешь быть самым быстрым, самым метким и сильным, но какой от всего этого толк, если тот, кто идет рядом с тобой, случайно наступит на мину и вы оба подорветесь? – продолжил Скотт. – Твои навыки и качества не уберегут тебя от артиллерии. Все это очень несправедливо.

– То ли дело раньше! – улыбнулся Огаст. – Когда солдаты сражались на мечах. Армия на армию сотнями. Тогда все зависело от твоей физической силы и от того, как долго ты сможешь махать мечом. Половина из нас, дохляков, даже и меч не подняла бы, не говоря уже о том, чтобы сражаться толком.

– Да даже в таком бою чести больше, чем во всем этом. – Скотт бросил окурок в грязь под ногами.

– Кстати, раньше, в древние времена, некоторые прави-

тели, ведущие войска на бой, чтобы сохранить жизни своим солдатам, предлагали врагу битву их лучших воинов, – встрял Чарли.

– Да ладно! Прикальываешься!

– Серьезно тебе говорю.

– А остальные чего? Просто стояли и смотрели, как дерутся двое?

– Да. Сотни солдат стояли и смотрели, как дерутся самые сильные воины.

– Вот это да! А потом что? Когда кто-то побеждал.

– Ну, там разные были случаи. Бывало, армия погибшего воина переходила под командование победителей. Бывало, они просто уходили со своих земель. Но при этом они были живы. Такие порядки.

– Да. Достоинства и чести у людей раньше было побольше, – протянул рыжеволосый Огаст.

– Вот и скажи мне, Чарли, раз ты такой умный и хорошо знаешь историю, – повернулся к нему Скотт, – отчего сейчас-то так?

– Что ты имеешь в виду?

– Вот раньше у людей были только мечи и копья. Они не имели техники, радио и всего того, что есть у нас сегодня. Науки не было, да много чего еще. Они же были необразованные варвары, верили во множество богов. Но при этом они, получается, были благородны, понимали, что такое честь и достоинство. Отчего сейчас так? Что произошло

с людьми, что они стали такими? Все эти мины, газ и все остальное. Вот чего сегодня не выбрать самых сильных – и чтоб они сражались?

– А я тебе отвечу, – вмешался Огаст. – Оттого, что слабые заранее понимают, что они слабее, но при этом проигрывать не хотят, вот и придумывают всякие ухищрения – мины и бомбы, чтобы хоть и грязно, но победить. Технологии сейчас это позволяют сделать, вот они и пользуются. Сегодня побеждает не самый сильный, а самый хитрый.

– Я вот что думаю, – сказал Скотт, – вот те, кто развязал эту войну, вот пусть бы они и бились между собой.

– Ты имеешь в виду политиков? – уточнил Чарли.

– Политиков, генералов, кто там еще у них есть? Банкиры тоже. Вот пусть они бы между собой и бились, раз им что-то надо друг от друга.

– Как ты себе это представляешь? Собрались пожилые старики и начали тыкать друг в друга тростями и палками, ворча? – рассмеялся Огаст.

Ребята расхохотались.

– Да, на такое я бы посмотрел! Просто я не понимаю, зачем нас во все это втягивать. Я готов сражаться за родину, за правду и справедливость, но не готов идти на бойню, где от меня ничего не зависит. Мы все тут пушечное мясо.

– Армия на то и существует, – внезапно вмешался Мэтью, – чтобы такая страна, как Англия, смогла защищать себя и своих союзников. У политиков и банкиров есть свои

дела, у военных – свои. Каждый должен заниматься своим делом.

– Но я же не солдат. То есть это все не моя жизнь и не мое призвание, – возразил Скотт. – Я обычный парень, который пытается хоть как-то пробиться в жизни.

– Но ты стал солдатом, когда пришел в призывной пункт, – парировал Мэт. – Страна доверила тебе важную миссию, а ты подводишь ее, говоря о том, чтоб дрались политики вместо тебя. Нельзя сегодня хотеть быть солдатом и защищать свою страну, а завтра перестать этого хотеть. Это безответственно. Что тогда будет со страной, если все солдаты начнут так рассуждать?

Скотт нахмурил брови и молча смотрел на Мэта, пока тот продолжал:

– Да, идет война, да, тяжело, да, гибнут люди, и ты можешь погибнуть тоже. Но мы солдаты. Мы отправились на войну, чтобы защищать нашу родину. Именно от нас зависит исход, именно от нас зависит, победим мы или нет. От нашей стойкости, нашей веры в победу.

Все внимательно слушали Мэта.

– Ты просто перечитал листовок и газет! – возразил ему Скотт.

– Да, парень! Тебе бы перед толпой выступать! – воскликнул Огаст. – Такие у тебя речи красивые! Я сейчас сам чуть было в это не поверил.

Опять дружный смех.

– Кстати, расскажи нам, а как ты сюда попал, Мэт? – спросил Огаст. – Ты же вроде из лордов. В отличие от нас, простых работяг, ты мог бы спокойно отсидеться где-нибудь. Что тебя сюда привело?

Некоторые ребята посмотрели на Мэтью с любопытством. Они что-то такое уже слышали о том, что Мэтью имеет какой-то титул. Это значит, что он мог бы вообще избежать призыва или на крайний случай отсидеться в штабе, где хорошая еда, да и безопасно, в конце концов.

– Что меня привело? Чувство долга, – уверенно ответил Мэтью. – Я не мог оставаться дома, видя, что происходит с миром и с моей страной. Записался добровольцем. Вот и все.

– Так ты же лорд! Почему ты не пошел в штаб, если уж так прям хотелось на войну? – не унимался Огаст.

– А что бы я там делал? Просиживал штаны, пока настоящая война идет совсем в другом месте?

– Зато в безопасности, – буркнул Скотт.

– Ну, хорошо, в безопасности. Но, сидя в штабе в безопасности, врага не победить и войну не выиграть. Именно на передовой идут сражения, и именно тут творится настоящая история.

– А что твои родители? – поинтересовался Огаст.

– А что они?

– Они вот так спокойно отпустили тебя на фронт?

Мэт взглянул на Чарли. Тот с грустью смотрел на него, так как знал, что Мэтью сбежал из дома. Мэт рассказал ему еще

в учебке про это, когда они познакомились.

– Они и не отпускали.

– То есть как?

– Я сбежал из дома.

– Ты сбежал?! – изумился Огаст.

– Да.

– Ты сбежал из своего богатенького и, я уверен, огромного дома, чтобы сейчас с нами, парнями из низов, в этой грязи устанавливать казарму?

Мэт замолчал на некоторое время. Все, притихнув, ждали его ответа.

– Я сбежал из дома потому, что отец не разделял моего мнения, – негромко поведал Мэт. – Мир вот уже несколько лет сотрясает эта война. Гибнут люди, ни в чем не повинные люди, которым нужна наша помощь. Бомбят нашу родину. Я не мог просто так сидеть дома и смотреть на все это. Творится самое настоящее зло. Каждый день я читал газеты и новости с фронта о разрушенных городах и о погибших и просто не мог оставаться в стороне от этого.

Все внимательно слушали его.

– И да, ты прав, я всегда мечтал устанавливать казарму в грязи вместе с парнями из низов, – улыбаясь, добавил он.

Огаст улыбнулся в ответ. Некоторые рассмеялись.

– Я пошел потому, что сам хотел на эту войну. Я хочу положить конец этому злу.

– Каким образом?

– Я достаточно неплохо стреляю и подумал, что мои навыки могут быть полезными.

– То есть ты хочешь положить конец злу и насилию, но при этом сам творя такое насилие? – спросил Скотт.

– Да, ты прав. Иногда, чтобы защитить слабых и угнетенных, нужно применить силу. Иначе никак. Если придется убивать, чтобы окончить эту войну и принести мир, я буду это делать.

– По-твоему, здесь нет противоречия? – продолжал Скотт.

– Нет противоречия в том, чтобы нести мир! – немного раздраженно ответил Мэт.

– Да у нас тут идеалист в отряде! – воскликнул Огаст, улыбаясь.

– Мэт, а тебе не приходило в голову, что те, кто печатает эти газеты с призывом, которые ты читал, хочет, чтобы ты пошел на войну? Это же пропаганда. Разве нет? Они что угодно там напишут, лишь бы народ их читал. Мой папаша говорит, что газетам доверять нельзя, что через них политики оболванивают население и заставляют людей делать то, что им надо, – продолжил Скотт.

Мэт задумался.

– Я так не думаю. Газеты – очень нужное и полезное явление. Они просто отражают факты. Я не согласен с твоим отцом, что власти нас оболванивают. Да и зачем им это? Каждый правитель хотел блага для своего народа.

– Ну, хотя бы затем, чтобы мы пошли воевать на эту вой-

ну. Газеты не все могут рассказать. Что-то могут упустить или приврать. А что-то, наоборот, перевернуть и запутать.

– Я не согласен с тобой. Кому тогда доверять, если не властям? – резко перебил его Мэт, заметив, что начинает злиться, сердце застучало быстрее. – Во власти сидят люди гораздо умнее нас с тобой! Нам многое неизвестно, и поэтому простые люди не всегда могут понять ход мысли правителей!

Он сделал паузу, чтобы успокоиться и перевести дыхание.

– Если не верить властям, тогда кому верить?

– Я не знаю. Папаша не сказал, – задумчиво ответил Скотт.

Ребята рассмеялись на это. Ни Мэт, ни Скотт не хотели продолжать этот разговор.

– А я пошел на войну, чтобы на мир посмотреть, – нарушил молчание Огаст, не обращая ни к кому конкретно. – Я родом из маленькой деревни и никогда из нее не выбирался. Все, что я видел, – это поля, овцы, куры и коровы. Денег у моей семьи немного, так что это был единственный способ хоть как-то сбежать оттуда и попутешествовать. Поэтому я и записался на фронт.

– И что? Как тебе Франция? – спросил кто-то из ребят. – Правда же, красивая страна!

Все рассмеялись. Все они находились во Франции каких-то пару дней и ничего не видели, кроме лагеря и бесконечных лабиринтов окопов, окруженных бескрайними, черными от грязи полями, изуродованными воронками от бомб.

– Именно так я себе все и представлял, – со смехом ответил Огаст. – Жду не дождусь, когда нам подадут сыр и вино. А что? Это всяко лучше, чем тухнуть в той глуши, откуда я родом. Здесь я хотя бы чувствую, что мы на передовой. Именно про нас будут писать газеты и говорить по радио. Про наши бои и подвиги.

– Ага. Если нас не прибьет следующей бомбой, летящей с неба, – пробурчал Скотт.

– Разве вы не чувствуете себя героями, парни? Воинами-освободителями Европы? – вдохновенно спросил Огаст.

– Я себя так пока не чувствую, – отозвался Чарли.

– Какими героями? – ответил Скотт. – Я чувствую, что нас собрали из того, что оставалось, и кинули в эту мясорубку. Нас, неопытных, молодых и глупых. Что, по сути, мы можем здесь сделать? Я первый раз в жизни взял в руки винтовку всего три недели назад в учебном лагере. Какую пользу я могу принести?

– Скотт, войны выигрываются не конкретными солдатами, а армиями. – Чарли снял очки и начал их протирать. – Ты часть нашей сильной армии, как и мы все. Вместе мы сила, которая уже может что-то сделать. Что-то значимое для истории.

– Ага. Скажи это тем парням, которые погибли сегодня. Вот они успели значимых дел наделать.

– Ладно, хватит об этом, – вмешался Огаст. – У нас есть

враг на этой войне, не хватало еще между собой собачиться.

Все поддержали его одобрительными возгласами и шутками.

– Мэт, эй, Мэт. – Скотт подошел к нему и нерешительно потупил взгляд.

– Да?

– Я не хотел ругаться с тобой, – проговорил Скотт. – Я из простой семьи работяг и действительно много чего не знаю. Я вообще, по правде сказать, первый раз вижу живого лорда.

– Да ладно тебе, тоже мне достижение, – отмахиваясь, сказал Мэт. – Все в порядке, извини ты меня, если я резко высказался о твоём отце. Не хотел никого обидеть.

– Мой отец вообще много говорит. На все есть свое мнение. Я же далек от таких заумных рассуждений о политике, религии или еще о чем-то.

Мэт приобнял его за плечо.

3

Капрал поднялся из оврага, осмотрел лагерь и направился к деревьям, в противоположную сторону. Он шел быстрым шагом и оглядывался проверить, не следит ли кто-нибудь за ним. Капрала звали Джордж Коул. Грубые черты лица на бритой голове, высокий рост и крепкое телосложение придавали ему грозный и даже воинственный вид. На голове длинный и глубокий уродливый шрам, тянущийся от затылка над ухом к левому виску. Костяшки на кулаках в грубых старых затверделых мозолях от частых драк.

Джордж был в окопе, когда начался артиллерийский обстрел, и не вылезал оттуда до самого конца. А когда все закончилось и все побежали помогать раненым, он присоединился к тем, кто относил погибших из лагеря в овраг. Джордж специально помогал именно с убитыми, а не с ранеными, и не вызвался разгребать завалы. Он смекнул еще в окопе, что будет много убитых, у которых при себе наверняка есть какие-то ценные вещи: часы, браслеты, кресты, кольца, может, даже деньги.

И Джордж не ошибся. Когда он с парой других солдат отнес несколько убитых, то намеренно отстал от остальных, когда те возвращались в лагерь за новыми телами. Проверив, что никто не наблюдает за ним, он начал осматривать карманы куртки и брюк первого убитого солдата, которого он толь-

ко что принес. Длинные пальцы, словно лапки большого паука, шарили по карманам. Не найдя ничего существенного, кроме небольшого сухаря, завернутого в бумагу, и нескольких пустых гильз, Джордж перешел к следующему.

Обыскав так несколько тел, он собрал пару наручных часов, несколько колец и какие-то письма. Все это он прятал в карман куртки. Затем он вернулся в лагерь и несколько раз снова отнес убитых в овраг. К этому времени тел там скопилось гораздо больше. Обыскав так еще около десяти тел, Джордж имел набитые всякими личными вещами карманы куртки. Он планировал разобрать их позднее, чтоб выкинуть то, что не представляло для него никакой ценности.

Закончив с очередным обыском, он встал и увидел смотревшего на него солдата. «Вот черт!» – выругался он про себя. Как долго за ним наблюдают? Джордж понял, что на короткое время потерял бдительность и позволил себя заметить. Понял ли тот солдат, что именно он делает?

Кажется, ему все-таки удалось прогнать тогда этого солдата.

Сейчас, сидя под деревом метрах в пятистах от лагеря, Джордж вспоминал этот случай и думал, что будет дальше. Скорее всего, на него доложат офицерам, а значит, могут обыскать. Он как раз закончил осмотр добычи, что успел найти, и отделил то, что он хотел бы оставить себе, от всякой ерунды, не представляющей никакой ценности. После войны это можно было заложить и неплохо навариться. Пись-

ма, которые он нашел в карманах убитых, Джордж порвал, не читая, и зарыл в небольшую яму, вместе с остальными ненужными ему вещами. А кольца, цепочки и более-менее сносные часы он решил спрятать на случай, если его будут обыскивать.

Завернув все это в платок, он засунул его в куртку и застегнул ее. Проверив, не сильно ли выпирает добыча, он довольный, с ухмылкой на лице направился в сторону лагеря.

Если так пойдет и дальше, думал он, то мало того, что он сможет переждать на войне те проблемы, которые на него свалились несколько недель назад и послужили причиной того, что он оказался здесь, так эта война еще поможет ему разбогатеть. Улыбаясь этим мыслям, Джордж вернулся в лагерь.

4

Лагерь постепенно приводили в порядок, убирали разбросанные вещи, возводили разрушенные палатки, укрепляли окопы. Через несколько часов после артиллерийского обстрела все вернулось в прежнее русло. Все обсуждали недавний обстрел и делились историями, как они пережили бомбежку. Погибших оказалось полторы сотни, и, как говорили офицеры, потерь могло быть гораздо больше, если бы у врага было больше времени и снарядов.

Закончив возводить большой тент – казарму, Мэт с товарищами получили приказ направиться в окопы и продолжить работы по их укреплению.

Идя в сторону окопа, Мэт заметил лысого капрала, которого видел ранее в овраге собирающим вещи с убитых солдат. Он курил сигарету и разговаривал с другими солдатами поодаль от него, самого Мэта тот не видел. Решив, что необходимо сообщить капитану, Мэтью сразу направился в сторону офицерской палатки, что была в самом центре лагеря. Около палатки стоял часовой.

– Мне необходимо поговорить с капитаном Смитом, мое имя – капрал Мэтью Аллистер, – сказал Мэт, подойдя к часовому.

Тот зашел в палатку и через несколько секунд вышел. Вслед за ним появился капитан Смит.

– Аллистер.

– Капитан, я заметил того капрала, о котором вам говорил.

Мародера.

– Ты уверен, что это именно он?

– Так точно, сэр.

– В таком случае покажи, где он.

Вместе они прошли несколько рядов палаток и остановились около одной. Мэт выглянул из-за угла.

– Тот, что курит, – сказал Мэт.

Капитан выглянул из-за угла.

– На каком расстоянии ты видел того капрала в овраге?

– Примерно на таком же, на каком он сейчас, сэр.

– То есть ты абсолютно уверен, что это тот самый капрал?

– Почти на сто процентов уверен, сэр.

– Почти? То есть ты не до конца уверен в этом?

Мэт замялся. Он еще раз выглянул из-за угла палатки.

Здоровый, лысый. Да, это он.

– Я полностью уверен, что это именно тот капрал, который мародерствовал в овраге.

– Твои обвинения очень серьезные, Аллистер. Я не хочу вносить смуту, особенно сейчас, когда мы только начали восстанавливать лагерь, притом что на носу выступление.

– Понимаю, сэр. Я абсолютно уверен. Он обшаривал тела убитых.

– Ясно. Возвращайся к своим, если понадобишься, тебя вызовут.

– Есть, сэр.

Мэт направился в сторону своего взвода в окоп, обдумывая эту ситуацию. Недобросовестный капрал решил нажиться на смерти своих сослуживцев. И это в самый разгар войны. «Как можно быть настолько мерзким человеком, чтобы позволить себе такое?» – думал он. Мэт чувствовал, как злость подогривала его кровь. Какая несправедливость и полное неуважение к погибшим солдатам. Какая это низость – опуститься до такой степени, чтобы, как падальщик, рыскать среди убитых. После такого ему дорога под трибунал, а дальше его вернут в Англию и посадят в тюрьму, где ему самое место. Такие, как этот капрал, позорят армию и честь мундира. Его бы при всех высечь розгами за такое.

«Пока не стоит говорить ребятам о случившемся, – думал он. – Капитан, если сочтет нужным, сам расскажет им. Для других это будет хорошим уроком». С этими мыслями он вернулся к своему отряду.

Капитан Смит недолго следил за капралом, на которого указал Аллистер. Тот явно не спешил работать как остальные, вместо этого он сидел на сложенных ящиках и курил сигарету одну за другой. Впечатление он производил не самое приятное. Его внешний вид, то, как неаккуратно он носил форму и как он себя вел, говорило о многом капитану Смигу.

Уж он-то достаточно повидал людей в форме. Именно людей в форме, а не солдат. Для себя он четко разделял эти два понятия. Считал, что если человек надел форму, то это не дает ему права считать себя солдатом. Были еще такие понятия, как устав, честь и долг. Не многие придавали этим словам значение. Для большинства то, что здесь происходило, было приключением и не более того. Капитан Смит это прекрасно понимал. Он прекрасно понимал и то, что за четыре года этой бесконечной и кровопролитной войны армия Британии растеряла достаточно много людского ресурса. Самые лучшие и достойные солдаты либо погибли за годы войны, либо были ранены и отправлены домой. Но продолжать войну было необходимо, а значит, было необходимо принимать всех, кто изъявит желание вступить в ряды вооруженных сил.

Поэтому сейчас, видя новобранцев, он испытывал некое

разочарование. Не столько конкретно в них самих, сколько во всем нынешнем поколении. Так мало было среди этого молодняка по-настоящему хороших солдат и еще меньше достойных людей. Никакого уважения ни к солдатской форме, ни даже к флагу своей родины не было у многих из них. Поначалу это его удивляло и злило. Но со временем он стал привыкать к такому положению дел и за это злился на себя самого.

Поправив форму, капитан Смит направился к капралу. Когда он приблизился, его заметили солдаты и начали отдавать честь. Лысый капрал с сигаретой тоже заметил приближающегося капитана и медленно, нехотя, затянувшись сигаретой, встал с ящиков.

Подойдя к нему со всем близко, капитан Смит увидел, насколько тот был высокий и крепко сложенный, и почувствовал резкий и терпкий запах табака вперемешку с запахом пота. К его горлу подступила тошнота.

– Имя, капрал?

– Джордж Коул, – прохрипел капрал.

– Кто твой капитан?

– Э-э-эм-м, капитан Монро, – не сразу вспомнил Джордж.

– Ты идешь со мной. – Капитан Смит направился к палатке офицеров, где должен был быть капитан Монро.

Около палатки офицеров он приказал Джорджу ждать у входа, а сам зашел внутрь. Через несколько минут из палатки вышел солдат и позвал Джорджа внутрь.

В центре небольшой палатки был стол, на котором лежали карты и какие-то документы. За столом сидел капитан Монро – седовласый мужчина лет сорока с серьезным выражением лица. Он грозно смотрел на Джорджа, который встал перед столом. Капитан Смит стоял с руками, сложенными сзади. В дальнем углу палатки за столом поменьше сидел еще один солдат и что-то писал, не обращая внимания на происходящее.

– Капрал Коул, – басом прогремел капитан Монро, – вы хотите мне что-нибудь рассказать перед тем, как я начну задавать вопросы?

– Нет, сэр, – прохрипел Джордж.

– Уверены? – протянул капитан.

– Так точно, сэр.

– Против вас выдвинуты обвинения в очень серьезном деянии. – Капитан сделал паузу, изучая реакцию Джорджа. – Это очень серьезное дело. – специально повторил он. – Утверждают, что вы замечены в мародерстве.

Джордж, не шевелясь, смотрел куда-то в область стола. Не на капитана.

– Как-нибудь поясните ситуацию?

– Капитан Монро, сэр, я не понимаю, о чем идет речь, – озабоченно проговорил Джордж и сделал как можно более удивленное лицо.

– Тебя видели, как ты обшаривал тела убитых солдат, которых санитары относили в овраг. И как ты собирал их лич-

ные вещи. Если обвинения подтвердятся, тебя ждет суд и тюрьма в Англии.

– Сэр, это какая-то ошибка! Я действительно помогал санитарам относить тела погибших, но даю честное слово, что никаких вещей я себе не забирал.

Джордж чувствовал себя нелепо, пытаясь изобразить удивление и обиду. Он знал, что из него выходит плохой актер, и поэтому старался как можно более естественно изобразить эмоции. Капитаны видели его плохую игру. Они повидали достаточно, чтобы научиться различать, когда человек действительно говорит правду, а когда нагло врет.

– В таком случае нам придется тебя обыскать и осмотреть твои вещи в палатке.

– Как прикажете, сэр, – Джордж посмотрел на капитана Смита, – но говорю еще раз: это какая-то ошибка.

Капитан Смит прищурил глаза, он терпеть не мог лжецов.

– Сними куртку и выверни карманы брюк, – грозно проговорил капитан Монро.

Джордж повиновался. Карманы брюк оказались пустыми.

– Эрик, проверь куртку, – сказал Монро солдату, что сидел сзади. Тот оторвался от писанины и быстрым шагом подошел к Джорджу, взял куртку и демонстративно обыскал ее, проверив каждый карман. Из куртки он достал смятую пачку сигарет.

– Только сигареты, капитан, – отчитался солдат.

– Одевайся, – сказал он Джорджу. – Теперь пойдем взгля-

нем на твои вещи.

Вчетвером, под предводительством капитана Монро они вышли из офицерской палатки и направились к натянутому тенту, что служил казармой для капралов его взвода. Зайдя внутрь, они пропустили вперед Джорджа, чтобы тот провел их к своей койке. Другие солдаты с любопытством следили за происходящим. Около каждой койки стояли ящики с написанными мелом фамилиями солдат. Джордж подошел к своему.

– Эрик, – позвал капитан Монро.

Солдат молча подошел к ящику, открыл его и начал выкладывать вещи из него на койку, пока Джордж, капитан Монро и капитан Смит наблюдали. Выложив все вещи, среди которых была одежда, бритва для бритья и посуда, помощник капитана Монро принялся осматривать и прощупывать койку.

– Ничего, сэр, – сказал Эрик и выпрямился около кровати в ожидании дальнейших указаний.

Капитан Монро и капитан Смит обменялись взглядами.

– Я же говорил, капитан Монро, это какая-то ошибка, – хрипел Джордж. – Вероятно, меня спутали с кем-то еще. Я ни в чем не виноват.

Тяжелым взглядом капитан Монро глядел на Джорджа.

– За мной, – скомандовал он, и все вчетвером вышли из палатки, оставив вещи Джорджа разложенными на кровати. Они вернулись в офицерскую палатку, откуда пришли.

– Капрал Коул, – начал Монро, – приношу свои извинения. Вероятно, произошла какая-то ошибка. – Он многозначительно посмотрел на капитана Смита. – Но, так или иначе, пусть это послужит уроком на будущее. Мародерства среди своих солдат, тем более кражу у убитых сослуживцев, я не потерплю. Вам все ясно?

– Так точно, сэр! – выпрямился Джордж.

– Свободен.

Джордж отдал честь и вышел из палатки. Монро сел за стол и тяжело вздохнул. Он потер глаза и совсем другим голосом обратился к Смиту:

– Либо он умело врет и уже перепрятал все награбленное в каком-нибудь тайнике, либо твой парень просто ошибся, Смит.

– Проклятье! – негромко выругался капитан Смит.

– В любом случае уже через несколько дней это станет твоей заботой. Мои взводы перейдут под твое командование, и вы выдвинетесь дальше. А я останусь укреплять линию обороны и обеспечивать снабжение. – Монро откинулся на спинку стула.

За последнее время все вымотались и устали, и капитан Монро не был исключением.

– Я разберусь с этим делом, – тихо проговорил Смит.

О бомбежке напоминали только оставшиеся воронки, все остальное было убрано и восстановлено. В лагере вновь закипела жизнь, как будто ничего не произошло. Из разных мест раздавалась негромкая музыка и смех. Люди приходили в себя. Жизнь продолжалась.

К вечеру прибыло еще несколько сотен солдат. Все молодые, только что из учебки. После ужина многие собирались в группы, курили, смелись и вспоминали прошедший день. Те, кто пережил дневной артиллерийский обстрел, рассказывали новоприбывшим истории, как им удалось избежать гибели, они чувствовали себя уже бывалыми вояками, хотя многие из них сами были на фронте всего пару дней. Прибывшие, раскрыв рты, внимали каждому слову.

Мэтью, Чарли, Скотт и Огаст присоединились к другим ребятам из своего взвода и сели на ящики около костра. Кто-то как раз травил байку, как он уворачивался от бомб, падающих прямо на него.

– Много новых лиц, – сказал Чарли. – Совсем юные, как будто еще вчера в школу ходили.

– На себя посмотри, старик Чарльз! – рассмеялся Огаст. – Сам-то из пеленок давно вырос? Мы не сильно дольше на фронте, чем они.

Чарли с ребятами улыбались.

– Слушай, тут день как месяц. Все так быстро меняется. Столько событий, что хватит на всю жизнь еще и внукам рассказывать.

– Чарли прав, – сказал Мэт. – Все очень быстро развивается. Мы должны помогать молодым, поделиться с ними хоть каким-то опытом. Пусть на один день мы тут дольше, чем они, но мы можем рассказать им что-то такое, что возможно спасет им жизнь. Это важно. Только так мы сможем победить – действуя сообща и помогая друг другу.

– Мэт, ты слишком благороден для всех нас, – засмеялся Огаст. – Как будто герой из книжки про отважных рыцарей. Вас, лордов, всех такими воспитывают?

– Стараются всех, – улыбнулся Мэт.

– Вот те на! А нам с братьями наш папаша все детство говорил, что надо жить только для себя и в интересах своей семьи, что другие сами должны о себе заботиться. Мол, на всех всего не хватит, и твоя задача – успеть урвать кусок, пока его не оттяпал кто-то половчее, – весело рассказал Скотт.

– И как успехи у твоего папаша? – поинтересовался Огаст.

– Ну... – протянул он. – Его недавно уволили с башмачной фабрики. Сейчас он безработный.

– То есть урвать свой кусок он все-таки не смог? Подвела его теория.

– Ну, как сказать... Перед уходом он успел унести с собой целый мешок новеньких ботинок.

– Ого! Получается, что теперь вся ваша семья обута до

конца жизни?

– Если бы... – с досадой проговорил Скотт. – Когда папа забирал эти ботинки, он не посмотрел размеры. И вся обувь либо слишком маленького размера, либо чересчур большого. Никому из нашей семьи ничего не подходит.

Ребята дружно рассмеялись.

– В общем, лучше пока придерживаться идеи Мэта и помогать ближнему своему, – смеясь, сказал Огаст.

– К тому же, даже если теория Мэта и не сработает, то хотя бы можно говорить, что так поступают все лорды, – подметил Чарли и демонстративно выставил мизинец вперед.

Друзья закатились смехом.

– А все-таки действительно новеньких очень много, – просмеявшись, сказал Огаст.

– Скоро наступление, – качнул головой Мэт. – Мы копим силы для решающей атаки.

– Говорят, что на наши позиции должны прибыть танки. Для усиления наступления, – взволнованно сказал Чарли. – Вы представляете?! Танки! Вы когда-нибудь видели что-то подобное?

– Я как-то видел большой трактор, – спокойно ответил Скотт, не разделяющий волнения Чарли.

– Да что там твой трактор?! Танк – это же не просто техника. Это сложнейшая машина, созданная для разрушения! Военная мощь нашей страны! Представляете, какой он, должно быть, громадный и тяжелый. Говорят, что танкам во-

обще ничего не страшно! Можно стрелять в них из любых орудий, а им хоть бы что!

– Прямо из любых? – с сомнением переспросил Скотт.

– Да! Немцы могут стрелять из своих винтовок сколько угодно, а ему все нипочем. У него настолько крепкая броня, что ему ничто не страшно. Ладно винтовки, даже из пулемета его не пробить!

– А как же артиллерия? Бомбы смогут пробить его броню? – не унимался Скотт.

Чарли замялся, размышляя над ответом.

– Не знаю. Может, артиллерия и сможет его остановить. Но все равно танк – это великое изобретение! У него есть и крупнокалиберные пушки и пулеметы. Есть щели, откуда могут стрелять те, кто внутри. Я слышал, что танку даже гранаты не страшны! А еще танк спокойно может проехать по любой поверхности, не обращая внимания на воронки и ухабы.

– Получается, что скоро во всех войнах будут участвовать только танки, – спросил Огаст, – раз они такие неубиваемые? Какой толк тогда в пехоте, раз она бессильна против танка и его брони с пушками?

– Получается, так! – воодушевленно согласился Чарли. – Представь, что это будут за сражения! Наверняка в будущих войнах в пехоте отпадет необходимость. Лучше тренировать танкистов, летчиком и тех, кто будет управлять военной техникой.

– И артиллеристов, чтоб их, – пробурчал Скотт.

– Вот бы нам повезло, и мы увидим танки живьем, особенно в действии. Как они будут подавлять врага и с легкостью уничтожать его позиции. Ради такого стоило идти на фронт! – взволнованно говорил Чарли с широко открытыми глазами.

Мэт сидел, слушал, как Чарли восторгается военными техническими достижениями, и думал, что увидеть своими глазами танк было бы действительно неплохо. Интересно, много ли внутри места? Сколько человек может поместиться внутри? А как они ходят по нужде, если вдруг приспичит?

От всех этих вопросов Мэта отвлек голос откуда-то издалека. Мэту показалось, что его кто-то зовет.

– Аллистер!

Мэт обернулся на оклик. Теперь он точно был уверен, что его кто-то зовет. Он не понимал, кто именно и откуда. Он встал и сделал несколько шагов в ту сторону, где, как ему показалось, его звали, прислушиваясь и вглядываясь в солдат. Кто это мог быть?

– Аллистер, неси сюда!

Мэт увидел его. Это был какой-то капрал в компании новоприбывших. Они сидели в кругу и веселились. Капрал смотрел в другую сторону от того места, где был Мэт. Он проследил за его взглядом. Звали явно не его. «Наверное, однофамилец, кто-то из новеньких», – подумал он. Мало ли, сколько людей с такой фамилией во всей Британии. Мэтью

уже разворачивался, чтобы вернуться к своим, как вдруг он замер, словно все его тело парализовало.

Его ноги подкосились, став ватными, в глазах потемнело, его бросило в жар. Он чуть не потерял равновесие и не упал. Перед ним стоял его младший брат Колин.

Мэт не сразу пришел в себя, он не мог поверить своим глазам и сперва подумал, что обознался, приняв в сумерках кого-то похожего за своего брата. Но он быстро уверился в том, что перед ним именно Колин. Та же улыбка, та же походка. Что он здесь делает?

Колин прошел мимо, неся что-то в руках солдатам, что сидели в кругу.

– Колин, – попытался позвать его Мэт, но горло его резко пересохло, и ничего, кроме хриплого шепота, не получилось. Он прокашлялся и подошел ближе. Сердце сильно стучало. – Колин? – попытался он еще громче. На этот раз Колин его услышал. Он обернулся. Увидев Мэтью, он как будто не удивился, широко улыбнулся и с искренне счастливыми глазами подбежал к брату, сразу обняв его.

– Мэт! Я так рад тебя видеть! – прозвенел такой родной голос Колина.

Мэт обнял в ответ своего брата, до сих пор не понимая, что происходит. Это сон? Он спит? Откуда Колина тут взяться?

– Что? Что ты здесь делаешь? – еле выговорил Мэт.

– Я сбежал из дома за тобой! – с искренней улыбкой от-

ветил Колин. – Представляешь! Я нашел тебя!

– Ты что?! – выкрикнул Мэт, слишком громко, сам не ожидая от себя такого.

– Я последовал за тобой, – ничуть не смутившись, продолжил Колин. – Через несколько дней после того, как ты ушел, я собрал вещи и тоже поехал в город записываться на фронт. Но не успел попасть в тот же взвод, так что меня записали в другой. Нас только сегодня сюда привезли, сразу после трех недель в учебном лагере.

Мэт взял под руку Колина и повел его в сторону. Он завел его за палатку, подальше от всех, так чтобы их никто не слышал.

– Так, а теперь по порядку. Как ты сбежал? Что ты сказал родителям? Что сказали родители?

– Сбежал ночью. Через несколько дней после тебя. Чтобы родители не сильно тревожились, после учебного лагеря и перед тем, как нас посадили на корабль из Британии, я отправил письмо домой. Там я все описал и просил, чтобы родители не переживали за нас. Вместе мы сможем защитить друг друга.

Колин улыбался и смотрел снизу вверх на любимого старшего брата.

– Что же ты наделал... – прошептал Мэт.

– Главное, что я тебя нашел! Честно сказать, думал, что это будет сложнее.

– Постой, а как тебя записали в призывном пункте, ты же

еще не достиг призывного возраста! Тебе всего пятнадцать!

– Слушай, там такой случай приключился, – Колин понизил голос и заговорщицки продолжил: – В призывном пункте, когда я подавал документы, человек, который меня записывал, спросил мой возраст, ну, я и сказал, что мне пятнадцать. Он тогда посмотрел на меня и велел, чтоб я вышел из здания, вошел снова и сказал, что мне восемнадцать. Я так и сделал, и меня приняли. Больше про возраст меня никто не спрашивал. Представляешь? Из нашего взвода есть еще несколько ребят, кому тоже пятнадцать.

Мэт молча слушал брата.

– Скажи, а у вас в учебном лагере тоже тяжело было? У нас было что-то невероятное! Я так не уставал даже в походах, в которые мы с тобой ходили. Мне повезло, ребята все веселые и дружелюбные у нас во взводе! А у тебя как?

Мэт смотрел на Колина и слушал, как тот рассказывал про свой взвод, про то, как они сюда добирались, про то, как ему нравятся его товарищи. Мэт все это слушал, но перед глазами у него были родители. Он представлял, как сильно они сейчас, должно быть, переживают. Мэт не верил тому, что происходит. Неужели Колин не понимает, куда он попал и что он наделал?

– Колин, зачем ты пошел за мной? – наконец громко спросил Мэт.

– Как зачем? Не знаю, – замялся Колин. – Потому что ты пошел. Потому что ты мой брат. Мы все делаем вместе. Вот

я и решил, что тебе тут нужна будет поддержка и помощь.

– За несколько часов до того, как ты прибыл, был мощный артиллерийский обстрел! Погибло очень много людей! Ты это понимаешь? – Мэт перешел на крик, он уже не мог сдерживать эмоции. Его охватило возмущение и злость.

– Да, нам уже рассказали ребята, – виновато промямлил Колин.

– Вам рассказали? Ах, вам уже рассказали! И как? Вам рассказали про оторванные руки и ноги, которые повсюду тут разбросало? Вам рассказали про лужи крови и изуродованные тела ребят твоего возраста?

Мэт кричал, его самого трясло от злости и от страха.

– О чем ты только думал! Что же ты натворил!

– Да не переживай ты так! Мы теперь вместе и позаботимся друг о друге, – робко ответил Колин, улыбаясь.

– Не переживать? Ты говоришь мне не переживать? Колин, ты еще не понял, куда ты попал! Тут война, люди гибнут на этом самом месте, где мы с тобой стоим, понимаешь? Гибнут! Все, их больше нет! Смерть! Это все реально! Это не какой-то развлекательный поход!

– Почему ты кричишь на меня? Ты первый сбежал из дома! Я пошел за тобой, чтобы защитить тебя. Потому что ты мой брат, и я тебя люблю.

– Защитить меня? Ты серьезно? Как ты сможешь меня защитить, если ты и ружья толком никогда не держал! Ты хоть представляешь, как сильно ты меня сейчас подставил! – не

переставал кричать Мэт. – Мало того, что я сам могу погибнуть в любую минуту, так мне за тобой еще приглядывать теперь как няньке?

У Колина заслезились глаза. Он начал шмыгать носом.

– Ты хоть понимаешь, что ты наделал? – медленно проговорил Мэт уже более спокойно.

– Не злись, – сквозь слезы просопел Колин. – Я не хотел тебя подставлять. Прости меня. Я просто хотел быть рядом с тобой, помочь тебе. Вы с отцом тогда так поругались, наговорили друг другу всего. Я испугался, что никогда тебя больше не увижу! Поэтому я пошел за тобой. Мы же всегда все делаем вместе.

Колин плакал.

Мэт смотрел на него, и его переполняли противоречивые чувства. С одной стороны, он очень любил своего младшего брата и сам себе не хотел признаваться в том, что был рад видеть его, но, с другой стороны, он был очень зол, что Колин, не посоветовавшись с ним, поступил так опрометчиво и последовал за ним на фронт.

Он вдруг осознал, что именно он во всем виноват. Колин всегда повторял за ним и всегда искал его признания и одобрения. Почему он не подумал поговорить с ним перед тем, как сбежать из дома, и объяснить все? Объяснить, что этот поступок он хочет сделать именно один и именно по своей воле, что не следует идти за ним. Все из-за его эгоизма. Он тогда думал только о себе. Он даже не обратил внимания на

младшего брата, хотя должен был догадаться о том, что тот может сделать.

Он обнял плачущего Колина и у него самого из глаз потекли слезы.

– Прости меня, Колин. Прости меня. Это все моя вина.

– Я просто хотел защитить тебя, – сквозь слезы проговаривал Колин. – Хотел, чтоб мы были вместе, как всегда.

– Я понимаю. Я очень это ценю. Правда, – улыбаясь, сказал Мэт, сильнее сжимая брата, так, как будто чем сильнее объятия, тем сильнее защита. – Завтра мы что-нибудь придумаем. Нужно вернуть тебя домой. Родители, наверное, места себе не находят.

– А как же ты?

– Я останусь.

– Я с тобой!

– Нет.

– Но почему? Почему тебе можно тут быть, а мне нельзя?

– Я сам принял это решение. Это был мой выбор. Я тут по своей воле.

– Так ведь и я тоже!

– Нет. Ты пошел за мной. Последовал моему дурному примеру. А я не додумался тебе все объяснить.

– Неправда! Это тоже мой выбор. Я сам могу решать за себя!

– Еще нет. Ты слишком юн.

– Не говори так! Ты говоришь как отец!

Мэт вдруг понял, что действительно начинает говорить и подыскивать аргументы как его отец в тот день, когда они ссорились.

– Не обижайся, но ты действительно еще слишком юн для всего этого. Ты попал сюда по ошибке. Тут слишком опасно.

– Без тебя я не уеду.

Мэт глубоко вдохнул. Он не хотел препираться с Колином сейчас. У него уже не было сил на это.

– Ладно. Поедем домой вместе. Завтра я поговорю с капитаном Смитом. Он у нас отличный мужик и достойный офицер. Я поговорю с ним, думаю, он все поймет, – сказал Мэт, глядя в глаза Колину, а сам думая, что отправит брата одного.

К тому же Колину всего пятнадцать лет, и он не достиг призывного возраста. Скорее всего, чтобы избежать шумихи и наказаний, они должны без проблем отправить его домой. А сам Мэт продолжит нести службу на благо своей страны. Продолжит воевать.

Они проговорили с Колином еще несколько часов, вспоминая отца, их друзей, школу и много чего еще. У обоих было такое чувство, что они не виделись несколько лет, так сильно они соскучились друг по другу. Они смеялись и шутили. Два брата на войне, совсем взрослые, без присмотра родителей.

Они не заметили, как все в лагере разошлись по своим палаткам спать. Изредка проходили часовые. Они попроща-

лись и пошли каждый по своим взводам, договорившись, что завтра они сразу же пойдут к командованию объяснять ситуацию и проситься вернуть Колина домой.

Вернувшись к себе в казарму, Мэт как можно тише дошел до своей койки и лег, не раздеваясь. Он не мог уснуть, тревога за брата не давала ему покоя.

– Ты где был? – шепотом спросил Чарли с соседней койки.

– Встретил младшего брата, – так же шепотом ответил Мэт.

– Брата? В смысле своего родного брата?

– Да.

– Мне казалось, ты говорил, что ему совсем мало лет еще.

– Так и есть. Пятнадцать.

– Пятнадцать? Как он попал сюда? Что он вообще здесь делает?

– Он сбежал из дома вслед за мной. И записался на фронт.

Представляешь?

– Дела... – протянул Чарли. – И что ты собираешься делать?

– Завтра пойду к капитану, расскажу, что произошла ошибка, и попрошу, чтобы его отправили домой.

– Думаешь, капитан послушает тебя?

– Надеюсь.

– Наш капитан – толковый человек, может, что-нибудь придумает.

– Угу, – промычал Мэт, засыпая.

Несмотря на волнение за младшего брата, он не мог сопротивляться всей усталости, накопившейся за этот бесконечный день. Его глаза моргали все медленнее, и в конце концов он уснул.

Мэт плохо спал. Всю ночь он то просыпался, то вновь засыпал и в итоге пробудился в скверном настроении. Тревога не давала ему покоя. Пока все его сослуживцы пошли на полевую кухню за общий стол на завтрак, он направился к казарме брата, чтобы поскорее отвести его к капитану.

Пока шел, Мэт мысленно репетировал речь, которую собирался сказать капитану Смиту. Про то, что Колину всего пятнадцать, и про то, что документы он подделал с молчаливого согласия людей в призывном пункте. Про то, что ему тут не место и он скорее навредит себе сам, чем принесет какую-то пользу армии.

Интересно, как отреагирует капитан, узнав о таком случае? Будет ли он зол или встревожен? Капитан славился тем, что чтит законы и устав, так что он не должен идти против правил, тем более таких. Конечно, Мэт и сам слышал много историй, как молодые, еще не достигшие призывного возраста мальчишки специально завышали себе возраст, чтобы записаться на фронт. Командование знало об этом и смотрело сквозь пальцы на такие нарушения, так как армии нужны были солдаты, чтобы продолжать войну. Но, несмотря на это, Мэт надеялся на благоразумие капитана. Все-таки с капитаном Смитом ему очень повезло.

Подойдя к палатке, которая служила казармой взводу Ко-

лина, он заглянул внутрь и, к своему ужасу, обнаружил, что она пуста. Никого нет, даже вещей не было. Мэт подумал, что ошибся, но, осмотревшись, он убедился, что вчера он проводил Колина именно к этой палатке. Что за черт?! Где же они? Он огляделся еще раз в поисках кого-нибудь.

– Простите, – робко спросил он проходившего мимо солдата, – не знаете, где все солдаты из этой палатки?

– Новенькие? Их распределили по взводам. Некоторые уже выдвинулись дальше рано утром, – ответил солдат на ходу и, не продолжая разговор, пошел дальше по своим делам.

«Так. Надо найти капитана», – подумал Мэт и пошел в сторону офицерской палатки. Подойдя к ней, он увидел выходящего капитана Смита.

– Капитан Смит! – выкрикнул Мэт. – Разрешите обратиться!

– А, это ты, Аллистер. – Капитан Смит грозно посмотрел на него и, не останавливаясь, продолжил идти. – Что на этот раз с тобой приключилось?

– Капитан, мне нужно с вами поговорить.

– Неужели?! – рявкнул капитан, продолжая идти быстрым шагом.

Мэт старался не отставать от него.

– Твоя вчерашняя выходка, Аллистер, мне очень дорого стоила.

– Что? О чем вы, сэр?

– Как? Уже забыл? Я о том капрале, которого ты обвинил

в мародерстве.

У Мэта расширились глаза. Он совсем забыл о том происшествии. И, судя по тону капитана, что-то случилось.

– Что произошло, сэр? – осторожно поинтересовался Мэт.

– Произошло то, что из-за твоего ложного обвинения я вчера выглядел, мягко скажем, полным болваном перед капитаном Монро. Мы обыскали того капрала и его вещи, и отгадай что? Мы ничего не нашли. Никаких украденных вещей. Вообще ничего.

– Сэр, вероятно, он все перепрыгал. Я клянусь вам, что видел, как он собирал с убитых их вещи.

– Аллистер, не знаю, что ты видел, но никаких украденных вещей у него не оказалось. А теперь будь так добр, вернись к своему взводу! – последние слова он громко прорычал, не останавливаясь. – А то ты начинаешь действовать мне на нервы.

– Сэр, понимаю, как это выглядит со стороны, но клянусь, что не соврал. Зачем мне наговаривать на того, кого я даже и не знаю? Не то чтобы я мог позволить себе наговаривать на знакомого человека. Я не то хотел сказать, сэр.

Мэт понимал, что этими отговорками только топит себя самого и тем самым отдаляет возможность отправить брата домой.

– Сэр, я хотел с вами поговорить по очень важному делу.

– Аллистер, ты испытываешь мое терпение? Если еще раз не подчинишься прямому приказу своего капитана, то от-

правишься мыть сортир или что-нибудь и того похуже!

– Сэр, простите меня за наглость, можете отправить меня мыть хоть все сортиры в лагере, но выслушайте меня, пожалуйста, дело очень серьезное.

Капитан посмотрел на него и сбавил шаг.

– Что у тебя на этот раз?

Мэт рассказал ему историю про брата, про то, что тот обманул призывную комиссию о своем возрасте, и про то, что его надо как можно быстрее отправить домой. Капитан молча выслушал все, нахмутив брови.

– Ну, скажу, что Америку ты мне не открыл, – начал капитан. – Да, такое бывает. Молодые ребята намеренно завышают себе возраст, чтобы попасть на фронт. У всех свои причины: кто-то ради денег, хоть платят в армии и не очень много, кто-то в погоне за острыми ощущениями. Твой брат не первый и уж точно не последний, кто обманул призывную комиссию. – Он помолчал какое-то время, обдумывая ситуацию. – Скажу точно, что он был принят не во взводы под моим командованием, я бы обратил внимание на знакомую фамилию. Уж тем более на такую. – Он скривил губы. – Скорее всего, во взвод под командованием капитана Роджерса. А их еще час назад отправили в новое место.

Мэт побледнел.

– Как уже отправили? Куда?

– Их взвод должен занять одну небольшую деревушку севернее отсюда. А мы двинемся на восток. Кстати, уже через

полчаса. – Он посмотрел на часы.

– Капитан, что можно сделать? Надо как-то передать капитану Роджерсу, чтобы он как можно быстрее отправил моего брата домой!

– И что мне ему сказать? Что у него есть солдат, который еще не достиг призывного возраста? И поэтому капитану Роджерсу необходимо пройти через бюрократический ад, потратить уйму времени, написать бесчисленное множество разных бумаг и писем, чтобы списать одного солдата?

– Вот именно! – выпалил Мэт и сразу понял, к чему клонил капитан.

– Аллистер! – капитан Смит повысил голос. – Да у Роджерса может быть половина таких несовершеннолетних капралов в его взводе! Как ты себе представляешь, что он будет делать? К тому же я никак не могу подтвердить это. Все с твоих слов, – сделав паузу, он добавил: – Собственно, как и все остальное.

– Капитан, но что-то же нужно делать! Он совсем юный и может попасть в беду.

– Ты сказал, что он прошел учебку. Значит, в состоянии за себя постоять. Тренируют там добросовестно. К тому же, между нами говоря, задание капитана Роджерса по освобождению этой французской деревни – настоящая прогулка по парку. По нашим данным, никакого сопротивления там не ожидается, так что тебе не о чем беспокоиться.

– Но, сэр! Как же так?! Его надо отправить домой!

– Аллистер! Ты начинаешь действовать мне на нервы! – разозлился капитан. – Очень не советую продолжать в том же духе, а то тебе уже не за брата надо будет переживать, а за свою собственную шкуру, отправленную под трибунал!

Мэт замолчал. Капитан Смит, успокоившись, смотрел на бледного Мэта.

– Я понимаю твое беспокойство за брата. Это похвально, но позволь тебе напомнить, что идет война! А ты своими выходками отвлекаешь офицерский состав от прямых обязанностей. Если ты и дальше продолжишь докучать мне, я восприму это как саботаж. К твоему сведению, это карается тюрьмой. А теперь приказываю еще раз: возвращайся к своему взводу и готовься к выступлению войск, – он грозно проговаривал каждое слово, смотря в глаза Мэта.

Мэт потупил взгляд, он понял, что ведет себя слишком вызывающе и надоедливо. Своим поведением он перегнул палку и не то что не решил проблему, а наоборот, только усугубил ее. Теперь капитан Смит точно не станет помогать ему.

– Простите, сэр. Так точно, сэр. – Мэт развернулся и молча направился в сторону палатки своего взвода.

Он шел и думал: что же теперь можно сделать? Как отправить Колина домой? А может, капитан Смит был прав и задание того взвода не более чем просто прогулка, и они действительно не встретят никакого сопротивления? Если так, то Колин сейчас в большей безопасности, чем сам Мэт, так

как еще вчера эта позиция подверглась артиллерийскому обстрелу.

Мэт глубоко вздохнул, пытаясь собраться с мыслями и немного успокоиться. Его паника точно не приведет ни к чему хорошему и не решит ситуацию.

Как он мог допустить такое? Он не подумал, что брат отправится за ним, прекрасно зная, что Колин во всем подражает ему. Теперь он ответственен за то, что происходит. Только он. Как можно было быть таким эгоистом и думать только о себе, когда у тебя на глазах твой младший брат полностью тебя копирует? Мэт ругал себя и от этого начинал злиться еще больше. Что он теперь скажет родителям? Как будет смотреть в глаза отцу и матери? Ладно он сам готов отдать жизнь за свою страну и за победу в войне, но зачем же он втянул во все это Колина? Тот ни в чем не виноват и далек от всего этого – от политики, от долга перед страной. Он ведь просто мальчишка, который ничего пока не смыслит в жизни. И теперь благодаря Мэту он попал в самый разгар войны, в настоящую мясорубку.

От этих мыслей Мэту стало нехорошо, его затошнило, а голова закружилась. Он шел, не глядя себе под ноги и не замечая ничего вокруг, как в тумане. Вдруг кто-то сильно сжал его руку выше локтя и резко потянул в сторону. Мэт, ничего не понимая, даже не смог толком сопротивляться. Он был как будто в трансе от своих переживаний.

Руку Мэта сжали еще сильнее и, дернув, его затащили в

какое-то темное место.

– Ну что, падла, попался! – прорычал грубый голос, возвращая Мэта к реальности.

Мэт посмотрел перед собой и увидел здорового солдата, который стоял так близко к нему, что Мэту пришлось задирать голову. Он поднял глаза и понял, что перед ним был тот самый капрал, которого он видел днем ранее в овраге. Вблизи он был настоящим здоровяком, гораздо выше Мэта и при этом очень крепко сложен. Мэт посмотрел на ужасный шрам над ухом солдата и понял, что ничего хорошего все это ему не сулит. Он быстро огляделся, капрал завел его в какую-то пустую палатку.

– Ты думал, я не соображу, кто меня сдал? Ты вонючая крыса! – в голосе звучала злость и ненависть. – Ты сильно пожалеешь об этом, ублюдок. – Внезапный удар пришелся Мэту прямо в живот, отчего тот согнулся пополам и закашлялся. Удар был настолько сильный и неожиданный, что Мэт чуть не потерял сознание.

Мэт не понимал, что с ним происходит. Минуту назад он думал о своем брате и о том, что его надо как-то спасти, а сейчас его избивают в какой-то палатке.

– Чего ты хочешь? – сквозь кашель спросил Мэт.

– Чего хочу? Я хочу, чтоб ты, сука, сдох! – гневно протянул капрал.

Джордж ударил Мэта еще раз, прижимая его одной рукой к ящикам.

– Ты натравил на меня тех тупых идиотов капитанов!

– А что еще мне надо было делать? Ты же воровал, – проговорил с трудом Мэт, превозмогая боль. – Те вещи тебе не принадлежат.

– Мне принадлежит то, чего я сам захочу! Понял?! – крикнул Джордж.

– Это неправильно. Это же преступление.

– Много ты понимаешь в преступлениях, ублюдок!

Мэт быстро осознал, что оказался в непростой ситуации. Драться с таким великаном он не мог, так как для него это было бы самоубийством. Этот капрал гораздо сильнее и здоровее его. Даже то, как он держал его одной рукой, не давая Мэту вырваться, говорило о какой-то нечеловеческой силе.

– Послушай, давай поговорим. Чего ты от меня хочешь?

Сильный удар в живот прервал его. У Мэта потемнело в глазах.

– Я, кажется, уже сказал, чего хочу.

Мэт прокашлялся. Он глубоко и быстро дышал.

– И что теперь? Убьешь меня?

Джордж смотрел на него, размышляя о том, как поступить дальше.

– Сейчас нет.

Капрал обеими руками схватил его за куртку и притянул к себе, так что его лицо нависло над лицом Мэта. Он смотрел прямо в глаза Мэта, и в его взгляде было больше звериного, чем человеческого.

Мэту стало действительно страшно, не столько от того, что его бьют, сколько от какой-то непонятной и злой ауры, исходящей от этого капрала. Грубые черты лица, его голос, звериный, дикий взгляд – все это источало первобытную или даже какую-то потустороннюю агрессию.

– Еще раз сдашь меня или кому-то расскажешь о том, что видел, – тогда тебе точно не жить. Понял меня, ублюдок? – прошипел Джордж.

Мэт заворожено смотрел на него глазами, полными страха. Он не собирается его убивать, по крайней мере сейчас. Это уже хорошо.

– Понял, – быстро ответил Мэт.

– Если бы не эта война, я бы тебя уже давно на нож посадил, тва...

Капрал не договорил. Что-то стремительно и со свистом прорезало ткань палатки. В нескольких местах утренний свет лучами прорвался внутрь. Они услышали крики и выстрелы.

Капрал ошарашенно посмотрел на Мэта. Отбросив его от себя, он пригнулся и выбежал из палатки. Мэт понял, что происходит. Обстрел. Начался бой. Пригнувшись, он выпрыгнул наружу.

В лагере была неразбериха, все бежали в сторону окопов. Мэт, пригнувшись, побежал в том же направлении. Крики со всех сторон и оружейные выстрелы становились громче по мере приближения.

– Пригнуться! Не высовываться! – кричали из окопа.

– Кто с ружьями, сюда!

– Санитар!

Чем ближе Мэт подбегал к окопу, тем чаще ему попадались на глаза убитые и раненые солдаты. Пригнувшись, он спрыгнул в окоп как раз в тот момент, когда над ним пулеметная очередь прорезала мешки с песком.

В грязном влажном окопе из стороны в сторону бегали солдаты. Многие сидели на земле и не высовывались.

– Что происходит? – пытаюсь перекричать общий шум, спросил Мэт у солдата, который сидел около него.

– Поганые немцы атакуют! Все думали, что они отступили, а они пошли на нас с атакой!

Метрах в двадцати вдоль окопа Мэт увидел офицера, отдающего приказы солдатам, и, пригнувшись, побежал в ту сторону.

– Их укрепление метрах в ста от нашего! – кричал капитан собравшимся возле него солдатам. – Они бьют из ружей и пулеметов, поэтому лишний раз не высовываться. По моей команде дадим ответный огонь. Стрелять прицельно! Не расходуйте патроны зря!

Солдаты слушали его, раскрыв рты, Мэт заметил, что все вооружены винтовками. Свою винтовку Мэт оставил в палатке, где была их казарма. Он отругал себя за такую оплошность. Он солдат или кто? Почему он позволил себе так небрежно отнестись к своему оружию?

– По моей команде! – крикнул капитан.

Солдаты прильнули к стене окопа, готовые высунуться и начать стрелять.

– Огонь! – громко выкрикнул капитан.

Солдаты один за другим поднялись из окопа и открыли огонь. Гул оружейных выстрелов оглушил присевшего на одно колено Мэта. Ответным огнем из немецкого пулемета нескольких солдат скосило, отбросив их окровавленные тела обратно в окоп. Кровью забрызгало тех, кто был рядом.

Солдаты по очереди начали сползать в окоп для перезарядки своих винтовок. Убитые так и остались лежать в проходе, истекая кровью.

Мэт смотрел на одного из расстрелянных бедняг, которого отбросило к его ногам. Кровь полностью залила ему лицо, грудная клетка разорвана, из нее торчали красные ребра и внутренности. Пулеметная очередь попала прямо в него. Мэт смотрел на тело и не мог оторвать глаз. Это зрелище было ужасным и отвратительным, но по какой-то причине он просто не мог перестать смотреть.

Его всего трясло от напряжения. Руки дрожали. Наконец, собравшись с мыслями, он схватил винтовку убитого солдата, достал из кармана с пояса патроны и начал перезаряжать дрожащими руками оружие.

– Готовься! – громко скомандовал капитан.

Мэт вздрогнул.

Пулеметный огонь не стихал, пули вгрызались в окопные

мешки, разбрызгивая песок и грязь на сидящих в укрытии солдат, не давая им поднять головы. Мэт крепко сжал винтовку, зажмурил глаза и ждал приказа вместе с остальными солдатами.

Он понимал, что малейшее попадание пулеметного огня его сразу прикончит. Мэтью на секунду задался вопросом: успеет ли он что-нибудь почувствовать от попадания пули? Вообще, больно ли умирать? Или все произойдет настолько быстро, что он ничего не поймет? Просто погаснет свет и все. Ни боли, ни сожаления, ничего. Бросив взгляд на солдата с разорванной грудной клеткой, он подумал, что, скорее всего, он ничего не успеет почувствовать. По крайней мере, он на это очень надеялся.

– Огонь! – скомандовал капитан.

От страха Мэт не сразу понял, что именно следует делать. Он замешкался, и привстал на ноги. Глядя на то, как другие солдаты, вскочив со своих мест, наваливаются на край окопа. Мэтью последовал их примеру. Облокотившись на мешки, он попытался прицелиться в кого-нибудь во вражеском окопе. Оказалось, что расстояние в сто метров между ними достаточно большое для более-менее хорошей стрельбы, учитывая, что немецкие солдаты на той стороне тоже прятались, а не стояли в открытую, как мишени в учебном лагере.

Пока другие вокруг Мэта стреляли из винтовок и кричали ругательства в адрес врага, он пытался прицелиться. На таком расстоянии черные немецкие каски и темно-серая фор-

ма сливались с землей и грязью, так что их невозможно было четко рассмотреть. Он видел движение, но точно прицелиться в кого-то конкретного было очень сложно. Прицел то и дело ходил вверх-вниз из-за быстрого дыхания. Вдруг земля возле него начала взрываться брызгами от попадания немецких пуль. По нему стреляют! «Вот черт!» – подумал он. Пули попадали в мешки и землю все ближе и ближе к нему. Внезапно раздался ритмичный рокот пулемета, словно где-то неподалеку работал генератор. Он увидел, как пулеметный огонь длинными линиями проходил где-то совсем близко от него. Мэта парализовало. Он вжал голову в плечи, не в силах пошевелиться.

Нескольких солдат недалеко от него задело пулеметным огнем. Мэт слышал их крики. Он поднял голову и, несколько секунд прицеливаясь во вспышку от пулеметного огня, сделал глубокий вдох, выстрелил. Вспышки от огня погасли. Пулемет замолчал.

Отдача от выстрела винтовки была не такой сильной, как от охотничьих ружей отца, так что Мэт прицелился еще раз и сделал несколько выстрелов. Он целился в темные точки – каски,двигающиеся из стороны в сторону. Он стрелял и стрелял, пока не услышал щелчок, означающий, что у него кончились патроны. Неясно было, попал он в кого-то или нет. На таком расстоянии и в таком шуме нельзя было увидеть или услышать криков врагов.

Он сполз обратно в окоп и достал еще патронов, пока враг

вел ответный огонь. Мэт смотрел на свои руки, как те сами перезаряжают винтовку без малейшей ошибки и без лишних движений. Зарядив винтовку, он прижал ее к себе так сильно, будто кто-то собрался ее отнять. Он сидел вместе со всеми и молча ждал приказа открыть огонь. Напряжение нарастало, и каждая секунда ожидания ощущалась целой минутой. Он не мог спокойно сидеть, казалось, он весь трясется от страха, пока над ними свистели немецкие пули. Солдаты ругались и молились.

Капитан выжидал момент для атаки. Немного высунувшись, он посмотрел в бинокль в сторону окопов врага и громко скомандовал:

– Огонь!

Сделав глубокий вдох, Мэт поднялся на ноги и навалился на мешки. На этот раз он занял более устойчивую позу, позволяющую ему опереться на мешки и лучше целиться. Он выждал немного, выбирая себе цель в виде немецкой каски, и когда та остановилась, он выстрелил. «Кажется, попал», – подумал он, но полной уверенности не было.

Пулеметного огня все еще не было, значит, у него есть немного времени, чтобы прицелиться еще раз. Стрелять, как его товарищи, не целясь, а просто паля в сторону врага, он не хотел. Отец учил его бережно относиться к боеприпасам на охоте и стрелять только тогда, когда уверен в своем выстреле. Сейчас Мэт воспринимал этот бой именно как охоту. В учебке про такое ничего им не рассказывали, там просто

учили целиться и стрелять. Если твоя пуля не сразит врага, то может ранить кого-то или по крайней мере не даст лишний раз высунуться врагу. Отец же всегда учил его, что лучше потратить время на прицеливание и сделать один точный выстрел, чем полагаться на удачу.

Мэт медленно и глубоко дышал. Ему надо было успокоить себя, чтобы его дыхание и его тело не мешали ему, а наоборот, помогали стрелять. Он крепче сжал винтовку. Выбрав следующую цель, Мэт плавно нажал на спусковой крючок. Затем еще раз и еще. И так пока у него вновь не закончились патроны.

Он вернулся обратно в окоп, присев на корточки, оперевшись спиной на стену окопа. Перезаряжая винтовку, он продолжал делать медленные глубокие вдохи. Прямо как учил его отец. Он совсем не слышал шума и грохота выстрелов, стараясь сконцентрироваться на своем дыхании. Мэтью даже не обращал внимания на то, что происходит вокруг него, словно он остался один с винтовкой в руках против вражеского окопа с немецкими солдатами по другую сторону. Больше никого не было.

Услышав команду «огонь», он высунулся из окопа и, прицелившись по немецким каскам, открыл огонь. Движения его были более уверенными и точными. Дыхание – ровным.

Вдруг солдата справа от него сразило выстрелом, тот с криком дернулся и медленно свалился в окоп. Внезапно раздался знакомый рокот. Только он был сильнее и громче, чем

раньше. С вражеской стороны заработало два пулемета. Мэт отчетливо видел светящиеся смертельные линии пулеметных огней, ходивших из стороны в сторону с двух сторон. Стрелки пытались прицелиться и выкосить весь ряд их солдат разом.

Еще нескольких солдат убило огнем пулемета. Кровь брызнула на Мэта. Он почувствовал влагу на лице. Пригнувшись так, чтобы его не сразил огонь пулемета, он выжидал момент, чтобы подняться и продолжить стрелять. Мэтью повернул голову и посмотрел в окоп. Не сразу сообразив, что именно он видит, Мэт присмотрелся и не поверил своим глазам. Весь проход окопа был завален телами. Все смешалось в одну кашу темно-коричнево-красного цвета. Убитые солдаты лежали друг на друге в неудобных и неправильных позах. Непонятно было, кому именно принадлежит та или иная рука или голова – настолько тела были перемешаны. Сверху загерметизировались те, кто только подбегал к окопу со стороны лагеря.

Все было в крови, смешанной с грязью.

Мэт с ужасом смотрел на десятки человеческих тел, и его охватила паника. Казалось, что этот круговорот из стрельбы и падающих в окоп тел не остановить. У него вновь затряслись ладони, сердце бешено забило. Он зажмурил глаза.

Взяв себя в руки и дождавшись момента, когда оба пулемета смолкли, он высунулся и выставил винтовку для прицеливания. Но вражеские пули врезались в землю совсем близ-

ко, так что он не мог оставаться на виду. Затем вновь затахтели пулеметы.

Времени сползать в окоп не было, Мэт бросил свое туловище на грязный мешок и вжался в него настолько сильно, насколько позволяли силы. Прямо над его головой пронесся рой пуль с какой-то злой, нечеловеческой силой, Мэт спиной и шеей ощутил его. Он чувствовал привкус грязи во рту. Вокруг все кричали.

Огонь не утихал, и Мэту казалось, что еще немного – и его разорвет от прямого попадания пулеметной очереди. Гул и грохот нарастали. Земля начала дрожать. Мэт закричал от страха. Почему-то он был уверен, что в следующую секунду все для него прекратится и он погибнет.

Земля дрожала все сильнее и сильнее, словно от землетрясения, а шум и какой-то непонятный грохот нарастали и нарастали, почти оглушая Мэтью.

Внезапно он будто спиной почувствовал, что к нему что-то приближается, он резко обернулся и увидел надвигающуюся на него со страшным ревом стену. Стена закрывала собой небо, накидывая на Мэта прохладную тень. Он смотрел на нее широко открытыми глазами, задрвав голову.

Мэт успел прыгнуть в окоп прямо перед тем, как какая-то неведомая махина всей своей чудовищной массой наехала на то место, где он только что прятался. Он приземлился на лежавшие тела солдат. Над его головой с ревом проехало что-то, засыпая его землей. Все его тело тряслось от вибрации.

Пытаясь привстать или хотя бы перевернуться, Мэт старался нащупать твердую опору, но каждый раз его руки проваливались все глубже и глубже сквозь тела солдат. Он как будто барахтался в водоеме, только вместо воды – мертвые люди.

Найдя равновесие, Мэт перевернулся на спину. Он увидел небо, значит, та штуковина ушла, отправилась дальше в сторону врага. Капитан, который ранее отдавал приказы солдатам, теперь стоял высоко над окопом и махал кому-то с их стороны. Мэт прислушался, что он кричит:

– Укрыться за танками! В атаку!

Танки!

Только теперь Мэт понял, что это было. Это был танк. Самый настоящий танк! Он привстал и увидел, как со стороны их лагеря едут еще несколько таких же темно-зеленых, по форме напоминающих ромбы. Из них торчали пушки. Он повернулся посмотреть на тот, что чуть его не раздавил, как какого-нибудь жучка, и увидел, что тот остановился примерно на полпути до вражеского окопа. Почему он не едет дальше? Что произошло?

Мэт не мог понять, почему танк остановился. Он не двигался и даже не стрелял. Через некоторое время с вражеской стороны открыли по танку огонь. Мэт немного пригнулся, но продолжал выглядывать из укрытия.

Немцы обстреливали танк со всех сторон вражеского окопа. Оба пулемета направили свой огонь на него. От танка отлетали искры и вспышки при попаданиях. Но казалось, что

все это не способно причинить ему какого-то существенного вреда.

Как вдруг танк задымился. Черный дым густыми клубами повалил с разных сторон из щелей обшивки. По танку продолжали палить со всех сторон. Мэт заворуженно смотрел на все происходящее из укрытия, не в силах что-либо сделать.

Вскоре танк загорелся. Огонь мелкими красными языками стал появляться там, откуда шел черный дым. В следующее мгновение пламя быстро охватило уже большую его часть. «Как может гореть металл? – думал Мэт. – Да еще так сильно. Вероятно, пробиты баки, но в таком случае...»

Мэт не успел додумать свою мысль, как вдруг танк взорвался. Машина немного подпрыгнула от взрыва и затем всей своей тяжестью рухнула на то же место, вся окутанная ярко-оранжевым пламенем. Обломки и куски, объятые огнем, полетели в разные стороны.

– Нет! – кричал Мэт, срывая горло.

Он не мог поверить своим глазам. Неужели танк возможно вот так одолеть? Как им это удалось? Ему было невыносимо больно и обидно смотреть на этот горящий танк. Он всматривался в дико пляшущее пламя, и ему казалось, что вместе с танком сгорает его вера в непобедимость и мощь этой машины. А может, и всей английской армии.

Внезапно он услышал знакомый рев за спиной и быстро нырнул в окоп. Другие танки со стороны лагеря подбирались к окопу. С яростным рычанием механические гиганты

медленно подъезжали и преодолевали траншею, направляясь дальше в сторону врага. Некоторые стреляли из своих орудий.

Прячась в окопе под проезжающими танками, Мэт смотрел снизу на эти ревущие машины и вдыхал резкий запах дизельного топлива.

От мощного механического рычания и оглушительных выстрелов орудий, а также от вида направляющейся к врагу и несущей смерть техники Мэт испытывал прилив какой-то незнакомой для себя, новой энергии. Все его тело напряглось, а на глазах выступили слезы. Ему хотелось плакать. Даже не плакать, а рыдать от какого-то безумного возбуждения и дикого счастья. Он смотрел на проезжающие над окопом танки и кричал. Кричал так сильно, пытаясь пересилить шум и рев двигающейся техники, словно какая-то необузданная энергия рвалась изнутри него.

Когда танки проехали, Мэт выглянул из окопа.

– В атаку!

Десятки, а может, и сотни солдат с криком побежали в сторону врага со стороны лагеря, перепрыгивая узкую часть окопа. Их крики слились в один громкий гул. Мэт выпрямился и вылез из укрытия. Он где-то потерял винтовку, пока прятался и укрывался от танков, так что теперь он стоял безоружный и смотрел вслед бегущим убивать врага солдатам и танкам. Они загородили собой вражеские укрепления, сейчас он видел только спины английских солдат, бегущих

в атаку.

Немного успокоившись, но все еще под воздействием странного возбуждения, Мэт медленно побрел за своей армией. Словно ведомый какой-то невидимой силой, исходящей от той военной техники, вид которой так сильно на него подействовал, он прошел несколько метров, пока не потерял этот невидимый след.

Где-то впереди раздавались звуки выстрелов и взрывов. Но Мэт этого не слышал. Он остановился и смотрел на горящий танк. Это зрелище не отпускало его, словно гипнотизируя. Как только Мэт увидел этот танк в первый раз, он даже не понял, что за громадное свирепое существо перед ним. Мэт вспомнил страх и трепет перед его мощью. Оно казалось неостановимым и непобедимым. Но теперь, глядя на догорающую грудку железа, он чувствовал какую-то личную утрату, словно его обманули и его ожидания не оправдались.

«Интересно сколько там было людей внутри? Как именно они умерли?» – думал он. Ему стало не по себе. Недавнее возбуждение совсем прошло, оставив после себя лишь опустошение.

Мэтью развернулся и пошел обратно, в сторону своего лагеря. Подойдя к окопу, он ужаснулся, заглянув внутрь. Он и забыл, как много мертвых тел там было. Мэт поспешил отвести взгляд от них. Этот окоп стал братской могилой для десятков молодых парней. Почему-то сейчас он не мог спокойно смотреть на все это, хотя несколько минут назад он

был буквально среди них, укрывался от танков.

Что сейчас в противоположном окопе? Там так же много мертвых солдат? Как много смертей всего за несколько минут. Внезапно он задал себе вопрос, от которого в груди все похолодело. Как много немцев он убил? И убил ли он вообще кого-нибудь? Почему-то от этих мыслей его одолела непонятная тревога. Сердце потянулось куда-то вниз.

– Как твоя фамилия, капрал? – услышал Мэт, аккуратно перебираясь на свою сторону через окоп.

Это был капитан, который ранее отдавал им приказы стрелять. Он и еще несколько солдат поднимались из окопа.

– Аллистер.

– Ты неплохо справился, капрал.

Мэт ничего не ответил. Он был подавлен. Ему не хотелось ни с кем говорить. Он поспешил выбраться из окопа и направился в сторону лагеря.

Какие-то тревожные мысли засели у него в голове и не давали покоя. Будто он забыл сделать что-то очень важное.

Пытаясь разобраться в других причинах своих переживаний, он начал анализировать ситуацию. Во-первых, он остался жив и даже не получил никаких ранений, что уже хорошая новость, учитывая, сколько парней погибло вокруг него.

Что тогда его тревожит? Может, то, что он видел, как погибли люди в том танке? Как они сгорели заживо? Хотя сам он этого не видел, а мог только догадываться, этого вполне хватало, чтобы представить, как несколько человек в диких

мучениях горят заживо, запертые в железном панцире без выхода. Ужасная смерть. Мэта передернуло.

А может, его волновало то, что он не знал наверняка, убил он кого-то из немецких солдат или нет. Почему-то сейчас ему очень хотелось, чтобы он никого не убил. Сам не понимая почему, он надеялся, что все-таки оказался плохим стрелком и не причинил никому вреда. Но предательская уверенность в собственных силах и способности хорошо стрелять не давала ему покоя и напоминала о тех темных немецких касках, по которым он стрелял. Все-таки в кого-то он точно попал.

Его тревожила мысль, что он убил человека, который ему лично ничего плохого не сделал. Просто прекратить его жизнь и все. Ведь те солдаты, также как и Мэт, чьи-то сыновья, а может, у некоторых даже есть свои дети, а Мэт одним нажатием на спусковой крючок оборвал чью-то жизнь, разрушил семью.

Мэта затошнило. Он шел, сам не зная куда, не смотря по сторонам и избегая взглядов людей, попадающихся на пути.

«То есть как этот человек не сделал ему ничего плохого? – сам с собой разговаривал Мэт. – Он стрелял в меня! Он взял в руки оружие и, направив в мою сторону, стрелял в меня, желая меня убить», – рассуждал про себя Мэт. Но кто он, этот его враг, его жертва? Он даже не видел его лица. По правде сказать, он видел только его каску и небольшой, едва различимый силуэт в окопе. Как его имя? Мэт оборвал сам

себя: «Зачем мне знать его имя?» Для него это солдат вражеской армии, то есть его враг. Не нужно ему знать никаких имен. Идет война, и на войне погибают солдаты. Тот солдат, тот человек знал, куда шел, когда брал в руки оружие, точно так же, как и Мэт знал, когда шел записываться на фронт в призывной пункт, что на войне придется стрелять и убивать людей.

Мэтью глубоко вдохнул и выдохнул. Да и вообще, на таком большом расстоянии невозможно было точно определить, кто именно в кого попал, так как все остальные солдаты падали, не целясь.

«А может, я просто ранил его?» – не унимался Мэт. Он как будто спорил сам с собой и пытался себя убедить в чем-то. Да, скорее всего, так и есть. Он ранил его. Убить с такого расстояния новичку вряд ли удалось бы. Он точно ранил кого-то.

Так Мэт ходил по лагерю, разговаривая и споря сам с собой, пока не обратил внимания на то, что некоторые солдаты собирают вещи и строятся в шеренги.

Вот черт! Он совсем забыл про Колина! Взвод брата сегодня рано утром выдвинулся куда-то дальше. А вдруг Колин попадет в такой же бой? Вдруг его ранят? Мысли о гибели младшего брата Мэтью отгонял сразу.

Они не успели сходить к капитану. Что же делать? Как выручить Колина?

Все эти вопросы ввергли Мэта в еще больший стресс. Как

он мог так подставить свою семью и своего любимого младшего брата и подвергнуть его такой смертельной опасности?

Оглядевшись, Мэт понял, что находится в дальней части лагеря, в противоположной стороне от своей казармы. Он развернулся и побрел к своим, не зная, что ему делать дальше. Мэтью чувствовал тревогу, которая не давала ему покоя, будто он потерял что-то очень важное.

В это самое время, пока Мэт шел в направлении своей казармы, в другой части лагеря один капитан зашел в палатку капитана Смита.

– Смит, не сильно отвлеку? – заходя, спросил капитан сидящего за столом капитана Смита.

– Заходи, конечно! – капитан Смит встал со стула. – Ты как? Не ранен? Все-таки был в самой гуще событий.

– Ни царапины. Мне повезло больше, чем сорока семи бе-
долагам.

– Понимаю. Говорят, там была настоящая мясорубка.

– Да. Потрепали знатно. Но могло быть гораздо хуже, и я, собственно, пришел к тебе именно по этому поводу.

– Слушаю.

– Тебе знакома фамилия Аллистер?

8

– Парни, а Мэтью у нас первый, так сказать, лишился боевой девственности! – широко улыбаясь, сказал Огаст собравшимся в казарме солдатам. – Первый из нас, кто принял участие в настоящем бою!

Ребята дружно загудели: кто-то поздравлял, кто-то захлопал. Мэт, который в это время сидел за небольшим письменным столом, смущаясь, улыбался. Он пытался написать письмо домой, объяснить, как Колин попал на фронт, но беспокоиться причин нет. У него ничего не получалось. Стоит ли вообще писать про Колина и волновать родителей? Если бы ему только удалось вернуть младшего брата домой в целости, то, возможно, и писать про этот инцидент не стоило бы вообще. Но правильно ли так поступать?

В итоге Мэт решил, что написать все-таки нужно, что неправильно скрывать от родителей такое, тем более что во всем этом виноват именно он. Но каждый раз, когда он брал в руки затупленный карандаш и заносил его над белым клочком бумаги, рука начинала трястись. Он даже не знал, как начать письмо. С извинений. Но за что? За то, что сбежал из дома и потянул младшего брата за собой на войну? Или просто изложить все, как есть на самом деле? Мысли путались. Он отложил карандаш.

– Эй, Мэт, расскажи, как это было?

– Тебе было страшно?

– Немцы и правда воюют как звери?

Ребята не унимались и со всех сторон заваливали его вопросами.

– Эй, эй, ну-ка, давайте по очереди! – перекричал всех Огаст. – Мэтью, скажи-ка для начала, скольких немцев ты подстрелил? – манерно спросил Огаст, садясь на стол, за которым сидел Мэт. Все замолчали и с любопытством смотрели на них.

– По правде говоря, думаю, ни одного, – робко ответил Мэт. – То есть мне кажется, что я мог попасть в одного, но вряд ли убить. Там ведь не так все просто было.

Все слушали, затаив дыхание. Мэт продолжал:

– Их окоп в ста метрах от нашего, они там шныряли из стороны в сторону, так что прицельно вести огонь, как нас учили, не получалось. К тому же все сливалось: грязь, их форма, каски. Ничего не разглядеть.

– Я слышал от капрала, который выносил из окопа трупы, что на тех, в кого попал пулемет, не осталось живого места, – шепотом проговорил Чарли.

Мэт вспомнил того парня, винтовку которого он подобрал. Перед его глазами опять возникло красное месиво в разорванной груди с торчащими ребрами. Он поежился.

– Я слышал, что одному бедняге пулеметом снесло голову, – подхватил кто-то из ребят.

Все молчали, представляя эти картины. По лицам ребят

было понятно, что они только сейчас всерьез задумались о том, где они оказались на самом деле и что каждый из них может погибнуть. Конечно, все понимали, куда шли, и понимали, что могут быть убиты в любой момент. Правда никто из них не думал, что такое произойдет именно с ним.

Но теперь, когда за два дня на фронте они подверглись сначала артиллерийскому обстрелу, а потом и атаке немцев, все невольно стали задумываться о том, что погибнуть на этой войне можно вполне реально.

– Как тебе удалось выжить?

– Да! Поделись советом. Что ты делал?

Мэт пожал плечами.

– Честно сказать, даже не знаю, что посоветовать. – Он немного подумал. – Чаще пригибайтесь и лишний раз не высовывайтесь. Как-то так. – Он попытался улыбнуться.

– Спасибо за такой интереснейший, такой подробный и детальный рассказ о твоём первом боевом опыте. Думаю, твои дети уснут со скуки, когда ты будешь им это рассказывать, – манерно сказал Огаст, глядя на ребят.

Ребята засмеялись и начали хлопать в ладоши. Мэт, засмущавшись, пожал плечами. Он не мог ничего из себя выдать. Мысли путались и не давали сосредоточиться. Перед его глазами постоянно менялись всплывающие воспоминания то о Колине, то горящий танк, то мертвые солдаты в окопе.

Все продолжили обсуждать предстоящее продвижение

войск дальше на северо-восток.

– Рад, что ты жив, Мэт, – уже нормальным голосом сказал Огаст, вставая со стола. Он посмотрел Мэту в глаза. – Не хотелось бы оплакивать тебя в первые же дни на фронте.

– Спасибо. – Мэтью улыбнулся в ответ.

– Как, собственно, и никого из этих придурков. – Огаст широко улыбнулся и ушел, оставив Мэта сидеть за столом перед пустым листом бумаги и карандашом.

Мэт посмотрел вслед Огасту и подумал, что с удовольствием дружил бы с ним после войны. Огаст – отличный и веселый парень, как и Чарли. Именно этого и ожидал Мэт, когда сбегал из дома и записывался на фронт: встретить настоящих друзей, вместе пройти все трудности войны, выжить и после всего дружить еще всю жизнь. В принципе все это он и получает. Но, ко всему прочему, он потянул Колина за собой.

От этих мыслей и оттого, что он никак не может узнать, что сейчас происходит с братом, тревога опять вернулась к нему. На этот раз беспокойство смешалась со злостью от того, что он не в состоянии повлиять на ситуацию.

Взяв в руки карандаш, он уставился в чистый лист бумаги. «Я не знаю, ни как начать, ни что писать», – говорил он про себя. Занеся карандаш над бумагой, перед его глазами вновь возник горящий танк. Ему виделись заживо горящие люди в этом танке. То, как они сидят в неудобных позах внутри машины и дергаются в агонии. Сидя за столом в тихой казар-

ме, Мэт отчетливо слышал их вопли и треск огня. Ему самому стало жарко, словно он был рядом с раскаленной печкой. Мэта затошнило.

– Здесь есть Аллистер?

Мэт вздрогнул, словно выпадая из своих мыслей обратно в реальный мир.

– Это я.

– Аллистер, тебя вызывают в офицерскую палатку! – позвал Мэта капрал, заглянувший в их казарму.

«Может, новости про Колина?» – подумал Мэт.

Он вышел и направился за капралом, идущим в сторону офицерской палатки. Вечерело, и в лагере стало тихо.

Мэт надеялся, что сейчас ему скажут, что с братом все хорошо и он уже отправлен домой в Англию. «С чего бы кому-то так быстро отправлять моего брата домой?» – спорил он сам с собой. Или, может, он зайдет в палатку – и там будет сам Колин. Может, они отыскали его и решили вернуть брату. Он готов был представить что угодно, лишь бы отогнать мысли о возможной новости о гибели младшего брата. От этих мыслей Мэт похолодел, сердце забилося быстрее.

Подойдя к палатке, капрал остановился у входа, пропуская Мэта вперед. Когда тот зашел внутрь, сразу увидел того здорового капрала, с которым у него была ссора прямо перед началом боя. Тот стоял по центру палатки, напротив были четверо капитанов, в том числе и их взводный – капитан Смит. Остальных капитанов Мэт не знал, но вспомнил того,

который в окопе отдавал приказы отстреливаться. Во главе стоял генерал Пэк. Вид у всех был серьезный. Мэту даже показалось, что здоровый капрал был взволнован.

Генерал Пэк – пожилой мужчина с пышными седыми усами. Трудно было сказать, сколько именно ему лет, так как выглядел он вполне хорошо. Он был худощав и высок.

Увидев вошедшего Мэта, он поприветствовал его:

– А вот и он! – сказал генерал. – Проходи, капрал, – он жестом указал на место рядом с высоким капралом со шрамом на голове. Тот, щурясь, смотрел на Мэта. Остальные капитаны стояли с руками, собранными сзади, и смотрели на генерала.

Мэтью догадывался, о чем пойдет речь. Он вспомнил, что капитан Смит сказал ему утром: они не нашли украденные вещи. Даже если он успел куда-то их спрятать, доказательств этому все равно у Мэта нет. А раз так, то получается, что он оговорил капрала. Мэт был уверен, что сейчас последует наказание за его ложный донос, не зря их двоих позвали, собрали офицерский состав, да еще и сам генерал тут.

Мэт понимал, что сейчас от него потребуют объясниться и извиниться перед этим мародером. Мэт вспомнил их встречу и все то, что тот наговорил ему. И после всего этого ему еще надо извиниться перед ним? Единственное, чего сейчас боялся Мэт, так это того, что его в наказание за клевету отправят в Англию и он не успеет спасти Колина.

Генерал взял какие-то бумаги со стола, расположенного за

ними, и повернулся к капралам.

– Капрал Аллистер и капрал Коул! – официальным тоном начал генерал. – Я вызвал вас двоих сюда по очень важному обстоятельству, которое не может остаться незамеченным.

Мэт глубоко вдохнул и выпрямился. Генерал пристально посмотрел на них. «Ну, сейчас начнется», – подумал Мэт.

– Вы двое продемонстрировали то, как должен вести себя настоящий солдат на поле боя. Сегодняшняя немецкая атака застала всех нас врасплох. Наши разведданные говорили о том, что немцы покинули свои позиции и отступили, однако один отряд все-таки остался и даже пошел от отчаяния в атаку. К сожалению, мы оказались не готовы к такой дерзкой выходке, о чем свидетельствуют погибшие. Однако благодаря таким солдатам, как вы двое, наша армия дала достойный отпор врагу, и погибших могло быть гораздо больше. То, что я сейчас обращаюсь именно к молодым капралам, вселяет в меня гордость и уверенность в светлом будущем нашей доблестной армии.

Мэт уставился на генерала, ничего не понимая. Так наказывать его не собираются? Генерал продолжал:

– Сейчас очень трудное время для всех нас. Тяжелое время. Война, очевидно, подходит к концу. Мы потеряли очень много хороших и достойных людей. Мы все устали. Но такие парни, как вы, на своем примере показывают, что у нас еще есть силы биться! – он повысил голос и поднял сжатый кулак вверх. – Есть силы победить!

Генерал обратился к капралу со шрамом:

– Капрал Джордж Коул, ты сегодня показал себя как смелого и отважного солдата, одним из первых побежав в атаку на позиции врага. Капитан говорит, что ты сражался как настоящий воин. – Капрал выпрямился и молча кивнул, улыбаясь.

Затем генерал Пэк обратился к Мэту:

– Капрал Мэтью Аллистер, ты продемонстрировал отменные способности в стрельбе, убив восемь вражеских солдат, включая пулеметчика, который не давал нашим ребятам высунуться из окопа и атаковать. Капитан Маккормак лично наблюдал все это из бинокля. – Он обернулся и взглянул на капитана, которого Мэт видел в окопе. Тот учтиво кивнул.

На этих словах Мэта вырвало. Он согнулся пополам и, кашляя, не мог разогнуться. В горле был привкус горькой кислоты. Голова закружилась, а ноги стали как будто ватными. «Как восемь человек? – думал он. – Восемь человек?»

Капитан Смит подошел к Мэту и, положив руку ему на плечо, что-то спросил. Но Мэт ничего не слышал. Единственное, что он слышал до сих пор, – это повторяющиеся слова генерала: «убив восемь вражеских солдат».

– Все в порядке, сэр, – наконец проговорил Мэт, придя в себя. – Генерал, прошу меня простить за это, мне так стыдно. – Мэт покраснел и от того, что его только что рвало, и от смущения, что это произошло на глазах у командного состава.

– Все в порядке, сынок, – спокойно сказал генерал. – Тебе не за что извиняться. Мы все прекрасно понимаем, через что вы оба прошли сегодня. У тебя стресс. Это пройдет. Не переживай.

Но Мэт и этого не слышал, он смотрел на генерала и на капитанов, а в голове были только одни слова: «восемь человек». Он не мог поверить, что он один мог убить восемь человек.

– Я горд лично поблагодарить вас за то, что вы сегодня сделали, – продолжал генерал. – Продолжайте в том же духе и будьте примером для остальных. Ваши подвиги не останутся незамеченными.

Капитаны дали знак, что прием окончен. Мэт и Джордж поблагодарили генерала и капитанов и вышли из палатки.

Оказавшись на свежем воздухе, Мэт сразу сделал глубокий вдох прохладного вечернего воздуха.

Джордж остановился и посмотрел на Мэта.

– Да ты у нас, оказывается, настоящий убийца, – зло улыбаясь, проговорил он.

Мэта опять затошнило. Он оперся рукой о сложенные ящики и глубоко задышал. Джордж громко рассмеялся и пошел куда-то в сторону.

Восемь человек.

Мэт не мог поверить в то, что услышал. До этого он думал, что, скорее всего, ранил одного немца, а теперь выясняется, что он убил восемь человек! Неужели он был в таком стрес-

се, что не понял этого сразу?

Он отнял жизнь не у одного, а у восьми человек.

Мэта охватила паника. Он не знал, что ему теперь делать. Как смотреть людям в глаза, когда он вернется домой? Что он скажет матери? «Мама, твой сын – настоящий убийца. Да, была война, и в первый день твой сын убил восемь человек», – прокручивал он в голове.

В учебке их учили, как правильно обращаться с оружием, как целиться и стрелять. Их учили, как убивать, но никто не объяснял, как потом с этим жить. Как справляться с этим и что делать. Как дальше жить с таким грузом.

Отдышавшись, он постепенно приходил в себя. Тошнота и головокружение отступали. Он медленно побрел в сторону своей казармы. Был уже глубокий вечер, так что по пути он почти никого не встречал, только дозорных иногда. Он шел, вдыхая прохладный свежий воздух, и пытался отогнать плохие мысли. Ему казалось, что к нему прицепили флаг с надписью «убийца» и все видят, что он натворил.

Восемь человек.

Он представил перед собой восемь человеческих фигур, чтобы понять, много ли это людей.

Пытаясь успокоиться, он начал задавать себе вопросы. «А почему вообще я так переживаю? В конце концов, идет война, и это враги, которые стреляли в него и хотели меня самого убить», – рассуждал он. Как вообще ему удалось подстрелить восемь человек? Не одного, не двух.

Восемь человек.

Мысли путались. Он понял, что заблудился. Ночью лагерь выглядит не так, как днем. Опять он блуждал по лагерю, погруженный в свои переживания.

«Надо быстрее найти свою казарму», – подумал Мэтью. Проходя мимо одной из палаток, он услышал голоса, доносящиеся из одной из них. Один из голосов Мэту показался знакомым – хриплый, резкий. Это был тот самый мародер – капрал Джордж Коул.

Решив, что лучше не попадаться ему на глаза, тем более ночью, Мэт собрался обойти палатку так, чтобы его не заметили, как вдруг он услышал.

– Ты представляешь, сам генерал, как его там, нахваливал меня сегодня! – говорил Джордж.

Собеседника, как и самого Джорджа, Мэт не видел.

– Говорил, что я пример для армии и все такое. Что я хорошо сражался. Я и правда подстрелил нескольких немцев, когда с остальными идиотами добежал до их окопа! Один немец бросил свою винтовку и поднял руки вверх, что-то там залепетав на своем поганом языке, так я его одним выстрелом прикончил, – он хрипло засмеялся. – Бам! Прямо промеж глаз!

Мэт, замерев и затаив дыхание, слушал Джорджа.

– Там был какой-то офицеришка. На нем-то патроны в винтовке и закончились, так я его прикладом вырубил. Короче, он жив остался, а так бы я его в расход пустил сразу.

Потом оказалось, что он какой-то ценный. Знает многое или типа того. Короче, меня за него капитан поблагодарил. Сказал, что я у него на хорошем счету теперь.

Слышно было, как Джордж затянулся сигаретой и выпустил дым.

– Правда, я подстрелил не восьмерых, как тот второй ублюдок. Но ничего, война для меня только началась. У меня счет точно будет больше. Интересно, где он так научился стрелять?

– Кто? – спросил незнакомый голос.

– Да есть там один кретин. Крыса. С виду хилак, но оказалось, что стрелять он умеет. Уложил восьмерых. Вроде как один капитан лично видел и подтвердил это. Знал бы этот маразматик генерал, что, в отличие от всех этих малолетних недоносков, у которых еще молоко на губах не обсохло, у меня больше опыта в убийствах, чем у многих сраных капитанов здесь. Тогда точно дали бы мне звание повыше, – он зло рассмеялся.

– Ты о чем?

– Я о том, что до войны я успел побывать в разных передрягах, – он сделал паузу. – Собственно, из-за одной из таких я здесь и оказался.

– Давай рассказывай подробности! – заинтересовался собеседник.

– Ты смотри не сболтни никому, а то я тебя быстро заткну, – грозно прохрипел Джордж.

– Давай не пугай, я не из болтливых. Что там у тебя за история?

– Там в Англии я как-то подстрелил одного тупицу. Констебля.

– Ого! Насмерть?

– Да.

– Как это произошло?

– Да ничего особенного. Я вписался в одно дело. Ограбление. Понимаешь? Склад один. Все должно было пройти гладко. Мы подгадали, чтоб никого не было рядом. Ночью пошли. Но этот хрен решил, что надо патрулировать именно там, где был склад, который мы брали. Как раз когда мы выходили с добром, он заметил нас и начал свистеть в свой поганый свисток! Чтоб заткнуть его, я ему вмазал хорошенько, но он оказался крепким. Короче, завязалась драка, я выхватил пистолет и пару раз пальнул ему в брюхо. Он сдох сразу же. Остальные, с кем я был, разбежались. К тому моменту, когда я понял, что произошло, ко мне бежали еще несколько полицейских. Видать, услышали выстрелы или его поганый свисток.

Мэт не мог поверить в то, что сейчас слышал. Теперь многое становилось на свои места.

– Ну, я рванул убежать от них. Затаился. Прятался несколько дней по подворотням и канавам, пока в один день не проходил мимо призывного пункта. Думаю: чем черт не шутит? Вряд ли меня будут искать в армии. Ну и зашел за-

писаться. Прикинул, что смогу отсидеться, пока шумиха не уляжется. Представляешь, кретин, который меня записывал, даже не потребовал показать мои документы. Я ему сказал, что потерял, так он поверил мне на слово и записал.

– Ну ты даешь!

– Оказалось, что здесь не так уж и плохо, как все говорили. Дали одежду, кормят нормально, всяко лучше, чем в тюрьме, даже денег обещали. К тому же есть возможность поживиться, если ты понимаешь, о чем я, – Джордж зло захихикал.

– Кажется, понимаю, – подхватил второй и тоже засмеялся.

Мэт понял, что не ошибся в этом капрале с самого начала. Подумав, что услышал уже достаточно, он решил скрыться, пока его не заметили. Развернувшись, стараясь не шуметь, он подпрыгнул от неожиданности.

– Эй, что ты здесь делаешь в такое время? – перед Мэтом стоял патрульный.

Его голос прозвучал так резко и громко, словно прогремел оглушительный гром где-то над головой.

– Ничего! – быстро шепотом выпалил Мэт.

Понимая, что это привлекло внимание Джорджа и его собеседника, которые были в палатке всего в паре метров от него, Мэт быстро шагом зашел за угол палатки, так чтобы его не заметили, побежал в сторону своей казармы.

– Так! А вы что тут забыли? Кухня давно не работает! –

слышал за спиной Мэт голос патрульного. Вероятно, он заметил Джорджа и его друга.

Стараясь не привлекать внимание, Мэт бежал, огибая палатки и тенты, подальше от того места, где он подслушивал признание Джорджа. Интересно, заметил его Джордж или нет? Понял ли он, что Мэт все слышал про него? Сердце Мэта забилося.

Мэт добежал до знакомого места. Вероятно, где-то поблизости должна быть его казарма. Точно! Вот она! Тяжело дыша, он перешел с бега на быстрый шаг. Мэтью весь горел от жара, одежда прилипала к телу. Подойдя к натянутому тенту своей казармы, он огляделся, чтобы удостовериться, что за ним никто не следит. Затем, убедившись, что все тихо, быстро нырнул внутрь. Стараясь не разбудить уже спящих солдат, Мэт прошел к своей койке.

Как можно тише положив собранный рюкзак на землю, он аккуратно лег на койку прямо в одежде. Пульсация в голове не давала успокоиться. Казалось, что тяжелым сердцебиением он разбудит своих друзей. Тихо и глубоко дыша открытым ртом, он лежал на спине и смотрел в потолок, обдумывая все, что невольно услышал от Джорджа.

Он не просто преступник, а убийца полицейского. Теперь многое стало понятным. Джордж пытается избежать правосудия за совершенные преступления, прячась на войне. Но он себя выдал. Все-таки Мэт был прав относительно него с самого начала. Теперь необходимо как-то рассказать капи-

тану Смиуту или генералу Пэку об этом. Но как? После того случая с украденными вещами вряд ли ему кто-то поверит, тем более в такую невероятную историю. Но что-то сделать точно надо. Этот человек очень опасен и может легко кому-нибудь навредить.

Вот черт! Он опять забыл про Колина! Как же так?! Надо срочно узнать, есть ли какие-то новости от них. Завтра же Мэт пойдет к капитану или даже к генералу и выяснит, что можно сделать.

Мэт лежал, смотря в потолок, и думал, как же много на него навалилось всего за каких-то два дня. Необходимо сообщить начальству про Джорджа и каким-то образом отправить Колина домой. При всем этом их взвод завтра утром выступает дальше. Как все успеть? Тревожные мысли не покидали его. Глаза Мэта медленно закрывались, пока он совсем не провалился в сон.

9

– Ты мерзавец! – кричал мужской голос. – Это ты во всем виноват!

Мэтью стоял в богато обставленной комнате, похожей на гостиную. Он огляделся. В комнате больше никого не было, только он один.

– Что ты натворил?! – голос кричал так громко, что все содрогалось.

От страха у Мэта по шее побежали мурашки. Он не понимал, что происходит. Место казалось ему очень знакомым, но он никак не мог вспомнить, где уже видел его. Уверен он был только в одном: голос обращался именно к нему.

– Ненавижу тебя! – голос доносился все громче и громче, как будто кричали со всех сторон сразу.

Мэт не мог пошевелиться. Он был парализован. Мог только смотреть по сторонам. Где же он? Казалось, что он уже бывал здесь.

Точно! Это же гостиная его дома! Как он мог сразу не узнать это место?! Он попытался позвать отца или мать, но, как бы он ни старался, слова не выходили из него. Он мог только мычать.

– Что же ты наделал?!

Холодный страх окутал его всего. Что же происходит?!

Вдруг он услышал громкий приближающийся топот. Как

будто великан бежал прямо на него. Мэт попробовал пошевелиться, но все тщетно. Внезапно дверь напротив него отворилась с такой силой и грохотом, будто ее выбили. На пороге стоял его отец. Он смотрел на него со злобой и ненавистью, будто это не Мэт стоял перед ним, а самый настоящий враг.

– Отвечай! Зачем ты это сделал?! – кричал со злобой отец, голос его все так же громом раздавался со всех сторон.

Мэт заметил какое-то движение за спиной отца. Люди бежали из стороны в сторону. Он не мог разглядеть, что именно там происходит.

Отец медленно зашагал к Мэту, смотря прямо ему в глаза. Каждый шаг с грохотом раздавался по всей комнате. И чем ближе отец подходил к обездвиженному Мэту, тем сильнее все тряслось и тем громче были шаги. Мэт выпучил глаза на приближающегося отца. Он сильно боялся. От страха Мэт зажмурил глаза.

– Ответь мне, зачем? – тихо проговорил отец, всхлипывая от плача.

Мэт открыл глаза и увидел, что отец стоит прямо перед ним, его руки были в крови.

– За что ты так со мной? – отец плакал. Мэт никогда не видел, как плачет отец, и от этого ему стало еще страшнее. – Почему ты так поступил?

Мэт никак не мог понять, что происходит и почему отец плачет. Он смотрел на его окровавленные руки, его рубашка

и жилет также были испачканы кровью. Но чьей? Отец плакал и смотрел на свои ладони.

– Ты мерзавец! Как ты мог так поступить с ним?

Колин! Отец говорит про Колина! Но кровь... Откуда тогда кровь? Мэта охватила паника. Неужели там, за спиной отца, откуда он только что пришел, был Колин? Что с ним случилось?

– Ты понимаешь, что ты натворил? – отец зарыдал. – Ты убил его!

Мэт попытался сдвинуться с места, но ничего не получалось. Он изо всех сил попытался закричать, но вместо этого мычал.

Вдруг отец посмотрел ему в глаза, протянул окровавленные руки к его горлу и начал душить. Хватка была настолько сильной, что на секунду Мэту показалось: он может умереть не от удушения, а скорее от сломанной шеи. Мэт попытался защититься, но руки не слушались его. Отец со злобой смотрел прямо ему в глаза и душил его.

– Ненавижу тебя! – рычал он. – Ненавижу тебя, Аллистер!

– Аллистер.

– Аллистер.

Мэт открыл глаза, ничего не понимая. Он был в поту.

– Аллистер! Вставай!

Капитан Смит ходил среди коек и объявлял сбор:

– Выдвигаемся через пятнадцать минут!

В лагере царила суматоха. Все бегали из стороны в сторону. Капитаны кричали на капралов, чтобы те поторапливались и собирались. Солдаты болтали друг с другом, шутили и смеялись. Обстановка больше походила на народные гуляния где-нибудь в парке, чем на фронт военных действий. Никто не хотел вспоминать о том, что последние два дня лагерь подвергался атакам и гибли люди. Одни взводы солдат выдвигались дальше на северо-восток, другие взводы новоприбывших только приезжали в лагерь. Военный круговорот продолжался, и ничто не могло его остановить.

Мэт проснулся в дурном настроении. Сон никак не выходил из головы. Сказывались переживания за брата.

Его сослуживцы уже собрали свои вещи и готовились к отправлению. Как им успели сообщить, их взвод объединили другими в одну роту под командованием капитана Смита. И уже вместе они должны были выдвинуться дальше к небольшому городу, название которого никто не мог выговорить правильно.

У большинства было приподнятое настроение, многие собрались в небольшие группы и пытались вспомнить какие-то фразы на французском, чтобы изъясняться с местными жителями. Часть пути они должны были пройти пешком, так как дороги были сильно повреждены артиллерией. Дальше

им обещали грузовики, на которых их повезут в город.

Мэт решил во что бы то ни стало поговорить с капитаном о Колине до того, как они выдвинутся, другого шанса встретиться с глазу на глаз может и не выпасть.

Надев свою походную сумку, он вышел из палатки. Мэт решил сразу идти к офицерской палатке, надеясь там отыскать капитана Смита. Оказалось, что палатку уже разобрали, на том месте устанавливали казарму для новоприбывших.

Мэт даже не знал, у кого спросить, где искать капитана, так как всех, кого он встречал на пути, раньше не видел. «Должно быть, это новые прибывшие», – подумал он.

Решив, что может попытать счастье у палатки генерала Пэка, он направился туда. И Мэт не ошибся: около входа стоял капитан Смит и вместе с другими капитанами что-то озабоченно обсуждал.

Мэтью не стал подходить слишком близко, решив дождаться, когда офицеры закончат разговор. Как только они начали расходиться, он сразу подошел к капитану.

– Капитан Смит, разрешите обратиться!

– Аллистер! Разве я не приказывал тебе собираться и готовиться к отправлению?! – не останавливаясь, рявкнул капитан.

– Так точно, сэр! Но я хотел спросить, нет ли новостей о моем брате и его взводе, сэр.

– Тогда какого черта ты не выполняешь приказ своего командира? Если ты думаешь, что раз тебя похвалил генерал,

то тебе можно не выполнять приказы, ты очень сильно ошибаешься.

– Сэр, прошу прощения, но мне правда надо знать, есть ли какие-то вести о моем брате. Помните? Я о нем рассказывал. Колин.

– Я помню о твоём брате, Аллистер. Я также помню, что ты любишь надоедать мне со своими догадками. – Он остановился и повернулся к Мэту. – По последним данным, капитан Роджерс со своим взводом должен занять ту деревню сегодня. Это все. – Он смотрел на Мэта, готовый взорваться от злости.

– Спасибо, сэр.

– Что-нибудь еще? – демонстративно вежливо, но со злобой спросил капитан.

– Извините, сэр. Это все.

– Аллистер, ты вроде не глупый парень. Я прочитал твое досье: хорошая, уважаемая семья, образование. К тому же оказалось, что ты неплохо умеешь стрелять. Но с дисциплиной и субординацией у тебя серьезные проблемы. Позволю себе предположить, что твоему отцу очень непросто с тобой.

– Вы как всегда правы, сэр, – понизив голос, ответил Мэт и опустил глаза.

Вздыхнув, капитан Смит добавил:

– Сделаем вот как. Когда мы доберемся до города, я свяжусь с капитаном Роджерсом и уточню про твоего брата. Это все, учитывая, какая ты заноза в заднице, это и так слишком

много.

– Сэр, спасибо вам большое! Вы не представляете, как это важно для меня!

– Представляю, у меня у самого есть братья, – на этих словах он развернулся и зашагал в ту сторону, куда шел.

Мэт последовал за ним.

– А теперь приказываю тебе еще раз: возвращайся к своему взводу и готовься отправляться. У меня и так сейчас полно проблем. Надо еще разобраться с этим повешенным.

– Повешенным, сэр? – Мэт быстро шагнул за капитаном.

– Да, утром нашли одного капрала повешенным на своем ремне.

– О господи, – негромко проговорил Мэт. – Он сам это сделал?

– Надо полагать, что да. Во всяком случае, в этом деле будет разбираться генерал. – Капитан грозно посмотрел на Мэта.

Уловив его взгляд, Мэт остановился.

– Есть вернуться к своему взводу, сэр, – на этих словах он поспешил к своей казарме.

Мэт добился чего хотел: капитан Смит обещал узнать про Колина, когда они доберутся до этого города. Но что-то Мэту не давало покоя. Странное чувство охватило его, какая-то тревога. То ли из-за новости о самоубийстве, то ли еще из-за чего, но ему стало не по себе.

Вернувшись к своим товарищам, он обнаружил, что те

уже построились в колонну и готовятся к отправлению. Мэт подбежал к концу и встал сзади. Чарли, стоявший где-то в середине, увидел его и присоединился к нему, добежав до конца колонны.

– Куда ты все время пропадаешь? – спросил Чарли и, не дожидаясь ответа, продолжил: – Ты уже слышал новости? Утром нашли труп какого-то парня. Вроде не из наших. Никто его толком не знал. А самое интересное, что помер он не от пули или вражеского снаряда.

Чарли перешел на шепот:

– Говорят, что он повесился на собственном ремне. Представляешь?

– Да, я только что узнал. Не знаешь, как его звали?

– Нет, не из нашего взвода точно. Говорят, какой-то капрал. Вроде бы его видели ночью, и он был еще живой. А утром, когда все проснулись, то обнаружили его висящим на своем собственном ремне в какой-то палатке.

– Жуть какая-то.

– Вот и я о том же. Зачем он это сделал?

– Может, не выдержал всего этого. Все-таки война идет. Может, он так сильно боялся за свою жизнь, боялся, что он может погибнуть в мучениях или стать навсегда инвалидом, что решил сам наложить на себя руки.

– Может, ты и прав. Только зачем ремень? Есть же винтовка. В конце концов, он мог просто застрелиться.

Мэт еще больше начал переживать, сам не понимая, поче-

му именно. В словах Чарли была логика. Действительно, зачем накладывать на себя руки именно таким способом? Хотя, если он не хотел никого тревожить и хотел уйти тихо, то это единственный способ. Если только...

– Парни, которые нашли его, сказали, что он висел с открытыми глазами и высунутым языком, – продолжал Чарли.

– Слушай, давай закончим, а то мне не по себе от всего этого.

– Давай. Но в таком случае тебе стоит придумать тему для разговора, так как идти нам до этих грузовиков, как я понял, целый день.

Вскоре они услышали свисток и приказ капитана выдвигаться. Их колонна медленно тронулась с места.

Путь до того места, где их ждали грузовики, пролегал через поля. Местами дорогу заменяли деревянные доски, выложенные в узкий мост. В основном там, где земля смешалась с грязью после бомбежек. Такие места были достаточно опасны, так как представляли собой нечто среднее между болотом и зыбучим песком. Эта черная, липкая, влажная масса засасывала и не отпускала ничего, что в нее попадало. Если в такое место случайно попадала техника, то ее уже почти невозможно было вытащить. Именно поэтому такие участки проходились в основном пешком.

Иногда, проходя, солдаты видели трупы застрывших в этой массе людей. Тяжело было сказать, от чего именно они умерли, так как тела были настолько обезображены разло-

жением, что зачастую невозможно было определить, какой именно армии этот солдат принадлежал.

Проходя мимо таких тел, все замолкали, кто-то крестился и молился, кто-то просто молча смотрел, но все до единого думали, что, скорее всего, эти тела так и останутся навсегда погребены в этой черной каше и никто не сможет их достать оттуда. Ужасная неправильная могила.

Колонна солдат растянулась на несколько сотен метров. Все о чем-то говорили и смеялись. Для многих это все было словно походом с друзьями. Словно приключение. В такие моменты забывалось, что все они на войне.

Мэтью шел рядом с Чарли. Настроение у него было паршивое. Он думал обо всем, что с ним произошло. О Колине, об убитых им солдатах, о Джордже. Все это перемешалось в его голове и не отпускало. Тревога засела глубоко внутри него.

В конце концов, думал Мэт, он оказался именно там, где и хотел быть. На фронте. Полноценный участник этой войны. Он пытался вспомнить, что именно он представлял себе о войне еще несколько недель назад, когда был дома. Представлял себе перестрелки, бои, когда две армии бегут друг на друга и кричат, героическое спасение своих боевых товарищей и многое другое, что он знал по книгам и листовкам с призывами.

На самом деле все оказалось не таким. В тех книгах, что он читал, и в листовках не говорилось о том, что им придется

много ходить, а также много работать. Физический труд не страшил его, но он не предполагал, что он будет укреплять окопы или что-то в этом роде. И уж тем более в тех книгах не говорилось о том, что тебя в любую минуту могут убить. Ничего там не было сказано и о муках совести после совершенных убийств. Наверное, потому что муки испытывают не все. Для кого-то убийство человека – это пустяк, а для кого-то – метка на всю оставшуюся жизнь. Мэт раньше никогда не думал о том, как невероятно тяжело отнимать жизни. На охоте стрелять в животных – это одно, но тут совсем другое. Живые люди. Ну и что, что они в другой форме и под другим флагом? Это люди.

Мэт был в замешательстве, он прекрасно понимал, что война – это не бесконечная пальба друг в друга. Но там, в Англии, когда он читал в газетах о ходе боевых действий, он представлял себе страны, воюющие друг с другом за свои флаги и знамена. Представлял наступление своей армии и то, как враги бегут прочь от нее. Представлял границы государств, министров и политиков, которые комментировали эту войну, и много чего еще, того, чего здесь не видит. Здесь он не видит ни политиков, ни границ. Все, что он видит, – это бескрайние поля, окопы и грязь, много молодых ребят, которые не совсем понимают, куда попали. Он видит много обезображенных тел, крови и раненых.

Раненые – это самое страшное, с чем он столкнулся. Раненые и покалеченные постоянно кричат и стонут от боли.

Лекарств на всех не хватает. Мэт был уверен, что каждый солдат, думая о смерти на поле боя, мечтал умереть быстро и не мучаясь. Не дай Бог остаться инвалидом и вернуться домой с оторванными ногами или руками. Он слышал, как некоторые солдаты просили товарищей пристрелить их сразу на поле боя, если с ними произойдет что-то подобное. Никто не хотел жить в мучениях.

Конечно, в газетах об этом ничего не писали. В них также не писали о том, что ты можешь погибнуть и твое тело так и останется в грязной жиже и будет гнить, пока земля не поглотит тебя.

Мэт почувствовал, что от этих размышлений он сильно устал. Он упрекнул себя в том, что слишком много думает и переживает по каждому поводу. Ему надо быть начеку, так как где-то поблизости может быть Джордж. Но после того, как он узнал о том, что Джордж Коул на самом деле беглый преступник, Мэт уже не мог быть уверен, что тот не захочет с ним поквитаться. К тому же Мэт не был до конца уверен, заметил ли Джордж его ночью.

И тут Мэта как будто окатили ледяной водой, и его бросило в холодный пот. Он понял. Как он раньше не сообразил? Все же было понятно с самого начала!

Тот капрал, которого нашли повешенным. Это же тот собеседник Джорджа, который интересовался деталями того, как он оказался на фронте.

Мэт неосознанно сбавил шаг, и сразу его подтолкнули

идушие сзади солдаты.

Получается, что Джордж мог подстроить самоубийство, чтобы тот его не выдал. «Неужели так оно и было?» – думал Мэт, или у него слишком сильно разыгралось воображение, и он преувеличивает. Во всяком случае, Джордж уже убивал, и, возможно, не раз, так что ему не составило бы труда сделать это еще раз. Может, он понял, что рассказал тому капралу слишком много, и подумал о последствиях. Такая версия казалась Мэту вполне убедительной.

Но что же делать? Опять идти к капитану Смиту? Да он даже слушать не станет, особенно после того, как его обвинения в мародерстве не нашли подтверждений. Особенно после того, как Джорджа хвалил сам генерал Пэк.

Мэт почувствовал холодную тяжесть в груди, его голова закружилась. Что если Джордж все-таки заметил его вчера ночью? Тогда он точно в опасности. Скорее всего, Джордж захочет избавиться и от него тоже, чтобы быть уверенным в том, что его секрет никто не выдаст и не узнает.

Он повернулся к Чарли, который разговаривал с кем-то, и уже почти позвал его, как вдруг резко замолчал. Может, не стоит рассказывать кому-то еще об этом, чтобы не подвергать никого такой опасности? Мэт совсем запутался, он не знал, что делать. Мысли путались. Да, лучше никого больше не втягивать в такое. Мэт сам разберется со всем этим. Как-нибудь. Наверное.

– Что с тобой? – спросил Чарли, заметив, как Мэт на него

смотрит. – Ты как будто привидение увидел.

– Все хорошо, – быстро ответил Мэт.

– Ты какой-то странный. Точно все в порядке? Не хочешь рассказать?

– Нет, Чак. Правда, все хорошо. Просто последние события меня измотали совсем.

– Представляю. Сначала эта бомбежка, потом брата своего встретил, потом еще та перестрелка. Свихнуться можно. Кстати, есть какие-нибудь новости о брате?

Мэт замялся, до сих пор пребывая во власти переживаний.

– Капитан Смит сказал, что его взвод должен добраться до какой-то деревни. Вроде не должно быть проблем.

– Ну, слава богу. Я слышал от ребят, что местные жители очень добры и гостеприимны к нам. Мы все-таки освободители как-никак, – Чарли гордо улыбнулся. – Может, в той деревне твой брат повстречает какую-нибудь прекрасную француженку.

Чарли локтем толкнул Мэта в бок и расхохотался.

– Представляешь? Дочку какого-нибудь фермера. И они влюбятся друг в друга.

– Да, – отстраненно ответил Мэт.

– Эй! Что там за романтические разговоры у вас двоих? – к ним присоединились Огаст со Скоттом, шедшие неподалеку. Рыжая копна непослушных и вечно растрепанных волос Огаста выделялась из толпы.

– Огаст, ты говоришь на французском? – спросил его Чарли.

– Нет, а что?

– Хочу выучить несколько фраз, пока будем добираться до города, чтобы общаться с местными. Вдруг встречу красивую француженку, а выговорить ничего не смогу? А так хотя бы сумею представиться и рассказать о себе. Может, даже вернусь домой с красивой невестой.

Они засмеялись. Мэт, все еще погруженный в свои мысли, шел, глядя себе под ноги.

– Ага! Размечтался. Ты записался на фронт, чтобы найти себе подругу или победить врага?

– Одно другому не мешает. В книгах герой всегда побеждает врага и находит свою любовь, – деловито ответил Чарли.

– Уж не знаю, какие ты там любовные романы обычно читаешь, только мы не в твоих книжках, дурень!

– Смейтесь, смейтесь. Еще завидовать мне будете! На свадьбу вас не приглашу.

Чарли, Огаст и еще несколько ребят рядом разразились громким хохотом.

– Что смеетесь? – спросил высокий коротко стриженный капрал, шедший неподалеку.

– Да вот, оказывается, провожаем нашего друга на свадьбу, – хохоча, ответил Огаст.

Высокий и крупный капрал был из другого взвода. Его звали Генри Бригс. Рядом с ним шли его сослуживцы.

– Вообще-то идет война, – пренебрежительно сказал он. – Мы поэтому и не можем быстро победить врага из-за таких вот, как вы, сосунков и клоунов. Вам бы все шутки шутить и на девок глазеть.

Огаст, Скотт и Чарли непонимающе уставились на него.

– Это каких таких, как мы? – спросил Огаст. – Чем мы тебя не устроили?

– Вы все зеленые еще. Войны не выигрываются детьми. Они выигрываются солдатами. Воинами, – гордо сказал Бригс, проговаривая каждое слово.

– Ты кто такой? – спросил его Огаст. – Сам-то давно на фронте?

– Капрал Бригс. К твоему сведению, уже несколько недель. Подольше, чем вы, – он с презрением посмотрел на Огаста.

– Да что ты говоришь? Целых несколько недель? И как служится? Ты сам-то много немцев подстрелил?

– Еще успею. Я укреплял окопы и рыл траншеи, пока вы учились штаны надевать. Наконец-то мы вышли из этого лагеря и направились на настоящий фронт.

– А где ты был последние несколько дней? Вообще-то нас бомбили и атаквали. Наверное, слишком был занят рытьем нор? – усмехнулся Огаст.

Бригс кинулся к Огасту и схватил его за куртку. Окружающие начали разнимать их.

– Закрой свой рот! Я тебе покажу нору!

В конце концов он отпустил Огаста, и их развели в разные стороны.

– Я, между прочим, сам добровольно записался на фронт!

– Как и мы все, дубина, – хихикнул Огаст.

Ребята расхохотались.

– Что ты знаешь о войне? У меня двое старших братьев служат. Я потомственный военный. А вы все кто? Дети фермеров и дворников? Что вы можете здесь сделать? Ваша задача не мешать настоящим воинам воевать и не путаться под ногами.

– Вы только посмотрите на него! Перед нами настоящий герой! И чем же ты лучше остальных?

– Чтоб ты знал, я был лучшим в учебном лагере! Лучше всех стрелял и бегал. А ты, дохляк, наверное, и винтовку не поднимаешь.

– Куда уж мне тягаться с таким примерным солдатом, как ты.

– Вот и закрой свой рот! Я пошел на фронт бить врага, а не шутики шутить! Англия должна победить! Мы уже несколько лет втянуты в эту войну и все никак не можем добить врага.

Мэт уже несколько минут внимательно слушал Бригса. То, что говорил этот капрал, раньше говорил сам Мэт. «Неужели со стороны я выглядел таким же агрессивным и дурным?» – думал Мэтью.

– К твоему сведению, среди нас есть парни, которые уже участвовали в перестрелке с врагом и отличились! Вот они –

настоящие солдаты.

– Это все детский лепет! Я на хорошем счету у командиров, так что, как только подвернется возможность, я проявлю себя в полной мере и покажу, кто тут настоящий воин.

– Очень надеюсь на это посмотреть!

Лицо Бригса покраснело от злости. Уставившись на Огаста, он плюнул на землю.

– Еще увидимся. Когда я буду хоронить ваши холодные трупы.

На этих словах Бригс со своими товарищами отделились и пошли в другую часть колонны.

Огаст, Чарли Мэт и Скотт переглядывались.

– Нет, ну вы видели это? Наши холодные трупы? – с недоумением спросил Чарли.

– Что ты? Он же настоящий воин. Ему виднее, – как можно более серьезно проговорил Огаст.

Ребята рассмеялись. Все, кроме Мэта. Он размышлял, сильно ли похож на Бригса в своих рассуждениях о войне. Он надеялся, что не похож. Хотя Мэт с удивлением для себя заметил, что немного завидует ему. Потомственный военный, братья тоже служат. Явно он попал на войну не так, как Мэтью, тайком убегая ночью из дома, как какой-то преступник. Скорее всего, его провожали на фронт всей семьей с пожеланиями хорошей службы и родительскими слезами гордости за сына. Мать Мэта тоже рыдает, и, скорее всего, до сих пор, но не от гордости, а от страха за него и Колина. Он

вспомнил миловидное лицо младшего брата и подумал: не страшно ли Бригсу за своих братьев? Что с ними может что-то случиться. А родителям Бригса не страшно ли за своих детей? Все-таки какие же разные семьи и традиции.

Нескончаемая колонна солдат продолжала движение вперед, как один большой длинный организм, растянувшись на несколько миль. Они шли по холмам и полям, иногда через грязь. В конце концов они вышли на более-менее хорошую, протоптанную дорогу, покрытую сухой землей и пылью, но все же не такую, чтобы по ней смогли проехать грузовики. По обе стороны от дороги земля была черная от грязи и болот. Вдоль стояли обгоревшие деревья с опаленными и обломанными голыми ветками. Они, словно большие и кривые кресты, тянулись к горизонту.

Мэт шел сквозь эти возвышающиеся деревья и представлял, что идет по кладбищу, а деревья как здоровые кресты на могилах тех солдат, что навеки погребены в этих болотах и грязи. Ему стало очень грустно.

Он не заметил, как тема разговора его друзей поменялась. Чарли опять что-то рассказывал:

– Как я уже говорил, никто из вас не задумывался, что такой, как эта война, еще в мире никогда не было.

– Что ты имеешь в виду? Войны идут постоянно. Люди постоянно воюют за что-то, – спросил Скотт.

– Так-то да. Но посуди сам: это первая война, в которую вовлечен почти весь мир. Это первая война, где применяют-

ся новые способы ведения боевых действий и уничтожения врага.

Все внимательно слушали.

– Еще каких-то десять лет назад Великобритания собрала свой первый самолет. Родители говорили, что об этом писали во всех газетах. Событие было. А сегодня? Сегодня самолеты превратились в оружие, их снабдили пулеметами, и они могут сбрасывать бомбы на врага. Да что там, на Англию сбрасывают бомбы немецкие самолеты! А гусеничные бронемашины? Танки! Такого вообще раньше не было. Обычные грузовики не пройдут по грязи и не изрытым траншеями местам. Но новая техника – танки – с легкостью преодолевает такие препятствия. Говорят, что Франция и Германия тоже начали производить свои модели. Такой технике не страшны ни пулеметы, ни винтовки. Она с легкостью может преодолеть линию фронта и высадить в самом центре вражеского лагеря своих солдат.

Слушая Чарли, Мэт вспомнил, как смотрел на танк, обжигаясь пламенем.

– Танки, самолеты, газ, новые винтовки, новые бомбы. Война – это настоящий рывок в промышленности! А теперь представьте, что будет еще через несколько лет!

Дальше какое-то время все шли молча, обдумывая слова Чарли.

Вскоре они остановились и услышали капитана, отдающего приказ. Колонна дошла до грузовиков. Их было несколь-

ко десятков, стоявших вдоль дороги. Все по очереди садились в них, и те сразу отъезжали.

Подходя к грузовику, Мэт увидел капитана Смита. Тот направлялся в их сторону. Вид у него был очень встревоженный.

– Мой взвод, погодите садиться, – сказал капитан Смит.

Ребята выстроились перед ним, ожидая инструкций.

– Сейчас я назову тех, кто пойдет за мной. Остальные лежат в грузовики и едут дальше в город.

Он посмотрел на ребят.

– Мэтью и Чарльз, за мной. – Он развернулся и пошел быстрым шагом в другую сторону от грузовика.

Парни переглянулись с остальными и побежали за капитаном.

– Мы что, не едем в город? – спросил Чарли Мэта на бегу.

– Не знаю, – ответил Мэт.

Он старался не думать о плохом.

– Капитан Смит, сэр! Мы не едем в город с остальными? – не унимался Чарли, догоняя капитана.

– Вы двое нужны для другого задания, – не останавливаясь, ответил капитан, пробираясь сквозь толпу солдат.

Они переглянулись. Другое задание.

Капитан пересек дорогу и остановился около армейского автомобиля, припаркованного у обочины, на капоте которого была развернута большая карта. Около автомобиля Мэт заметил еще одного капитана – Маккормака – и нескольких капралов. Среди них были знакомые лица. Бригс и Джордж. Оба выделялись своим ростом и массой. У всех остальных

были серьезные лица.

Подойдя к автомобилю, капитан Смит, кивнув капитану, развернулся к капралам.

– Всех вас собрали для выполнения срочного задания. За то короткое время, что мы здесь находимся, некоторые уже зарекомендовали себя как неплохие солдаты, именно поэтому вы здесь.

Он повернулся к карте и пальцем указал на обведенную точку.

– Недалеко отсюда есть небольшая деревня. По нашим данным, там может прятаться отряд немцев. Скорее всего, те, кто не успел вовремя отступить. Точно сказать, сколько их там прячется, мы не можем, пока сами не проверим это. Вполне возможно, что они уже покинули деревню и разбежались. Но в силу того, что данная деревня располагается около наших позиций, мы не можем игнорировать эту ситуацию, и командование дало задание проверить все и, если потребуется, ликвидировать врага.

Смит повернулся к капралам. Говорил он коротко и четко:

– Отряд поведу я. Капитан Маккормак с нами, он вместо меня, если что-нибудь произойдет. Всем быть начеку, мы не знаем, чего ожидать, поэтому готовимся к худшему. Враг неглуп, он загнан в угол, и ему нечего терять, от этого он только опаснее. Поэтому не подставляйтесь и прикрывайте товарищей. Пойдем через лес, несколько миль – и выйдем прямо к деревне. Выступаем через час. Сейчас отдыхать и

собираться. Вольно.

Капитан Смит посмотрел на Мэта.

– Аллистер, на пару слов. – Он кивком указал в сторону и, не дожидаясь, направился в сторону от автомобиля.

– Капитан. – Мэт подбежал к быстро шагающему Смицу.

– Аллистер, кажется, ты все-таки был прав.

– По поводу чего, сэр?

– Тот капрал, которого, как ты говоришь, видел. С ним что-то не то. Пришло письмо из Англии. Точнее, это полицейский запрос, в котором говорится о некоем человеке, под чье описание подходит тот капрал. Вообще под то описание подходит много людей, но он особенно.

Мэта бросило в жар.

– Сэр, и что там говорится в запросе? – аккуратно поинтересовался он.

– Пишут, что полиция ищет того человека по обвинению в убийстве. И не просто в убийстве, а в убийстве полицейского. Это очень серьезное преступление. Вроде как он мог записаться добровольцем на фронт, чтобы скрыться от правосудия.

Мэт остановился. Все совпало. Капитан немного прошел дальше и, заметив, что идет один, развернулся.

– Что случилось, Аллистер?

– Мне нужно вам кое-что рассказать, сэр.

– Господи Боже, Аллистер! Что на этот раз?!

– Это касается того капрала, которого нашли повешенным

утром в лагере.

Мэт рассказал капитану все, что произошло вчера вечером, и все, что он слышал. Капитан, внимательно его выслушал.

– Он точно тебя не заметил? – дослушав до конца, спросил капитан.

– Кажется, да, сэр.

– Кажется? То есть ты не уверен?

– Не знаю, сэр, было темно, и я быстрее побежал прочь, когда меня заметил патрульный.

– Вот черт! И надо было всему этому произойти именно в моем взводе! – негромко выругался капитан.

Несколько секунд он стоял, всматриваясь куда-то вдаль.

– Поступим вот как. После того как проверим деревню, я поговорю с генералом. Расскажу ему все, а при необходимости ты подтвердишь и расскажешь ему все, что слышал. Коула по-тихому арестуют, отправят в Англию и передадут полиции. До этого времени не подавай вида, что ты о чем-то знаешь. Понял?

– Сэр, он тоже идет на это задание? При всем уважении, сэр, не поймите меня неправильно, разумно ли это? При таких обстоятельствах, может, следует сразу оповестить генерала? Все-таки этот человек убил полицейского, а вчера он убил еще одного человека. Мы не знаем, чего можно ожидать от него.

– Аллистер, тебе знакома поговорка «Держи друзей близ-

ко, а врагов – еще ближе»? Так вот, пока мы не добрались до нашего следующего лагеря в этом городе, мы не сможем его безопасно нейтрализовать и поместить под стражу. Будем надеяться, сейчас он не догадывается о том, что мы знаем. Пусть так и будет. А мы пока приглядим за ним. Как только мы прибудем в лагерь, я сразу отправлюсь к генералу. Да, риск есть, но задерживать его именно сейчас, притом что он может оказать сопротивление и скрыться, и мы не сумеем обеспечить гарантированный конвой до лагеря, риск еще больший. Так что будем действовать так, как условились. Не переживай, уже сегодня его арестуют и поместят под стражу. Гарантирую.

– Есть, сэр!

– А теперь возвращайся к группе и держи рот на замке! Даже приятелю своему ни слова, понял?

– Так точно, сэр!

Мэт вернулся к группе, которая расположилась на обочине около автомобиля, на капоте которого капитан Смит ранее проводил инструктаж. Кто-то из солдат прилег на землю и, положив ногу на ногу, дремал с опущенным на лицо шлемом, кто-то курил. Капрал Бригс с серьезным видом, сидя на земле, разбирал свою винтовку. Все детали и личные вещи аккуратно разложены перед ним.

Чарли сидел на каком-то пне с блокнотом и что-то в него записывал карандашом. Заметив Мэтью, он подскочил.

– Представляешь, пара парней из другого взвода подказа-

ли мне несколько фраз на французском для общения с местными! Уже не терпится познакомиться и попрактиковать с кем-нибудь свой французский. Хорошо бы было с какой-нибудь девушкой.

– Очень рад за тебя, друг, – пробубнил Мэтью, поглядывая по сторонам. – Ты прям всерьез решил подойти к делу. Язык вон учишь.

– Ну а что? Надо использовать каждую возможность и всякий шанс. Чего зря время терять?

– Абсолютно с тобой согласен.

Мэт, стараясь не выдавать себя, оглядывался по сторонам в поисках Джорджа. Его нигде не было видно. Он вздохнул с облегчением, лишний раз видеть его, особенно сейчас, когда Мэт точно знает, что он преступник, ему не очень хотелось.

– Чак, а как ты будешь разговаривать с местными, если не поймешь, что они тебе отвечают?

У Чарли округлились глаза. Он уставился на Мэта.

– Понятия не имею. Вот черт! Действительно, как же мне с ними общаться?! Я же не говорю на французском. Ну, то есть теперь говорю немного, но ничего не понимаю.

– Чак, не переживай. Если ты вдруг встретишь прекрасную девушку и она окажется той самой, то вы поймете друг друга и без слов. – Он положил руку на плечо друга и улыбнулся.

– Ты так думаешь? Наверно, ты прав! Любовь сама все скажет за нас, – он заулыбался и немного покраснел, отчего

стал похож на ребенка, которому дали сладости.

Друзья весело расхохотались.

Внезапно Мэт ощутил какое-то странное тревожное чувство. От шеи к спине побежал холодок. Нутром он чувствовал какую-то приближающуюся опасность. Мэт огляделся. Все было в порядке, толпы солдат, выстроившись в шеренги, ждали своей очереди на погрузку в грузовики. Все шутили и смеялись. Ничего особенного.

Но Мэт все отчетливее ощущал тревогу, переходящую в страх. Как вдруг, сам не зная почему, как будто кто-то подсказал ему, он повернулся. Каким-то образом сквозь проходящих людей он сразу увидел. Злые черные глаза пристально смотрели на него, изучали. Нечеловеческие. Глаза хищного животного. Глаза Джорджа.

12

– Всем тихо! – негромко проговорил капитан Смит. – Оружие держать наготове, но не стрелять. Там могут быть местные, – он сделал паузу, чтобы все услышали и обдумали, что он сейчас сказал. – Дальше общаемся жестами. За мной!

Десять человек одним рядом не спеша выдвинулись из леса через широкое поле в сторону деревни. Вся деревня была не больше пятидесяти деревянных домов, расположенных очень близко друг к другу, разделенных тропинками и подобием дорог. Дома были одноэтажные, несколько амбаров, сараи, и все это окружено лесом с одной стороны и бескрайним полем для выгула скота и посевов с другой. С виду все было спокойно. Признаков какой-то жизни не было. Среди темно-серых и коричневых домов не видно было ни немцев, ни местных. Может, сами французы деревню уже давно покинули и забросили, а может, немцы прямо сейчас прячутся в этих домах и ждут в засаде, чтобы напасть.

Отряд медленно пересек поле и двигался в направлении первых построек. Все шли медленно, держа винтовки наготове. Войдя в деревню, солдаты внимательно всматривались в окна и выглядывали из-за углов домов. Все ждали засады.

По улице были разбросаны какие-то инструменты, доски и одежда.

«Скорее всего, деревня давно покинута местными жите-

лями, – подумал Мэт. – Не похоже, чтоб здесь кто-то обитал или прятался».

Они прошли дальше до места, которое можно было считать главной площадью, – небольшой открытой территория, в центре которой стоял каменный колодец. Идущий впереди капитан Смит остановился возле колодца и повернулся к отряду.

– Надо убедиться, что здесь действительно никого нет. Уж слишком тихо. Вы двое, – он кивком указал на двух капралов, – пойдете по правой стороне до конца. Обойдете последний дом и вернетесь с другой стороны. Внимательно смотреть в окна, не хватало, чтоб вы ненароком подстрелили кого-нибудь из французов.

Он повернулся к остальным.

– Слушать мою команду...

Не успел капитан договорить фразу, как раздались выстрелы. Одного капрала сразу ранило в ногу, и он повалился, громко крича. Капитан Смит упал на землю, прячась за колодцем. Остальные бросились врассыпную в разные стороны, стараясь найти хоть какое-то укрытие за домами, бочками, телегами и всем, что могут защитить от пуль. Стреляли из нескольких домов с разных сторон. Пули свистели совсем близко от солдат, попадая в землю, колодец и дома. Стреляли из винтовок.

Капитан, укрываясь за колодцем, постарался выглянуть, чтобы оценить обстановку и определить, откуда именно идет

огонь. На первый взгляд, стреляли из двух домов, расположенных на другой стороне маленькой площади.

Раненый капрал, крича от боли, пополз в сторону укрывавшихся за бочками солдат. Около него разлетелась земля от попаданий пуль.

– Прикройте его! – кричал капитан укрывавшимся солдатам, которые были ближе к нему. – Вон по тому дому, – он рукой указал на дом с красной дверью, откуда велась стрельба по капралу, метрах в сорока от колодца.

Мэт, Чарли и еще два капрала укрывались вместе за какими-то деревянными бочками около дома напротив колодца. Раненый капрал был по центру между ними и капитаном Смитом. Получив от капитана указания, Мэтью прицелился в разбитое окно дома и сделал несколько выстрелов. В окне было темно, и Мэт не видел, попал он в кого-то или нет. Огонь из дома прекратился, но ненадолго. В ответ по нему начали стрелять из других окон этого дома. Они пригнулись, а сверху посыпались щепки.

– Попробуйте в обход! – крикнул капитан группе, где был Мэт.

Потом капитан Смит повернулся в другую сторону. Капитан Маккормак с тремя капралами прятались за углом дома и периодически отстреливались по второму дому, из которого по ним вели огонь.

Капитан Смит попытался крикнуть им то же, что и другой группе, – что надо попытаться обойти дома с тыла, но он не

мог перекричать шум выстрелов и крики.

– К тому дому не подступиться. Нужно попробовать сзади. Вряд ли там так много немцев, что они могут контролировать каждый вход в дом, – сказал Мэт остальным, укрываясь от пуль. – Я попробую обойти. Прикройте меня. По команде!

Он приготовился выбежать из укрытия и, направиться в проулок между домами. Мэтью посмотрел через площадь за колодцем на вторую группу и увидел Джорджа, который, кажется, как и он, собирался обойти дом, из которого стреляли по ним и по капитану Смиуту. Джордж, пригнувшись, на корточках побежал в сторону дворов, пока остальные прикрывали его огнем.

Сделав глубокий вдох, Мэт скомандовал:

– Сейчас!

Три капрала одновременно высунулись из-за бочек и открыли огонь по дому с красной дверью. Мэт в это время со всей силы побежал во дворы, чтоб быстрее скрыться с поля зрения стрелков. Полуприсев, пробираясь через узкие пространства между домами и сараями, он слышал непрекращающуюся пальбу.

Капитан Смит в это время вел прицельную стрельбу по другому дому, из которого стреляли в основном по колодцу, где он прятался, и иногда по укрытию капитана Маккормака. Одного он точно подстрелил, но второй враг все никак не хотел попадаться ему в прицел, хотя капитан не был до кон-

да уверен, что немцев в доме всего двое. Внезапно его посетила мысль. А с чего он вообще решил, что по ним стреляют именно немцы? Может, стреляют вовсе не немецкие солдаты, а местные французы, которые устроили засаду на врага и, не разобравшись, открыли огонь по союзникам?

Капитан на миг замер. Он судорожно копался в памяти, вспоминая, кого именно он видел в прицеле, когда стрелял. Кажется, на них была форма, вроде немецкая. Но в окне было темно, и он не уверен, что была именно военная немецкая форма. Вот черт! Теперь он сомневался, что точно видел немецкого солдата. «Проклятье!» – ругал себя капитан.

Капитан Маккормак и еще один капрал стреляли из своего укрытия по дому, прикрывая Джорджа, который побежал в проулок между домами.

Второй капрал был Бригс. Здоровяк сидел на земле и, схватившись за винтовку так, что его пальцы побелели, широко выпучил глаза, уставившись куда-то вдаль. Он, тяжело дыша, что-то бормотал себе под нос. Капитан Маккормак кричал, чтоб тот взял себя в руки и приступил к бою, как и его товарищи. Но Бригс, словно не слыша его, все сидел на одном месте лицом к домам, сжимая винтовку, и что-то бубнил.

– Твою мать! – кричал капитан Маккормак. – Капрал! А ну соберись и тащи свою задницу сюда! Открыть огонь!

– Капитан, сэр, кажется, он уже все! – перекрикивал выстрелы второй капрал, стреляя в сторону немцев. – От него

сейчас толку не больше, чем от дырявого башмака. Я такое уже видел после бомбежки. Некоторых будто переключивает, и они закрываются в себе.

– Это называется контузия, черт бы его побрал! – выругался капитан. – Какого черта мне доверили этого сосунка, а не солдата?! – Он отвернулся от Бригса и выглянул из-за угла.

– Так! Я вижу капрала, он прямо у того дома, где немец стреляет по Смигу. Заходит сбоку! – Он посмотрел на капитана Смита и выкрикнул: – Смит, дружище! Еще немного! Наш парень почти добрался!

Капитан Смит махнул ему рукой в ответ и что-то прокричал. Но Макормак ничего не расслышал. Стрельба по колодцу все еще продолжалась.

Капрал Бригс сидел на земле и пялился куда-то перед собой. Он не слышал и не замечал происходящего вокруг, как не заметил и двух немецких солдат, вышедших из-за угла и подкравшихся к их группе с другой стороны, хотя смотрел прямо на них. Капитан Макормак и капрал тоже не видели их, так как отстреливались из-за угла дома.

Немецкие солдаты, заметив Бригса, подняли на него винтовки, но, увидев его состояние и проследив за его взглядом, они поняли, что он для них пока не опасен в отличие от двух других. Немцы молча переглянулись и решили оставить его на потом, а сами, прицелившись в капитана и капрала, открыли по ним огонь из винтовок.

Капрала убило сразу, выбросив его тело из-за угла дома. Капитану Маккормаку пуля попала в спину и прошла на-вылет из груди около правого плеча. Он с криком свалился на землю, чувствуя сильную боль. Перевернувшись на спину, капитан увидел двух немцев, целящихся в сидящего Бригса. Тот все так же сидел и не обращал внимания на происходящее. Перевернувшегося капитана немцы не заметили, посчитав его мертвым. Вскинув винтовку дрожащей рукой, Маккормак выстрелил два раза. Одному немцу пуля попала в область сердца, второму – прямо в лоб, за его головой на мгновение появилось красное облако. Оба свалились на землю замертво.

– Сукин ты сын! – отбросив винтовку в сторону, закричал капитан и постарался сесть, преодолевая боль.

Он посмотрел на тело капрала. Тот был мертв.

– Все из-за тебя! – кричал он все так же сидевшему спиной к нему Бригсу. – Я лично отдам тебя под трибунал и сам застрелю, сволочь! Хотя нет, я сделаю это прямо сейчас.

Маккормак с трудом встал и, согнувшись от боли, медленно направился к Бригсу, обойдя того так, чтобы видеть его лицо. Пока шел, он достал пистолет из кобуры и прицелился Бригсу в голову.

Капитан посмотрел ему в лицо. Тот сидел на земле, все так же глядя куда-то сквозь капитана, и, немного покачиваясь вперед-назад, что-то бормотал себе под нос. Его глаза были красные от слез. Он плакал.

Капитан опустил оружие.

В это время Мэтью незаметно подобрался к задней части дома с красной дверью, откуда велась стрельба. Он стал отчетливее слышать выстрелы и голоса немцев из дома.

Осмотрев заднюю стену, Мэт не обнаружил двери, только окна. Присев на колени, он подполз к ближайшему окну, чтобы заглянуть. Внутри была комната, похожа на спальню, стояла кровать, какая-то мебель, везде разбросаны вещи. Дверь в комнате была открыта, и через нее была видна гостиная с разбитыми окнами. По всей видимости, именно оттуда велась стрельба по ним.

Заметив какую-то тень, Мэт пригнулся. В доме точно кто-то оставался, так как он слышал выстрелы. Кажется, один солдат. Мэт еще раз осмотрел окно, сможет ли он открыть его снаружи.

Оказалось, что оно не заперто и легко открывается. Стараясь не шуметь, он пролез в окно и, оказавшись внутри дома, присел на корточки. Он сразу почувствовал затхлый запах старых вещей и сырости. Из гостиной раздавались выстрелы и шаги, кажется, одной пары сапог. Стрелок менял позицию. «Умно», – подумал Мэт. У противника может сложиться ложное впечатление, что в доме может находиться целый отряд.

Приготовив винтовку и собираясь заглянуть в гостиную, Мэтью на секунду представил, что то же самое сейчас проделывает в другом доме Джордж. Интересно, он уже устра-

нил немецких солдат? Почему-то Мэту представилось, что Джордж не просто расстрелял их из винтовки, а с особой жестокостью и зверством расправился со всеми армейским ножом. Он представил стоявшего посреди гостиной Джорджа среди множества трупов, с окровавленными по локоть руками и ножом в одной из них. Почему-то в этом видении Джордж улыбался, и рот у него тоже был в крови, словно он пил кровь или даже ел их. От этих мыслей Мэту стало не по себе. Он зажмурил глаза и покрутил головой, чтобы отогнать их.

Глубоко вздохнув, он аккуратно выглянул из-за двери. Мебели в гостиной совсем мало, а та, что была, сломана и разбросана по всей комнате. У ближайшего к Мэту окна спиной к нему на одном колене сидел немецкий солдат и периодически стрелял, выкрикивая какие-то слова. У дальнего окна Мэт заметил лежавший на спине труп солдата, у которого грудь была в крови. «Должно быть, тот, в кого попал я ранее», – подумал он.

Мэтью медленно встал на ноги и, подняв винтовку, направил ее на солдата. Он замешкался. Почему-то он не мог спустить курок и выстрелить. В этом не было никакой чести – стрелять в спину, пусть и врагу. Солдат не видел его и продолжал выглядывать из укрытия и вести огонь. Прошло всего несколько секунд, но для Мэта время словно остановилось. Его как будто парализовало, он не мог пошевелиться и так и замер, целясь в спину этому солдату.

«Да что же ты делаешь?! – думал он. – Чего медлишь?! Ты погубишь и своих товарищей, и себя самого. Пока ты вот так стоишь, он стреляет в твоих друзей и может убить кого-нибудь!» Но паралич никуда не делся, он все так же стоял и пялился на солдата. «Так, соберись! Ты же уже убивал! – говорил сам себе Мэтью. – Твои руки все равно в крови. А на совести жизни восьми человек! Восьми врагов, которые так же стреляли по тебе и твоим друзьям! Соберись!»

У немца закончились патроны, он убрал винтовку и поднялся на ноги, все еще укрываясь за стеной. Он обернулся, что-то говоря себе под нос, как вдруг увидел целящегося в него Мэта. Немец был шокирован, читался неподдельный испуг на его лице.

Сердце у Мэтью остановилось, его словно ударило током. Недолго думая, немецкий солдат дернулся в сторону, и в ту же секунду раздался такой оглушительный выстрел, словно взорвалась бомба, и немец с грохотом повалился на разбросанную мебель, забрызгивая кровью все вокруг. Ствол винтовки Мэта дымился. Для самого Мэта все произошло как-то само собой. Будто винтовка управляла Мэтом, а не он ею. Он даже не понял, как нажал на курок.

Мэт глубоко вдохнул и громко выдохнул, осматривая комнату. Больше никого не было. Он подошел к окну, где только что стоял немец, из которого открывался вид на площадь и колодец.

– Дом чист! – крикнул он своему отряду.

Он увидел, как капитан Смит поднялся из-за колодца, крича что-то солдатам в укрытии. Там, где Мэт укрывался вместе с Чарли за бочками, была какая-то суматоха. Он не смог расслышать, что именно кричал капитан. Мэт попытался высунуться из окна, чтобы получше расслышать, как вдруг раздался хлопок где-то справа, в соседнем доме. Мэт пригнулся и приготовил винтовку, чтобы отстреливаться. Он видел, как капитан Смит пошатнулся и упал.

– Нет! – вырвался крик у Мэта.

Один капрал, пригнувшись, побежал к капитану, раздались выстрелы и крики. В поле зрения Мэта не попадал тот дом, откуда предположительно велась стрельба. Он крепче схватил винтовку и развернулся, чтобы побежать к капитану на помощь, но резко остановился.

На него смотрело острое подрагивающее дуло винтовки. Мэт только через несколько секунд обратил внимание на самого немецкого солдата, целящегося в него этой самой винтовкой. Тот был совсем молодым, со светлыми волосами и светло-голубыми глазами. На вид ему едва было лет восемнадцать. Как и самому Мэту. Немец смотрел испуганными, широко открытыми глазами на Мэта. Его руки дрожали, и от этого дрожало дуло винтовки.

Мэт вдруг осознал, что он стоит на том самом месте, на котором он несколько минут назад убил немецкого солдата, а этот подросток в армейской форме – это и есть сам Мэт, который также не смог выстрелить в спину человеку. Ситу-

ация повторилась точь-в-точь. Какое же все-таки извращенное чувство юмора у судьбы.

Он вдруг осознал, что не боится. Не испытывает ни страха, ни какой-либо другой эмоции. Он абсолютно спокоен. Как будто он готов принять смерть от самого себя. Ему даже показалось это в какой-то степени справедливым.

Щелчок. Немец нажал на курок, но в винтовке не оказалось патронов. Парень вздрогнул, посмотрел на свое оружие, потом поднял взгляд на Мэтью. Глаза немца расширились еще больше. В них читался страх и мольба. Он медленно опустил винтовку дрожащими руками. Она выпала у него из рук.

Мэт аккуратно поднял руки, держа в одной из них свою винтовку дулом в сторону от немца, давая ему понять, что он не собирается стрелять в ответ.

– Я не хочу драки, – медленно сказал Мэт, гадая, понимает ли его немец.

Немец продолжал стоять и смотреть на него испуганными глазами, не шевелясь.

– Уходи. – Мэт жестом показал немцу в сторону. – Уходи, давай. Я не буду стрелять, – спокойно проговаривал он.

Мэт понял, что парень явно такого не ожидал. Он не предполагал, что противник откажется от боя и просто отпустит его. Главное, чтобы он правильно растолковал то, что Мэт ему говорит.

– На сегодня хватит смертей. Уходи, пожалуйста.

Мэт медленно опустил руки и так же медленно направился к выходу. Немец стоял и смотрел на Мэта, не двигаясь с места. Мэт уже прошел половину комнаты, как вдруг услышал надрывистый писклявый крик немца. Он быстро повернулся и увидел бегущего на него парня с широко открытыми безумными глазами, который кричал скорее больше от своего собственного страха, чем с целью напугать. Он подбежал и с силой толкнул Мэта в грудь. Тот сделал несколько шагов назад и, запнувшись о тело мертвого немца, потеряв равновесие, упал на спину, выронив винтовку.

Немец стоял над Мэтом, замешкавшись, он явно не знал, что ему делать дальше. Судорожно он начал доставать из кобуры пистолет, свой Люгер, но у него ничего не получалось. Застежка заела, и он никак не мог достать пистолет. От нервов немец начал просто дергать рукоятку пистолета в надежде порвать злосчастную застежку и вытащить пистолет. Он не заметил поднявшегося Мэта, который набросился на него, прижал к стене и крепко схватил его за руки.

Немец начал брыкаться и вырываться, но Мэт его крепко сдерживал, это было не сложно, так как парень был совсем юн и худощав. Сил у него явно не хватало одолеть Мэтью. Мэт не хотел причинять ему вред, хотя мог без больших усилий выхватить свой пистолет и застрелить его. Но он этого не хотел. Он хотел отпустить этого парня. Тот был так молод, что Мэту начало казаться, будто он борется с каким-то обиженным ребенком. Он не понимал, как еще донести до

него, что он не собирается причинять ему вред.

Их борьба продолжалась несколько минут, один пытался сдержать другого, а тот старался вырваться. Несмотря на то что они оба были измотаны их затянувшейся схваткой, оба продолжали вести каждый свою борьбу. Мэт видел, что немцу очень страшно. В то же время он заметил за собой, что он абсолютно спокоен. Вырываясь из хватки Мэта, немец улучил момент и выдернул руку, которой ударил Мэта по лицу. Удар был настолько слабый, словно он боялся причинить Мэту боль, что Мэт удивился этому и на секунду опешил. Этого было достаточно, чтобы немец удивительно легко выхватил пистолет из кобуры и направил его на Мэта. Он не понял, как немцу удалось так быстро достать пистолет, но в этот самый момент он по-настоящему испугался, когда увидел направленное ему в живот тонкое черное дуло немецкого Люгера.

Он ухватился за руку немца, сжимающую рукоятку пистолета, и старался отвести его от себя в сторону. Второй рукой он надавил на грудь мальчишки и прижал его к стене. Немец схватился за пистолет двумя руками, пытался перебить Мэта и направить ствол на него. Но ему явно не хватало сил.

– Стоп! Хватит! Стоп! – кричал Мэт, глядя немцу прямо в глаза и мотая головой из стороны в сторону. – Стоп! Нет!

Немец смотрел на него растерянными глазами и словно не понимал, что происходит. Казалось, он просто не может

принять тот факт, что Мэт не намерен причинять ему вред.

Тупое и бессмысленное упорство немца начало раздражать Мэта, и он решил просто разоружить парня. Он отпустил его грудь и освободившейся рукой с силой дал ему пощечину по лицу, ожидая, что тот отвлечется или выронит пистолет. Но немец, отпустив лишь одну руку, второй продолжал сжимать пистолет и целиться в Мэта. Тогда Мэт приложил больше усилий к тому, чтобы выхватить оружие, и начал выкручивать руку немца, сжимающую пистолет, поворачивая ее в разные стороны.

Немец взревел от боли, как вдруг они оба вздрогнули от неожиданно раздавшегося выстрела. Оба замерли и смотрели друг на друга широко открытыми глазами пару секунд. Мэт не понял, что произошло. Он почувствовал резкий запах пороха и дыма. Опустив глаза, он увидел в своей руке руку немца с пистолетом, направленным немцу в живот. На форме парня в области живота быстро расширялось красное пятно.

Немец обмяк, выронил пистолет и, застонав от боли, схватившись за рану на животе обеими руками, повалился спиной на стену. Мэт, глубоко дыша, смотрел испуганными глазами на немца, не понимая, как все это произошло. Он не нажимал курок. Он не хотел этого. Прекрасно понимая, что немец сам случайно нажал на курок и выстрелил, Мэт винил себя в этом. Он же ясно давал ему понять, что не хочет причинять ему вред. Почему этот глупый мальчишка просто не

ушел?!

Немец громко, глубоко дышал ртом, держась за живот обеими руками, и медленно сползал на пол по стене, стонав от боли. Он посмотрел прямо на Мэта, и в глазах его Мэт увидел мольбу и страх. Как будто он умолял о помощи, как будто Мэт мог отмотать время назад и исправить это. Но Мэт не мог ничего поделаться. Он наклонился над парнем и прижал его ладони к ране еще сильнее. Руки немца были в липкой крови темно-красного, почти черного цвета.

– Что же ты наделал?! – негромко сказал Мэт, сам не понимая, к кому именно он обращается – к немцу или к себе. – Я не хотел этого! Я же говорил тебе уходить! Почему ты не послушал меня?! Почему ты не ушел?! – перешел на крик Мэт.

В этот самый момент перед ним был не немецкий солдат во вражеской форме, а просто подросток, который не понимал, что происходит, и который не хотел умирать. Мэт заплакал. Зарыдал. От страха, от обиды, от безысходности. Он ничем не мог ему помочь. Слезы текли по щекам.

Немец продолжал стонать от боли, из его рта потекла кровь. Он закашлял и кровью забрызгал Мэта. Вскоре кашель перешел в захлебывание, дыхание парня стало тяжелее. Жизнь медленно покидала его тело. Он смотрел на Мэта и его голова начала медленно опускаться, словно он засыпал.

– Нет! Стой! Нет! – сквозь рыдания кричал Мэтью. – Стой, не уходи! Прости меня! Прости! Пожалуйста, прости

меня! – кричал он, сжимая руки немца. – Стой, не уходи! Пожалуйста!

Он все кричал и кричал. Слезы жгли его глаза так, что он стал хуже видеть. Он хотел вытереть глаза, поднял руку, все еще сжимающую худую ладонь мальчишки, и понял, что тот не сопротивляется. Он зажмурил глаза и, открыв их, увидел, что голова парня свисает неподвижно. Тот не дышал.

Мэт отпустил руки немца и те безжизненно упали на ноги. Парень был мертв. Мэтью зарыдал еще сильнее. Никогда в жизни он так сильно не рыдал. Он не мог остановиться. Он хотел быть на его месте, на месте этого парня, которого он убил. Да, именно он убил его, он понимал это. Он хотел переиграть все по-другому и дать немцу убить себя. Но не мог. Он прижал ладони к лицу, не в силах остановить рыдания. Его руки были мокрые и липкие от крови.

Сидя так на коленях перед мертвым парнем, в доме с красной дверью, в гостиной, где было еще два тела немецких солдат, закрыв лицо руками, Мэт кричал. Кричал так сильно, как только мог. Он вкладывал в этот крик все свои силы, что у него остались, надеясь умереть от этого.

Мэтью не знал, сколько времени он провел в доме, сидя перед убитым им парнем. Может, всего несколько минут, а может, несколько часов. Он потерялся во времени. Он проплакал и теперь просто сидел без сил и без эмоций.

Крики на улице вернули его к действительности. Он медленно повернул голову в сторону окна. Он слышал английскую речь.

Капитан! Мэт только сейчас вспомнил о капитане. Он быстро встал, но от сидения его ноги затекли, и он чуть не упал. Сохранив равновесие, Мэт направился к выходу из дома. Уже в проходе он остановился и обернулся. Мэтью смотрел на убитого молодого парня со светлыми волосами и красными от крови руками, который сидел с опущенной головой у стены в красной луже. Грусть снова медленно подползала к нему. Глаза начали наполняться слезами.

Странно, подумал Мэт, но почему-то он не испытывал таких же эмоций, глядя на другого солдата, которого он убил из винтовки у окна.

Крики на улице опять вернули Мэта к реальности. Он развернулся и вышел из дома на улицу. Подойдя к колодцу, он сразу видел нескольких солдат не из их отряда, склонившихся над капитаном, лежащим на спине у колодца. Британские солдаты бегали из стороны в сторону и что-то кричали про

подкрепление и санитаров. Но Мэтью их не замечал, он шел к капитану.

Подойдя к ним, он увидел, что капитан лежит без сознания, а его грудь вся в крови.

– Он жив? – спросил Мэт.

– К сожалению, нет. Пуля попала в самое сердце, – ответил санитар.

Мэт стоял, смотрел на мертвого капитана Смита и не мог поверить, что его больше нет. Глаза его были закрыты, а лицо невозмутимо спокойно. Будто он просто уснул на привале и скоро должен проснуться. Настолько все это было нереально, что Мэт стоял, не замечая никого вокруг, кроме уснувшего капитана в окровавленной одежде.

«Да что же это такое? – думал он. – Как такое произошло?» Капитан Смит мертв. Мэту не верилось в это. Он просто не мог принять этого, как-то не складывалось. Будто капитан должен был быть непобедимым и не мог просто умереть от какой-то пули.

– Парень, ты как? – дошел до Мэта чей-то голос. Он огляделся.

– Что?

– Я спрашиваю, ты ранен? На тебе много крови. – Мэт опустил глаза и увидел санитаря, который сидел около тела капитана и снизу вверх глядел на Мэта, осматривая его.

– Э-э-э, нет. Я в порядке, – медленно проговорил Мэтью. – Это не моя кровь.

– Все равно выглядишь ты не очень. Иди вон к тому грузовику, там санитары окажут тебе помощь, – сказал санитар, указывая рукой в сторону грузовика.

Мэт ошарашенно осмотрелся по сторонам. Везде бегали солдаты и стояли грузовики. Кого-то несли на носилках. Подойдя к тому месту, где он прятался вместе с Чарли, он увидел нескольких солдат, собравшихся вокруг чьего-то тела. Стараясь разглядеть, что именно там происходит, он вдруг осознал, что не видит Чарли.

От этой мысли его будто в грудь укололи чем-то острым. Он начал оглядываться по сторонам.

– Чарли! – как можно громче выкрикнул он. – Эй, Чак!

Он ходил по кругу и выкрикивал имя своего друга. Но нигде его не видел.

– Чарли!

Тревога начала окутывать Мэта. Он прогонял от себя мысли о том, что Чарли мог лежать где-то среди убитых. Сейчас он точно должен его где-нибудь заметить! Наверняка он кому-то помогает или еще что-нибудь делает.

Он подошел к бочкам, где они прятались и где толпились теперь солдаты, и его словно молнией пронзило. Метрах в десяти он увидел своего друга на носилках. Его поднимали два санитары. Чарли был в сознании, вся его одежда была в крови. Его куртка была расстегнута, рубашка разорвана. На груди Чарли Мэт заметил много бинтов и каких-то тряпок. Они все были красные от крови.

Мэтью подбежал к санитарам, несущим его друга.

– Чарли! Чак! Ты как, дружище? Что произошло?

Чарли медленно повернул голову в сторону Мэта. Он был бледен и весь мокрый от пота.

– Мэт, – негромко проговорил он с трудом. – Вот и ты. Представляешь, меня все-таки подстрелили. – Он попытался усмехнуться на этих словах, но закашлял и скорчился от боли. Санитары продолжали его нести в сторону грузовиков.

– Он поправится? Его не сильно ранили? – затараторил Мэт, обращаясь к санитарам, несущим носилки.

– Капрал, не мешай. Все вопросы задашь доктору.

– Он мой друг! Скажите мне, что можно сделать?

– Да отвали ты! Мешаешь! – крикнул санитар.

– Эй, Мэт, не переживай ты так, – с трудом проговорил Чарли. – Все будет хорошо. Меня немного подлечат, и я буду дальше прикрывать тебе спину.

– Этого кладите в тот грузовик! – раздался чей-то голос, обращаясь к санитарам. Мэт увидел врача.

– Сэр, я его друг! – сказал Мэтью, указывая рукой на Чарли. – Скажите, что с ним будет?

– Его срочно нужно доставить в лазарет. Он очень плох, потерял много крови, два ранения. Здесь я сделал все, что смог. Необходимой помощи я ему здесь оказать не в состоянии.

– Я могу поехать с ним?

– Если ты не дашь ему заснуть или отключиться, то мо-

жешь. Необходимо, чтобы он был в сознании до приезда в лагерь. Я тогда останусь здесь, помогу остальным. Ты все понял?

– Понял. Не дать ему заснуть.

– Да. Разговаривай с ним. Отвлекай его. Но он должен быть в сознании, когда вы приедете в лазарет.

– Ясно.

– Парень, тебе самому нужна помощь? – спросил врач, оглядывая Мэта с ног до головы.

– Нет, сэр, я в порядке, это не моя кровь.

– Уверен? Бывает, что солдат получает ранение, но из-за повышенного адреналина он не чувствует боли и не понимает, что ему нужна помощь. При некоторых ранениях её необходимо оказывать сразу, иначе может быть поздно.

Мэт осмотрел себя, свои грязные от крови руки и только сейчас понял, что оставил в том доме свою винтовку. Уже в который раз он теряет оружие.

– Я в порядке, сэр.

– Ну, смотри. Ладно, полезай за своим другом в кузов и помни, что я тебе говорил. Не давай ему отключиться. Разговаривай с ним, задавай вопросы, пусть он постоянно говорит и держит глаза открытыми. Дорога до лагеря займет несколько часов, так что ему надо продержаться. Удачи.

– Спасибо! – Мэт залез в крытый брезентом кузов грузовика следом за санитарями, которые затащили носилки с Чарли и положили его вдоль прохода между рядами деревян-

ных скамей по бортам. Заднюю часть брезента распахнули так, чтобы в кузове был свет.

Мэтью сел на пол кузова у того места, где была голова Чарли, и взял его за руку. Тот был слаб, еле сжимал руку Мэта в ответ. Грузовик почти сразу тронулся с места.

– Эй, дружище, ты как? – спросил Мэт.

– Не очень. Все тело болит, дышать тяжело, – с трудом ответил Чарли.

– Держись. Все будет хорошо. Мы уже направляемся в лагерь, там тебя подлечат. Будешь как новенький!

– Ага, мне сейчас это не помешает. Даже не знаю, как так получилось.

– Чак, в этом нет твоей вины. Здесь каждый под угрозой, убить могут кого угодно.

– Это точно. Жалко, что меня теперь отправят домой. Много чего не успел еще сделать. Не увижу конец этой войны. Придется читать газеты и слушать радио. К тому же так и не успел познакомиться ни с одной француженкой.

– Будут у тебя еще француженки. Не переживай, – Мэт улыбнулся.

– Ага. Даже как-то немного обидно.

Чарли скривил лицо от боли.

– За что обидно?

– Обидно, что так и не успел никого подстрелить из врагов. Вроде и был на войне, а никакой пользы стране не принес.

Мэта шокировали эти слова. То, как просто они были сказаны, и то, какой ужасный смысл они несли. Еще несколько дней назад он и сам хотел убивать врагов, но сейчас эти слова прозвучали как-то совсем по-другому. Он увидел беспомощные, умоляющие глаза того парня в доме с красной дверью. То, как он медленно умирал. Он вспомнил капитана Смита, как в момент хлопка капитан немного нелепо пошатнулся и упал, как оказалось, замертво.

Мэт смотрел на раненого, мучавшегося от боли Чарли и думал, что нет никакой доблести и чести в убийстве, пусть даже врага. Глаза Мэта заслезились.

– Чак, не говори так. Хорошо, что ты никого не убил. Твои руки чисты, – а про себя Мэт добавил: «И совесть».

– Да, будет еще война на моем веку, – прохрипел Чарли и закашлял. Он не мог остановиться и кашлял все тяжелее и тяжелее.

Мэт опустился ниже к нему и стал придерживать ему голову.

– Отдышись, друг. Побереги силы.

– Черт, как больно-то, – еле проговорил Чарли. – Дышать трудно.

– Даже не представляю, каково тебе. Но ты настоящий герой, настоящий воин! Целых две пули не смогли тебя убить.

– О да, воин. Скажешь тоже.

– Держись, друг.

– Слушай, Мэт. Хочу попросить тебя кое о чем. Хочу, что-

бы ты кое-что сделал для меня.

– Чак, даже не начинай, – оборвал Мэт.

– Да нет. Мало ли чего. Послушай. Найди моих родителей, если что. Передай им, что я, – Чарли опять раскашлялся, – их очень люблю, – наконец выговорил он.

– Давай лучше после всего этого мы вместе поедem к твоим родителям, и ты меня с ними познакомишь.

– Пообещай мне.

Мэт смотрел на друга мокрыми от слез глазами.

– Обещаю.

– Вот и хорошо.

– А ты не вздумай сдаваться!

– Не дождешься.

Оба рассмеялись.

– Кто теперь тебя прикрывать будет? – спросил Чарли и попытался улыбнуться. Речь его замедлилась, и последние слова он сказал будто пьяный.

– Чак! Не отключайся. Говори со мной! – почти кричал Мэт, все так же поддерживая голову друга.

Глаза Чарли медленно закатывались.

– Чак, ты меня слышишь? Не закрывай глаза!

Но Чарли не реагировал. Мэт, одной рукой поддерживая голову Чарли, второй сжимал его ладонь. Никакой ответной реакции. Чарли обмяк. Голова его стала вдруг сильно тяжелой.

– Чак! Чарли! – кричал Мэтью, рыдая. – Ответь мне!

Он продолжал сжимать его ладонь. Она была мягкой. Раны Чарли на груди начали кровоточить. Белая бинтовая повязка постепенно окрашивалась в красный все больше и больше. Мэт прижал руку к ранам на груди, но кровь не оставалась.

Мэт рыдал, молясь о том, чтобы их грузовик уже подъезжал к лагерю. Но они все ехали и ехали, покачиваясь из стороны в сторону.

Через некоторое время Мэтью убрал руку с груди друга и посмотрел на свою ладонь, та была красная от крови. Мэт уже не плакал, слезы высохли, и глаза немного щипало.

Он приложил палец к шее Чарли, чтобы пощупать пульс. Сердце Мэта забилося от волнения, он не хотел этого делать все время, пока они ехали, так как очень боялся, что ничего не почувствует. Несколько секунд он держал пальцы на шее друга. Отдернув ладонь, он начал активно разминать ее, сжимая и разжимая кулак, думая, что его рука потеряла чувствительность оттого, что затекла. Приложив пальцы еще раз, он затаил дыхание, пытаясь почувствовать пульс.

Лицо Мэта скривилось, он зарыдал. Плакал он без звука. Держа одной рукой голову своего только что умершего друга, вторую он положил ему на грудь, будто согревая. Он чувствовал одиночество. Он остался совсем один на этой войне. В этом мире.

Мэт не знал, как долго они еще были в дороге. Мэт сидел так, держа своего друга, и думал о том, что смерти Чарли,

молодого немца и капитана Смита что-то забрали у него самого. Как будто часть его, часть его души умерла вместе с ними.

Преодолевая поля и луга по холмам, грузовик быстро ехал, поднимая за собой пыль. Вдали на горизонте стало появляться небольшое растянутое темно-серое пятно каменных домов. Над ним сгущались темные грозовые тучи, полностью закрыв солнце. Несмотря на то что и так был вечер, вокруг стало еще темнее. Грузовик приближался к городу. Пошел дождь.

Первые дома окрестностей города были полностью разрушены, оставались только основания с остатками стен и груды камней, перемешанных с деревьями и грязью.

Дорога в городе была значительно лучше, хотя много где были воронки от снарядов. Грузовик сбавил скорость. Пробираясь вглубь города через руины, им чаще попадались целые дома, сначала с выбитыми окнами и следами снарядов на стенах, а потом и вообще почти целые, не тронутые боями дома.

В самом городе на улицах были люди. Несмотря на вечернее время, много людей. Солдаты и гражданские. Кто-то сидел на тротуарах, кто-то шел с вещами вдоль дороги. Было много семей с детьми.

Подъехав к трехэтажному каменному зданию около небольшой площади, грузовик остановился. Это был военный госпиталь. К грузовику подбежали три человека в белых

халатах. Возглавлял их военный врач, остальные двое были из местных жителей – молодые парни, французы.

Заглянув внутрь, врач увидел двух капралов, один без сознания и в крови лежал на руках у другого. На полу было много крови, впитавшейся в деревянный пол кузова грузовика.

Тот, что сидел, посмотрел на врача красными заплаканными глазами. Врач все понял без слов. Не успели. Ему доложили, что прибудет несколько грузовиков с ранеными, которым нужна срочная помощь. Врач залез в кузов.

– Как тебя зовут, капрал?

– Аллистер. Мэтью Аллистер, – устало ответил Мэт, смотря на Чарли, голову которого он все еще держал на руках.

Лицо Чарли теперь было не просто бледное, а буквально белое.

– Аллистер, это был твой друг? – спросил врач, положив руку на шею Чарли, проверяя его пульс. Он проверил бинты на его груди, заглядывая под них.

– Да. Его зовут Чарльз. – Мэт замаялся, вспоминая фамилию Чарли.

– Послушай, мне очень жаль, но он умер. Раны очень серьезные. По правде говоря, мы и здесь мало что могли бы сделать, даже если бы вы приехали сразу. У парнишки не было шансов. Ты сам как? В порядке?

Мэт не ответил на вопрос.

– Эй, парень? Помощь тебе нужна? Ты не ранен?

– Я в порядке, – тихо ответил Мэт.

Врач выглянул на улицу и обратился к двоим парням на французском языке. Те залезли в кузов по одному и принялись аккуратно выносить тело Чарли. Мэт хотел последний раз взглянуть на своего друга перед тем, как они навсегда расстанутся. Он вылез из грузовика следом за французами под дождь. Тело Чарли положили на носилки и понесли в сторону госпиталя.

Мэтью стоял, смотрел на отдаляющегося друга и мысленно прощался с ним.

– Парень, твоя казарма в той стороне в конце улицы, – сказал врач, вылезая из кузова грузовика и указывая направление. – Ты уверен, что тебе самому не нужна помощь?

– Да. Спасибо. Я пойду.

– Береги себя. – Врач похлопал его по плечу и отошел, что-то говоря на французском.

Мэт, постояв на месте еще немного, пытаясь как можно детальнее сохранить в памяти лицо Чарли, медленно побрел в сторону казармы. Ему было очень тоскливо и одиноко. Как будто он совсем один, потерялся в незнакомом и агрессивном месте. Что он здесь делает? Кто все эти люди вокруг него? Куда ему идти?

Мэтью медленно шел по вечернему городу. На улице совсем стемнело, но много где горели огни. В основном догорали полуразрушенные дома, где-то были костры, возле которых грелись солдаты или гражданские, прячась от дождя под

каким-нибудь навесом. В самих домах света не было, кроме тех огней, что были от свечей и керосиновых ламп.

Где-то вдали раздавались раскаты грома. Надвигалась буря. Отовсюду были слышны голоса, по большей части французская речь. Время от времени Мэт слышал детский плач и английские ругательства.

Он видел семьи, которые сидели около своих разрушенных домов, им некуда было идти. Куда им теперь податься? Их дома превратились в руины. Вполне возможно, кто-то из членов их семей похоронен под завалами, может, кто-то еще жив, но у них не было сил кричать о помощи.

Идя сквозь руины и слыша детский плач, Мэтью думал, что это не та война, которую он так хотел. Не та война, которую он себе представлял. Его обманули. Его использовали.

Перед глазами появилось лицо убитого молодого немецкого солдата. Его молящие, широко открытые глаза. Мэт зажмурился в надежде сбросить эти видения. Но это не помогло. В чье бы лицо из проходящих мимо людей он ни посмотрел, он видел лица Чарли и того молодого немца. Мэтью зашнырило. Несмотря на прохладный вечерний воздух и идущий дождь, ему нечем было дышать. Кислая, горькая тошнота подступала изнутри прямо к горлу, его рвало. Тело его дрожало, не от холода – от всего стресса, который он пережил. Будто организм выплевывал остатки накопившихся переживаний. Мэт вытянул перед собой руки ладонями вверх, чтобы набрать немного льющей сверху дождевой воды. Он

вытер себе лицо прохладной водой и глубоко вдохнул. Стало легче. Дождь смыл кровь с его рук.

Немного постояв и отдышавшись, он побрел дальше сквозь израненный и плачущий город.

Казарма располагалась в небольшом двухэтажном каменном здании, которое раньше было школой. Вокруг выстроили ограждение из ящиков и мешков. Около школы в периметре ограждения было еще одно небольшое строение – одноэтажный дом. В нем установили штаб, повесили флаг и расставили часовых.

Подойдя к штабу, Аллистер назвал свое имя вышедшему капралу. Тот сказал подождать и зашел в штаб. Через минуту он появился и пригласил зайти внутрь:

– Капитан Маккормак вас ожидает.

Войдя в небольшое здание – штаб, – Мэт попал в одну просторную комнату, освещенную несколькими керосиновыми лампами. Посередине стоял стол с разложенными картами и чертежами. Карта вся была изрисована синими и красными карандашами. За столом стоял капитан Маккормак – тот самый капитан, который сопровождал их в деревне на задании этим днем. Капитан стоял в расстегнутой рубашке с закатанными рукавами, опершись на один костыль. Под рубашкой он был перевязан бинтами, через которые проступала кровь. За капитаном в углу комнаты за маленьким столом сидел доктор и что-то перекладывал из сумки на стол.

– А-а-а, Аллистер! Проходи, – увидев Мэта, капитан

улыбнулся, но улыбка быстро сошла с лица. – Соболезную. Твой друг.

Он стоял, вцепившись в костыль. Говорил он с трудом, стараясь не показывать, что чувствует боль при каждом движении и произнесенном слове.

– Спасибо, сэр.

– Я вступил в командование вместо капитана Смита. Он погиб сегодня в той деревне. – Он опустил взгляд и о чем-то задумался, уставившись в одну точку. – Бедняга Смит, – проговорил он себе под нос. – Он был хорошим солдатом. Отличным другом.

– Да, сэр.

– Вот же в переделку мы сегодня влипли! – Маккормак повысил голос, обращаясь к Мэту. – Поганый немец сразил его выстрелом в самое сердце прямо перед тем, как наш капрал проник в дом и убил его. Коул, кажется, его фамилия.

Мэт поднял взгляд на капитана. Джордж. Этот ублюдок не успел спасти капитана. Будь он быстрее, капитан, возможно, был бы сейчас жив. Мэт не злился. У него уже не хватало сил на такую эмоцию, как злость. Он просто принял этот факт как есть. Капитан продолжал:

– Перед заданием Смит говорил, что надо проверить, как там твой младший брат. Я сейчас принимаю его работу и дела, так что еще не во всем успел разобраться, но о твоём брате я кое-что разузнал.

Глаза Мэта расширились, сердце забилося.

– Он в отряде под командованием капитана Роджерса. Присядь, капрал. – Маккормак жестом показал Мэту на стул, стоявший перед столом.

Сердце Мэта билось с такой силой, что, казалось, что биеение можно было увидеть со стороны сквозь его куртку. Он сел на стул, не отводя глаз от капитана.

– Что с Колином?

– Колин! Да, точно, Колин, так зовут твоего брата. – Капитан сделал глубокий вдох, потупив глаза. – Поступила информация, что отряд Роджерса попал в засаду.

Сердце Мэта остановилось. Он не дышал. Весь мир сузился и уменьшился до размера этой комнаты. Попал в засаду.

– Пока у нас нет сведений о том, кто выжил. Говорят, им сильно досталось, – капитан сделал паузу, чтобы его слова дошли до Мэта. – Не люблю разводить панику раньше времени, и в другой раз я бы и не сказал тебе этого до того, пока мы точно не узнали бы, но в данных обстоятельствах, учитывая, что Смит придавал этому особое значение, я, наверное, должен был тебе это сказать.

Мэт сидел и слушал капитана, не дыша.

– Что-то еще известно?

– Очень мало. Точно известно, что Роджерса доставили в госпиталь в соседнем городе. Он сильно ранен. Об отряде информации нет. Мы не знаем, погиб ли кто-то и сколько. Как только будет что-то известно, я сразу тебе сообщу. Уверен, с твоим братом все хорошо.

– Спасибо, сэр.

– А пока располагайся в казарме. Попытайся отдохнуть. Завтра нам предстоит перейти реку на другую сторону города и двинуться дальше. Будем гнать этих поганых немцев отсюда!

– Разрешите идти?

– Ступай, парень, – добродушно сказал капитан.

Мэт встал со стула и пошел на выход, смотря перед собой, но видя только лицо Колина. Он пытался вспомнить его черты, цвет глаз. Он испугался, что начал забывать их. Мэтью очень боялся мыслей о том, что его брата уже нет в живых, и старался гнать их прочь. Но ничего не получалось.

Что же это происходит? Колин оказался на фронте именно из-за него. Получается, что именно он – Мэтью – виноват во всем, что произошло с Колином. Он убил его. Убил своего родного брата – человека, которого он любил больше всего на свете. Человека, который не сделал никому ничего плохого. Как же так? Он их всех погубил. Брата, Чарли, молодого немца. Даже в смерти капитана Смита он начал винить себя.

Неожиданно для себя Мэт очутился в зале, где в нескольких рядах были расставлены солдатские койки. Он не помнил, как дошел сюда, настолько он был погружен в свои мысли.

Мэтью пошел вдоль прохода, стараясь найти свободную койку, но почти все были заняты солдатами. Кто-то играл в карты, кто-то курил, были и те, кто спал.

– Мэт! – кто-то крикнул ему. – Иди сюда!

Мэтью увидел рыжую копну Огаста в конце комнаты.

– Мэт! Мы заняли вам с Чарли по койке.

Подойдя ближе, Мэт почувствовал, как его кто-то схватил. Огаст кинулся обнимать его.

– Дружище! Ну наконец-то! Я так рад тебя видеть живым и целым! Как вы? Как Чарли? Где носит этого недотепу? Неужели и вправду воркует сейчас с какой-нибудь француженкой?

Огаст отпустил Мэтью из объятий и, увидев, в каком его друг состоянии, резко замолчал.

Мэт попытался улыбнуться, чтобы выразить радость, но у него ничего не получилось. Лицо его не слушалось. Вместо этого его глаза наполнились слезами. Огаст опустил взгляд. Он все понял.

– Чарли? – спросил он тихо.

В ответ Мэт молча помотал головой. Огаст глубоко вздохнул и положил руку на плечо Мэта.

– Вот черт, – тихо выругался он. – Хорошо, что ты цел, друг.

Мэту хотелось все ему рассказать: и про Чарли, и про немца, с которым они боролись в доме и которого он случайно убил, и про капитана Смита. Но сил у него совсем не было.

Вдруг, почувствовав какое-то знакомое странное чувство, какое-то напряжение, он повернулся в сторону и увидел Джорджа. Тот сидел на своей койке через несколько рядов от них и смотрел прямо Мэту в глаза. Он улыбался. Улыбка бы-

ла настолько жестокой и злорадной, насколько палач может улыбаться своей ненавистной жертве прямо перед казнью.

Огаст отвлек внимание Мэта от Джорджа, что-то рассказывая и предлагая присесть отдохнуть.

Сев на койку, Мэтью только сейчас почувствовал, как сильно он устал за этот долгий день. Тело словно начало растекаться по койке, голова стала тяжелеть, плечи опустились, он ссутулился. Медленно он лег на спину. Сейчас он был готов поклясться, что эта скрипучая солдатская койка – самая удобная во всем мире кровать. Он словно стал с ней одним целым.

Пока Огаст что-то говорил ему, Мэт погрузился в свои мысли, ничего не замечая и не слыша вокруг. Ему по очереди виделись лица Колина, Чарли, капитана Смита и немецкого парня с голубыми глазами. Он прокручивал события последних дней. Во всем, что произошло, он винил себя.

Мэтью вспоминал всех, кого он убил. Отнять жизнь оказалось не так просто. Физически ничего сложного – нажми на курок и все. Но что делать потом, он так и не понял. Особенно когда ты видишь глаза того, кого убиваешь. Когда видишь, как медленно, неумолимо и безвозвратно он теряет свою жизнь. Что делать после этого? Как дальше можно есть пищу, пить воду, смеяться да и вообще дышать воздухом после того, как ты отнял жизнь у другого человека? Неудивительно, что человечество придумало бомбы и винтовки. Все для того, чтобы убивать других людей было легче. Все для

того, чтобы люди не испытывали муки совести. Вроде запустил куда-то бомбу, но не видишь, куда она попала и кого убила, а значит, вроде бы ты никого и не убил, раз не видишь.

Мэт подумал, что если бы все битвы на войнах проходили лицом к лицу между солдатами, как в битве Мэта с молодым немцем, чтобы солдаты видели глаза своего соперника и его лицо при смерти, то в мире стало бы гораздо меньше войн и конфликтов. Ни один нормальный человек впредь не захочет убивать другого такого же человека, чьего-то сына, отца, брата, и при этом смотреть ему в глаза в момент его смерти.

Да, ситуации бывают разные. Да, война. Да, либо ты, либо тебя. Но что-то Мэту не давало покоя, как бы усердно он себя ни успокаивал и ни оправдывал. Чем больше он об этом думал, тем хуже ему становилось на душе. Ему даже физически стало тяжелее, как будто в груди появились огромные камни, тянущие его вниз, прижимающие к койке.

На тех листовках, что он прятал от отца под матрасом, и в учебном лагере ему говорили, что враг – это злой, жестокий монстр, с которым невозможно договориться, который жаждет только крови. Ему рисовали образ врага, который оставляет после себя смерть и разрушения. И все ребята, которые шли на фронт, верили и ждали, что при встрече с врагом на поле боя они увидят разъяренных, жестоких варваров, орущих и вопящих от ярости.

Но Мэт увидел другое. Он не увидел монстров. Он увидел людей. Таких же людей, которые, просыпаясь утром, так же,

как и он, не хотели умирать сегодня. Конечно, они враги, они тоже стреляют и убивают. Но это люди, которые получили приказ. Вряд ли, думал Мэт, они – солдаты той стороны – в одночасье все добровольно решили, что сегодня им надо поубивать ни в чем не повинных людей. Вряд ли они сами придумали захватить соседние страны. Они, как и он сам, получают приказы и действуют, выполняя задание.

Те, кто развязывает эти войны, кто дает солдатам цель и говорит, что делать, сидят сейчас в своих теплых кабинетах, пьют бренди и едят вкусную свежую еду. Они в безопасности, им ничто не угрожает. На них не падают бомбы.

Мэта злило, что на этой войне он не увидел тех монстров, которых ему так описывали и которых ему обещали. Его злило, что он убивает пусть и врагов, пусть плохих людей, но все же людей. Таких же, как и он сам, как Чарли, как Колин, как его родители.

Чем, по сути, сам Мэт теперь отличается от этого монстра, который оставляет после себя смерть? Теперь он сам стал тем монстром.

Он винил себя в том, что безоговорочно верил всему тому, что видел на листовках и в газетах, что не ставил под сомнение все это. Он так сильно спорил с отцом, который, оказывается, просто хотел уберечь его от всего этого кошмара, что не мог даже допустить и мысли о том, что отец может оказаться прав. Кроме этого, он еще и младшего брата втянул во все это. Он оказался соучастником и пособником

этого ужаса.

Обвиняя себя и мысленно прося прощения у всех тех, кого он убил и кто погиб по его вине, незаметно для самого себя Мэт заснул.

Мэтью видел глаза. Голубые глаза молодого немецкого парня, который испуганно смотрел на него. Мэт сидел на коленях и держал за руки немца, прижимая их к его животу. Сквозь их пальцы не переставая сочилась кровь.

Мэт сильнее прижимал ладони парня к ране, но чем сильнее он прижимал их, тем сильнее текла кровь. Немец ничего не говорил, только тяжело дышал и умоляюще смотрел на Мэта, как бы прося о чем-то.

– Нет, нет, нет! – кричал Мэт от страха.

Он не знал, как ему помочь. Если расцепить руки, то он изойдет кровью и точно умрет. Поэтому ни в коем случае нельзя убирать руки с раны.

– Я не хотел убивать тебя! Слышишь? Ты слышишь меня? Я не хотел убивать тебя!

Но парень никак не реагировал. Он продолжал смотреть на него.

– Я сейчас что-нибудь придумаю! Я тебя спасу! – кричал Мэт, не понимая, что ему сейчас делать.

Он не может отпустить его, иначе он истечет кровью и умрет, но и оставаться так тоже нельзя, нужно что-то делать. Драгоценное время уходит, а он еще не придумал, что ему делать. Как спасти этого парня.

От безысходности и страха Мэт начал паниковать. Что же

делать?

– Это ты виноват! – вдруг громом раздалось за спиной Мэтью, так что он вздрогнул.

Он быстро повернулся. Никого. По шее и спине побежал холодок. Голос был прямо за его спиной, он даже почувствовал дуновение.

– Эй! – крикнул Мэт, не переставал сжимать рук умирающего немца. – Помогите! Слышите? Помогите! Нужна помощь!

Но никакого ответа он не услышал. Только ритмичное тяжелое дыхание парня.

– Это все твоя вина! – опять громом раздалось за спиной. Голос был знаком Мэту, но он никак не мог сообразить, где его слышал.

– Да кто это?! Эй, помогите мне! Нужна помощь! – кричал Мэт.

Он крутил головой, чтобы увидеть того, кто говорил с ним, но никого не видел.

Да что же это творится?! Немец задергался и закашлял. Кровь брызгала из его рта при каждом кашле, пачкая его самого и Мэтью.

– Нет! Я спасу тебя! Стой! Слышишь?! Я не дам тебе умереть! – кричал он, сильнее сжимая руки.

– Никогда тебе этого не прощу! – опять громом сотрясло комнату. На этот раз Мэт понял, чей это голос. Он давно не слышал его и уже начал забывать, поэтому не сразу вспом-

нил, кто это. Это был голос его отца.

Он оглянулся еще раз. Это был не тот дом с красной дверью во французской деревне. Нет. Это было другое, очень знакомое Мэту место. Гостиная его дома, где он жил.

– Пап! Помоги! На помощь! – кричал Мэт, мотая головой, стараясь увидеть хоть кого-нибудь. – Принеси аптечку! Вызови доктора! Пожалуйста! Тут человек умирает! Пожалуйста, помоги!

Но ответа не было. Мэт продолжал оглядываться, чувствуя кровь, струящуюся сквозь пальцы.

– Мэт, помоги, – раздался хрипящий шепот, от которого Мэту стало страшнее, чем от крика отца. – Помоги мне.

Он повернулся к немцу, и его сковал ужас. На месте парня, руки которого сжимал Мэт, был Колин. У него текла кровь изо рта и раны.

– Колин! – Мэт не мог поверить своим глазам. – Колин, нет!

– Мэт, помоги мне. Пожалуйста.

Глаза Колина были в слезах. Мэта охватила паника.

– Господи! Колин, держись!

– Пожалуйста... – прохрипел Колин.

– Отец! Отец! – кричал Мэт. – Пожалуйста, помоги! Колину нужна помощь! Прошу тебя, отец. Помоги!

– Это ты виноват! Это все твоя вина! Никогда тебе этого не прощу! – громом разносилось по комнате. Вся гостиная затряслась, как при землетрясении. Колин забился в кон-

вильсиях, густая красная кровь потекла из его рта сильнее, его всего трясло, как вдруг голова Колина упала на грудь. Кровь заливала его форму.

– Нет! Колин! Нет! – кричал Мэт. – Колин, нет! Пожалуйста!

Мэт кричал что есть силы, смотря на свои окровавленные руки, надрывая связки. Как вдруг он открыл глаза.

– Да какого черта?! Дайте поспать наконец! – раздавались со всех сторон недовольные заспанные голоса.

Сердце Мэта билось, словно хотело вырваться из груди. Ему нечем было дышать.

Выйдя из казармы на свежий воздух, Мэт остановился и глубоко дышал прохладной ночной свежестью. Он жадно вдыхал бодрящий воздух, пытаясь прийти в себя и отогнать этот кошмар. Дождя уже не было.

На улице стояла тишина. Мэт начал дрожать. Он посмотрел на свои трясущиеся руки. Чистые, крови нет. Еще раз глубоко вздохнув, он осмотрелся. Никого не было. Часовые вдалеке о чем-то негромко переговаривались.

Поежившись, он решил пройтись немного, чтобы окончательно развеяться. Все эти мысли сведут его с ума и погубят быстрее, чем вражеская пуля, думал он. Надо взять себя в руки и не раскисать. Сейчас самое главное – делать все, зависящее от него самого. Не давать переживаниям взять контроль над ним.

Мэтью увереннее зашагал по ночной прохладе. Заметив какое-то движение около штаба, он присмотрелся повнимательнее. Капрал – помощник капитана Маккормака – вышел из дома и направился в сторону казармы. Мэт остановился, наблюдая за быстро шедшим мимо него адъютантом.

Проходя мимо стоявшего неподвижно Мэта, капрал, заметив его, подпрыгнул от неожиданности.

– Господи Боже! – воскликнул молодой солдат.

– Прошу прощения, – смутился Мэт. – Не хотел напугать

вас.

– Это моя вина, не смотрю по сторонам. Аллистер? Я прав?

– Так точно.

– Как раз вас я и ищу. Вас и еще одного капрала по фамилии... – Капрал залез рукой в карман брюк и достал небольшой листок. – И капрала Коула. Знаете такого?

– К сожалению, да, – пробормотал Мэт.

– Простите?

– Знаю, но не знаю, где он сейчас находится.

– Ничего, поищу в казарме.

– Простите, а по какому поводу меня разыскивают?

– Капитан Маккормак вызывает вас двоих, он лично хочет все прояснить.

– Нас двоих? Но зачем?

– Не могу сказать.

«Может, это по поводу того полицейского запроса, о котором говорил капитан Смит?»

– Капитан ожидает вас у себя. А я сейчас пойду за капралом Коулом.

Мэт кивнул и направился в сторону штаба.

Постучав, он открыл дверь и вошел внутрь. Капитан Маккормак сидел за столом, все так же в расстегнутой рубашке, но с уже обновленной повязкой. Доктора Мэт не заметил.

– Аллистер! Проходи.

– Слушаюсь, сэр.

Капитан обратил внимание на то, как Мэт рассматривает его раны и повязки.

– Поганые немцы застали меня врасплох. Больше такого не повторится, – капитан хитро улыбнулся. – А теперь поганые доктора хотят сбагрить меня в госпиталь. Но сейчас этого никак нельзя допустить. Мы почти закончили эту войну. Сейчас не время отдыхать, нужно собрать все оставшиеся силы и ударить по врагу!

Он стукнул кулаком по столу.

– Конечно, потом еще много что предстоит сделать, но отдыхать сейчас точно не время.

– Понимаю, сэр.

– Именно поэтому я вызвал тебя и капрала Коула.

Он посмотрел за спину Мэтью. Как раз вошли его помощник и Джордж. Коул был заспан, не понимал, что происходит и зачем его привели. Смотрел на всех подозрительным взглядом.

– Итак! – начал капитан. – Капралы, я позвал вас двоих, потому что есть одно очень важное дело.

Мэт взглянул на Джорджа. Тот весь напрягся, переступая с ноги на ногу.

– Этот городишко разделен на две части небольшой рекой. Мы с вами находимся на одной его части, вот здесь, – он указал на карту города, лежавшую на столе. – Другая часть города покинута жителями и заброшена. Завтра нам предстоит пересечь реку и выдвинуться дальше на восток. К на-

шему счастью, немцы успели разрушить не все мосты, соединяющие обе стороны. Один все-таки остался. Вот по нему мы и перейдем реку и пройдем через город дальше.

Капитан сделал паузу, осматривая карту.

– Наша разведка доложила, что немцев в той части города нет. Но мы не можем рисковать, потому как завтрашний день действительно очень важен. Так что перед тем как выдвигаться, мы должны быть уверены, что поганые немцы не оставили нам никаких сюрпризов на той стороне.

Капитан ткнул пальцем в карту.

– На том берегу находится колокольня. По всей видимости, самое высокое строение в городе. Очень удобная позиция, чтобы отследить какое-нибудь активное.

Он посмотрел на капралов.

– Итак! Ваша задача – тихо перебраться на другую сторону. Незаметно добраться до колокольни, осмотреть там все, если все чисто, занять позицию на самом верху, к утру, если все спокойно, вернуться в лагерь и доложить командованию. Если же заметите какое-то движение или странную активность, то один из вас останется в башне для слежки. Другой же вернется тайком в лагерь и доложит обстановку.

Мэт переглянулся с Джорджем. Тот злобно ухмыльнулся, скривив лицо.

– У меня полно ребят, которые могут справиться с этим заданием, но только вам двоим я могу полностью доверять. Ваши капитаны были хорошего мнения о каждом из вас, а

я лично видел вас двоих в деле и готов поручиться за вас. Поэтому мой выбор очевиден. Отправляйтесь вдвоем через пятнадцать минут. Мой помощник отведет вас на склад, где вы возьмете все, что вам надо, – он кивком указал на молодого капрала. – Вопросы?

– Нет, сэр! – выпалил Джордж.

– Вот и отлично! Это я и хотел услышать, парни! Свободны!

Выйдя из штаба, они молча пошли вслед за молодым солдатом в сторону склада. Друг другу они не сказали ни слова. Джордж уверенно шел на пару шагов впереди.

«Значит, капитан Смит не успел ничего рассказать Маккормаку про полицейский запрос», – думал Мэтью. Командование не знает, что Джордж – беглый преступник. Никто этого не знает, кроме Мэта. Что же теперь делать? Может, стоит под каким-нибудь предлогом вернуться к капитану и рассказать все, что ему известно, и все, о чем они договорились с капитаном Смитом? Но как теперь это сделать? Джордж не оставит его, да и вряд ли Маккормак просто так поверит в такую историю, особенно после похвалы заслуг Джорджа.

Мэт чувствовал свое бессилие. Раньше его это разозлило бы, и он бы точно не проигнорировал бы ситуацию, но сейчас, после всего того, что он пережил, у него просто не было сил злиться и желания что-нибудь предпринимать.

«Как же все-таки везет этому преступнику, этому подон-

ку Джорджу!» – удивлялся про себя Мэт. Сначала он успел перепрятать награбленное, потом едва не выдал себя, когда рассказал одному капралу, которого позже нашли повешенным. Теперь вот полицейский запрос, о котором никто не знает, кроме Мэта. Будто какие-то силы помогают Джорджу выходить сухим из таких ситуаций. Мэтью повертел головой.

Сначала его шокировало и испугало то, что их двоих отправили на одно задание. Хотя неудивительно. Сам Мэт показал себя хорошим стрелком, а слава Джорджа, как смелого и кровожадного воина, шла впереди него. Мэт не знал, чего именно ожидать от такого, как Джордж. Все-таки он преступник и мог выкинуть любой фокус. Нужно быть наготове. «Будь что будет», – думал Мэт.

На складе их ждало обмундирование, оружие, патроны. Они взяли себе то, что посчитали нужным. Каждый по винтовке с патронами, Джордж взял пистолет, а Мэт прицепил к поясу нож.

Мэт посматривал на Джорджа, пока они собирались. Тот двигался быстро и уверенно. Мэт вспомнил, с каким удовольствием Джордж слушал инструктаж капитана Маккормака. Ему наверняка льстило то, что его заслуги не остались незамеченными. Вполне возможно, Джордж радовался, что наконец-то смог применить свои ужасные навыки на практике, да еще и там, где за них его будут хвалить.

Собираясь, они не сказали друг другу ни слова. Джордж всего один раз взглянул на Мэта и ухмыльнулся ему своей

звериной улыбкой, не сулящей ничего хорошего.

Мэт решил, что будет действовать по обстоятельствам. Ему уже было все равно, что с ним случится.

Выйдя из лагеря, Мэтью и Джордж пошли через заброшенный полуразрушенный ночной город в сторону реки. Было полнолуние, и белый холодный свет луны хорошо освещал мрачные пустые улицы.

Джордж шел впереди быстрым шагом. Мэт специально отстал и шагал немного позади. Если в штабе и на складе Мэт не чувствовал ничего, то сейчас он боялся. Не задания, не того, что они могут встретить немцев и, возможно, будет бой. Это все уже не имело абсолютно никакого значения для него. Он боялся Джорджа. Тот был хладнокровно спокоен и уверен. Мэт прекрасно понимал, что после всего того, что было, Джордж не упустит шанса убить Мэтью. Он гадал, в какой именно момент Джордж нападет на него. Сразу за мостом, в церкви или где-нибудь еще? И каким именно будет нападение – удар ножом, выстрел в спину? Он столкнет его с колокольни или задушит? Может, он захочет поиздеваться над ним, перед тем как убить? Уверен Мэт был только в одном: в честном поединке у него не будет и шанса против здоровяка Джорджа, который физически был значительно крупнее и сильнее его и к тому же уже хладнокровно убивал еще до призыва в армию, а здесь он только отточил свои навыки.

Сейчас Мэтью смотрел на Джорджа не как на сослуживца или военного. Он смотрел на него как на закоренелого пре-

ступника, который чувствовал в Мэте заклятого врага. Мэт смотрел на идущего впереди Джорджа и думал о том, что тот, как палач, ведет его на казнь. Скорее всего, Джордж представлял себе сейчас то же самое. От этих мыслей у Мэтью задрожали руки, а ноги стали будто ватные и подкашивались. Его затошнило. «Так, – сказал он себе, – успокойся». Он сделал глубокий вдох и сильнее сжал винтовку так, что его пальцы побелели. Нужно быть начеку.

Так они прошли с десятков пустых кварталов, пока не вышли к мосту из каменной кладки. Джордж остановился перед мостом, дожидаясь Мэта. Когда они поравнялись, он молча указал на возвышающуюся вдали над крышами города башню колокольни с крестом на самом верху. До нее было не меньше двух километров. Джордж посмотрел на Мэта.

– Наша цель, – негромко проговорил он. – За мостом движемся тихо, я иду впереди, ты прикрываешь. Смотри по крышам и не зевай. Не хватало, чтоб нас из-за тебя застали расплох какие-то недобитые немцы.

– Понял, – ответил Мэт.

Джордж пошел вперед, подняв винтовку перед собой, аккуратно ступая, стараясь не издавать лишних звуков. Все его движения и походка походили на движения какого-то хищного зверя, который крадет за своей жертвой перед тем, как напасть. Вот только жертва его шла позади него и прикрывала его тыл.

Мэт ощущал звериную натуру Джорджа, его животную тя-

гу к насилию и разрушению. Война оказалась для него идеальной средой обитания, в которой он мог не скрывать монстра, сидящего внутри.

Война вообще любила таких людей, они были ей нужны. Было очевидно, что Джордж любит насилие и любит убивать. И война с удовольствием предоставляла ему все необходимое для этого: и снаряжение, и оружие, и даже жертв. Ему было абсолютно плевать на причины войны, плевать на то, кто с кем воюет и за что именно, на флаги, на политику и на религию. Скорее всего, он даже не хотел подниматься по карьерной лестнице и получать высокие звания, так как это отдалило бы его от полей сражений, где он вдоволь кормил своего внутреннего, вечно голодного до крови зверя.

Все, что ему и таким, как он, было нужно, – это оружие в руках и приказ убивать врагов. И больше ничего. А больше ничего он и не умел, и не хотел. До фронта Джордж был уголовником, отбросом общества, которого это самое общество с радостью видело бы на виселице или за решеткой. Но здесь, на фронте Джордж был солдатом, настоящим героем, который принесет победу своей стране, безжалостно убивая других людей. Джордж был самым воплощением войны. Безжалостный, жестокий и беспринципный. Он сметал все на своем пути, оставляя после себя смерть и разрушение.

Мэт не мог отрицать очевидную мысль, что такие люди нужны армии, а следовательно, и стране. Иногда для блага общества необходимо делать вещи, на которые многие люди

не согласятся, делать такие вещи, на которые многие и не способны. Делать страшные вещи, чтобы люди в своей стране спокойно жили и растили детей. Такие люди, как Джордж, как раз то, что надо для таких дел. «Такие люди... – думал Мэтью, – но не Джордж. Его место в тюрьме, и никак иначе».

До фронта Джордж никогда бы не устроился на хорошую работу, а на той, которую смог бы найти, он вкалывал бы круглые сутки, чтобы только заработать на хлеб, лишь бы не умереть от голода. Но в армии страна платила ему столько, сколько в Англии люди зарабатывают на престижных работах, предварительно потратив несколько лет на получение образования. Страна одевала Джорджа, хорошо кормила его, следила, чтобы он не заболел. В армии ему даже не на что было тратить деньги, все, что ему было необходимо, и даже больше, он получал бесплатно. Мэт с интересом подметил, что, будучи на родине, Джордж грабил людей, а сейчас, когда он на фронте, те люди сами платили Джорджу, оплачивая налоги, чтобы он воевал за них.

Безусловно, армия и эта чертова война – лучшее, что случилось с Джорджем. И Мэт прекрасно понимал, что Джордж не собирается просто так с этим расставаться и отправляться в тюрьму, что он сделает все возможное, чтобы выжить и остаться в этой новой среде обитания, в которой он чувствует себя как рыба в воде.

Мэт шел следом, подняв винтовку и всматриваясь в каждый темный закоулок, еле освещенный лунным светом. Он

старался не упустить из поля зрения Джорджа, который шел шагах в двадцати впереди, при этом поглядывал на крыши и в разбитые окна заброшенных домов, пытаясь уловить какое-нибудь движение. Стояла такая тишина, что единственным, что слышал Мэтью, было его дыхание и стук собственного сердца, которое готово было вырваться из груди от напряжения.

По пути они никого не встретили. Не было ни одного намека, что здесь кто-то обитает или даже прячется. Эта часть города будто вымерла. Такая атмосфера еще больше пугала Мэта. Он попытался представить, как по этим улицам когда-то ходили люди, играли дети, может быть, где-то звучала музыка, в окнах горел свет, кто-то ругался, а кто-то смеялся. За каждым окном была своя отдельная жизнь, отдельная неповторимая история со своими страстями и радостями. Но сейчас он видел умерший город с пустыми полуразрушенными домами, которые только отдаленно напоминали о былой жизни. Война разрушила все это, стерла все истории и страсти, оставив после себя только разруху, страдания и пустоту.

Эти люди ни в чем не были виноваты, по крайней мере, не настолько, чтобы испытать подобный кошмар. Какой в этом всем смысл, если страдают обычные, ни в чем не повинные люди? Люди, которые тут жили, старались прокормить свои семьи, вырастить детей и просто быть счастливыми. Они не хотели отбирать дома у людей из соседней страны и тем более не хотели двигать границы государств. Этого хотели дру-

гие, те, кто развязал эту войну и все войны до этой.

Сейчас Мэт отчетливо это понимал, он видел изнанку войны, то, о чем не пишут в газетах и призывных листовках. Там не пишут о диких страданиях и невосполнимых потерях, об оторванных руках и ногах, о плачущих маленьких детях, родителей которых убило взрывом бомб, там всего этого нет. Вместо этого там красиво написанные призывы и слоганы, взывающие к патриотизму и чувству долга людей.

Мэт смотрел на заброшенный ночной город и не мог поверить, что совсем недавно он хотел оказаться здесь, на этой войне. Он даже не смог сейчас вспомнить, о чем тогда думал и что представлял себе, когда сбегал из дома и записывался в добровольцы. Все пережитое и увиденное за последнее время стерло его память. Он вспоминал себя прежнего и видел совершенно другого человека. Все пережитые им события так сильно повлияли на него, что сейчас он не верил, что когда-то мог поддерживать политику войны и даже и желать ее. Ему стало так стыдно за себя прежнего, что он готов был провалиться сквозь землю.

Война – это ад. И больше во всем этом он не собирался принимать участие. Он не будет способствовать распространению страданий и смертей. Не будет убивать. Больше не будет. Если переживет сегодняшнюю ночь.

Башня колокольни была все ближе и ближе, когда наконец, пробираясь через узкие улочки, они вышли на небольшую площадь, на которой стояла старая каменная церковь.

Они остановились за углом здания, аккуратно выглядывая, чтобы осмотреться.

– Вот наша цель, – шепотом сказал Джордж. – План такой: я проберусь через площадь к церкви. Если в башне или где-то на крыше засел снайпер, то он начнет в меня палить, тут-то ты его и подстрелишь. Если все спокойно, я подам тебе знак, и ты побежишь к церкви. Все понял?

– Ты приманка? – спросил Мэт. Он не поверил, что Джордж, рискуя жизнью, пойдет первым.

– Ты вроде как лучше стреляешь, поэтому будешь меня прикрывать, – спокойно ответил Джордж. – И смотри в оба, я не собираюсь ловить пулю из-за твоей невнимательности.

Мэт был обескуражен. Он думал, что именно его Джордж пошлет подставляться под пули. Неужели в нем все-таки проснулось что-то человеческое? Или это был холодный расчет, ведь Мэтью действительно стрелял лучше многих и именно этим хотел воспользоваться Джордж, чтобы спасти свою шкуру?

– Так ты все понял или нет? – буркнул Джордж.

– Все понял, – ответил Мэт. – Можешь на меня рассчитывать.

– Увидим.

Джордж еще раз выглянул из-за угла и осмотрел крыши домов, освещенных лунным светом. Мэт поднял винтовку и, целясь в ту же сторону, тихо сказал:

– Я готов.

Джордж, согнувшись, побежал через площадь в сторону церкви. Никакого движения Мэт не заметил. Добежав до места, Джордж прижался спиной к стене и рукой помахал Мэту, давая знак, чтобы тот бежал к нему. Мэтью пригнулся и быстро побежал через площадь, видя, как Джордж целится по крышам. Добежав до церкви, он тихо подкрался к Джорджу, переводя дыхание.

– Вроде тихо, – прошептал Джордж, осматривая крыши. – В церкви не шуми. Быстро осматриваем все внутри и поднимаемся в башню.

Главный вход в церковь был открыт. Тихо ступая, они прошли через высокие открытые деревянные двери и оказались в большом темном зале. Лунный свет пробивался через выбитые окна и разбитые цветные витражи, немного освещая пространство, но его все равно было недостаточно, чтобы разглядеть что-то в противоположной стороне зала. Скамейки, обычно расставленные ровными рядами, сейчас были навалены в небольшие горки вместе с какими-то камнями и мусором, скорее всего, здесь было что-то вроде лагеря для пострадавших. Всюду на полу были разбросаны вещи, одеяла, чемоданы и кое-какая одежда. Проходя через зал, они осматривали все это, аккуратно ступая, смотря под ноги, стараясь ничего не задеть. Все было в пыли.

В дальнем конце зала прямо под большим распятием стоял алтарь. Медленно и аккуратно, стараясь не издавать звуков, они дошли до него, осмотрелись, справа от алтаря была

приоткрытая массивная деревянная дверь.

– Скорее всего, ведет на второй этаж и там в башню, – шепотом сказал Мэт.

– Проверим, – отозвался Джордж, идя в направлении двери и держа винтовку наготове.

Он приоткрыл дверь и заглянул внутрь.

– Ни черта не видно, доставай фонарик, – сказал он Мэту, вынимая свой. – Я пойду первый.

Джордж скрылся в темноте за дверью. Мэт достал фонарь и, включив его, последовал за ним. За дверью оказалась узкая каменная винтовая лестница, ведущая наверх. Мэт светил перед собой фонариком, медленно поднимаясь по ступенькам. Подъем был очень крутым. «Двоим тут точно не разойтись», – подумал Мэт. Поднимаясь, он чувствовал сырость каменных стен.

Выйдя из коридора, он попал в большую комнату, похожую на кабинет. Тут тоже был бардак и все разбросано, вся мебель перевернута. На полу лежали бумаги, книги и какие-то вещи. Он осветил помещение, Джорджа в комнате не было. В конце комнаты была деревянная вертикальная лестница, ведущая в башню. Должно быть, Джордж поднялся по ней. Мэтью подошел к лестнице и фонарем осветил вверх. Ничего не видно. Он попытался прислушаться, но стояла гробовая тишина. «Ладно, – подумал он, пряча фонарь и убирая винтовку за спину, – проверим, что там». Он полез наверх, деревянная лестница скрипела под его ногами.

«Главное – не сломать лестницу, это, кажется, единственный путь в башню», – думал он, карабкаясь. Так в полной темноте он поднялся метров на десять по узкому пыльному тоннелю вверх, пока не уперся в деревянный люк. Обхватив лестницу одной рукой, второй он открыл люк, тот легко поддался и со скрипом открылся.

Даже учитывая, что на улице стояла ночь, Мэт немного прищурил глаза от лунного света, освещающего все вокруг. Он очутился на самом верху башни, под крышей которой висел достаточно большой колокол. Вся площадка на башне была не больше четырех квадратных метров. Только выпрямившись, Мэт ощутил внушительные габариты колокола, который занимал большую часть пространства. Помещение не имело стен, только парапет, доходивший Мэту до пояса, и колонны по углам, на которых держалась крыша с колоколом. «Странно», – подумал Мэт, не увидев Джорджа. «Должно быть, он все-таки остался внизу и осматривает церковь», – подумал Мэт.

Он вдохнул свежий ночной воздух и огляделся. Перед ним простирались крыши домов городка, а за ними поля и леса. Башня колокольни, на которой он сейчас стоял, действительно была самой высокой точкой в городе, а значит, очень выгодным стратегическим местом. Все улицы, конечно, не просматриваются, особенно ночью, но свет от фонариков разглядеть было можно.

Глаза Мэтью только начали привыкать к темноте. Всмат-

риваясь в улицы города, когда он подпрыгнул от резкого звука.

– Кажется, все тихо, – после долгой тишины эти слова прозвучали как выстрел.

Мэт резко обернулся и прижался спиной к парапету. Джордж сидел в дальнем углу ниже уровня парапета в темноте, поэтому-то Мэт его не заметил.

– Черт, ты меня напугал! – переводя дыхание, выдохнул Мэт. – Я думал, ты внизу проверяешь помещения.

– Там никого нет, – спокойно ответил Джордж.

Теперь Мэт мог его разглядеть. Тот достал сигарету, чиркнул спичкой о пол и закурил. Его страшное лицо на миг осветилось огнем. Сердце Мэта бешено билось, он не мог прийти в себя от испуга. Он присел на пол, оперевшись спиной на парапет, напротив Джорджа. Его руки дрожали.

– Ты бы не курил сейчас, – дрожащим голосом проговорил Мэт. – Такая темная ночь, нас легко заметить.

Он молча отругал себя за свой голос, который предательски выдавал его страх. У него пересохло во рту. В ответ Джордж выпустил кольцо дыма. Мэт чувствовал, как тот в темноте пристально на него смотрит, словно зверь в засаде, высматривающий свою добычу.

– Успокойся, – медленно проговорил Джордж, затягиваясь сигаретой. – Здесь нам паника не нужна. тона спокойствия Мэта всего бросило в дрожь. Он не знал, что сказать. Джордж продолжал, не торопясь, курить, пристально смотря

на Мэта.

«О чем он сейчас думает? Скорее всего, представляет, как будет меня убивать, – думал он. – Надо быть начеку. От него можно ожидать чего угодно и в любой момент. А что если напасть первым? Ну уж нет», – он сразу отбросил эту идею. Во-первых, если нападать, то нужно бить наверняка или стрелять, Джордж не из тех, кто даст второй шанс. А если что-то пойдет не так, то Мэту тогда точно несдобровать. В таком случае придется стрелять в спину, чтоб наверняка сразить его. Но Мэт понимал: он не такой человек, чтобы бить в спину. Даже в такой ситуации. Даже Джорджа. Он просто не сможет это сделать, это и было во-вторых.

Придется действовать по ситуации. Главное – продержаться до утра, до прихода войск. Мэт глубоко вздохнул. Трезвая оценка ситуации, даже такой безвыходной, успокоила его и придала немного уверенности.

– Я буду отсюда наблюдать за городом, – как можно увереннее сказал Мэт, вставая на ноги. – Если кого-то увижу, дам тебе сигнал. – Он достал бинокль из чехла на ремне.

– Как скажешь, – проговорил Джордж, погасив бычок сигареты о пол. Он встал и подошел к люку. – Я пойду еще раз все осмотрю внизу.

– Хорошо. – Мэт поднял бинокль и начал смотреть сквозь него на темно-серый город, залитый лунным светом.

Он услышал, как открывается люк, и Джордж, кряхтя, начал спускаться по лестнице.

Город был пуст. Единственным движением было движение летящих по ветру бумаг и каких-то листовок. Мэт осматривал улицу за улицей так далеко, куда мог взглядеться.

Чувство тревоги не покидало его. Джордж точно что-то задумал, таким спокойным Мэт его не видел. Но что? Может, прямо сейчас он внизу подпиливает деревянную лестницу, чтобы Мэт упал и сломал себе шею, или делает растяжку с гранатой среди разбросанных вещей, чтобы подстроить все как несчастный случай. От этих мыслей холодный страх начал шевелиться в груди. Или это ветер обдувает его? Он не мог сосредоточиться на своих ощущениях. Мысли крутились в голове.

Может, надо поговорить с ним? Как нормальные цивилизованные люди. Раз и навсегда решить все вопросы. А что? Неплохая мысль. Понятно, что у Джорджа есть, скажем так, претензии, но, вероятно, Мэт сможет вразумить его. Может, предложить ему денег? Джордж ведь был преступником, и все, что он делал, было из-за денег, наверняка они ему нужны. Господи, какие деньги? Мэтью помотал головой. «Может, ты его еще в ресторан сводишь?!» – разозлился он на себя. При этом он чувствовал, что правильное решение где-то совсем рядом. Да, надо поговорить с ним. Он ничего не теряет, а так хотя бы станет ясно, в каком направлении все дальше будет развиваться. Как говорил его отец, если что-то должно неизбежно произойти, то иногда лучшее решение – ускорить это.

Он потерял счет времени, не засек, сколько уже так стоял в башне, смотря в бинокль и рассуждая сам с собой. Десять минут? Двадцать? Да, где-то двадцать минут, может, дольше. Этого времени вполне хватило бы, чтобы осмотреть все внизу и вернуться. Странно, что Джорджа еще нет. Наверное, следует спуститься и посмотреть, что там, может, он что-то нашел.

Мэт опустил бинокль и уже начал убирать его в чехол, как вдруг все его тело пронзил холодный ужас. Винтовка. Ее не было. Он осмотрелся. Когда в последний раз он держал ее в руках? Внизу в холле, затем в узком коридоре. А дальше? Поднимался по деревянной лестнице с ней или без нее? С ней, точно, с ней. Он обошел башню вокруг, всматриваясь в темные углы, может, она упала на пол и ее просто не видно в темноте? Но нет, винтовки действительно нигде не было. Мог Джордж прихватить ее с собой, когда спускался? Мэт смотрел на закрытый люк, по его спине и шее пробежал холод. Он знал ответ на этот вопрос.

Кроме ножа, никакого оружия у Мэта больше не было. Джордж все продумал, он понимает, что с оружием у Мэтью больше шансов против него.

– Вот черт! – в голос выругался Мэт.

И что теперь делать? Ждать здесь. Но сколько? До утра. Можно остаться и продолжать наблюдение. Джордж явно устроил засаду внизу и только и ждет, когда Мэт спустится, чтобы подстрелить его. Ну уж нет. Он не окажет ему та-

кой услуги. Если Джордж хочет сразиться, пусть поднимается сюда и дерется как мужчина, а не прячется в темноте как трус.

Мэт расправил плечи. Он проверил, на месте ли нож, тот был на поясе. Отлично, хоть он и не очень хорошо владел им, но это лучше, чем ничего. Может, стоит как-то закрыть этот люк, забаррикадировать его? Но в башне ничего не было. Замок в люке тоже отсутствовал.

Мэтью приблизился к люку, чтобы осмотреть его, как вдруг тот резко дернулся. Мэт от неожиданности отпрыгнул назад. Люк дернулся еще раз и открылся. Голова Джорджа показалась из темноты.

– Чего? – буркнул он, поднимаясь. – У тебя такой вид, будто ты обосрался.

– Я в порядке, – как можно увереннее сказал Мэт. – Как внизу обстановка?

Он быстро полез доставать бинокль, чтобы не казаться напуганным или слишком подозрительным.

– Все спокойно. А у тебя? Заметил что-нибудь?

– Ничего, – быстро ответил Мэт, поворачиваясь к городу и обратив внимание, что Джордж был без своей винтовки.

– Ты случайно не брал мою винтовку, когда спускался вниз? – как бы между делом спросил Мэтью.

– Я? Нет, а что? Ты ее где-то потерял? – удивленно спросил Джордж.

– Скорее всего, оставил внизу, – деловито ответил Мэт.

– Надо быть внимательнее к своему оружию, – поучительно сказал Джордж. – А вдруг ты ее действительно потерял? Как ты дальше собираешься воевать без своего оружия?

– Я уверен, что она внизу, – ответил Мэт, не поворачиваясь и смотря в бинокль. Он никак не мог разгадать Джорджа, играет он с ним или Мэт зря себя накручивает.

– И что ты собираешься делать, Аллистер?

– Что ты имеешь в виду?

– Что ты собираешься делать без своего оружия?

– Собираюсь продолжать наблюдение, – уверенным тоном ответил Мэт.

– Наблюдение. А вдруг нападут враги? Что тогда? Или ты собираешься просто наблюдать, а не воевать?

– Тогда я что-нибудь придумаю, – резко ответил Мэт и повернулся.

В следующее мгновение он почувствовал сильнейшую боль от удара, который пришелся ему в левый глаз. Все потемнело, он, потеряв равновесие, упал, выронив бинокль из рук. Джордж стоял в боксерской стойке. Его лицо скривила злоба.

– Ты думаешь, ты самый умный, Аллистер? Ты думаешь, ты, богатенький сынок, все знаешь? – хрипел Джордж. – Ты поганый ублюдок.

Джордж ходил из угла в угол, словно ястреб, кружащий над добычей.

– Такие, как ты, всегда смотрели на меня свысока, как на

мусор! Ты думаешь, что ты лучше меня! И где твои деньги теперь? Где твой богатенький папаша? Сейчас он тебя не спасет. Я тебе говорил, что убью тебя? Говорил?! – заорал он.

Мэт, сидя на полу, все еще отходил от удара. Ему казалось, что его огрели молотком. Боль начала приводить его в чувство. Он попытался сосредоточиться, но голова сильно гудела. Он не мог сфокусировать зрение.

– Так вот, сукин сын, я собираюсь сдержать свое слово, – Джордж смаковал каждое слово.

Он опустил, взял Мэта за воротник обеими руками и, подняв его на ноги, с силой ударил в живот. Мэтью показалось, что на секунду он потерял сознание. У него перехватило дыхание, и он упал на колени, задыхаясь от кашля.

– Ты думал, я забуду, что ты сделал? Ты думал, я идиот и вот так просто возьму и забуду все?

– Нет, – прохрипел Мэт сквозь кашель, опираясь на руки.

– Что ты сказал? Что «нет»?

– Я думал, что после всего этого мы с тобой станем лучшими друзьями, – тихо ответил Мэт сквозь кашель.

– Друзьями? – Джордж переспросил и расхохотался. Это действительно развеселило его. – Друзьями! – заливаясь от смеха, повторял он. – Друзьями!

Смеясь, Джордж не заметил, как корчившийся от боли Мэт достал нож. Он сжал рукоять со всей силой, что у него была, и, замахнувшись, вонзил нож в стопу Джорджа.

Джордж, как волк, взвыл от боли. Мэт рванулся к люку, открыть его и спрыгнуть по лестнице вниз. Джордж быстро наклонился, вытащил нож, торчащий в ноге, и прорычал от боли. Мэт уже открыл люк и собрался прыгать вниз, как вдруг его оглушил выстрел, а ногу выше левого колена пронзила дикая боль. Кровь брызнула на каменный пол. Джордж стоял с пистолетом и целился Мэту в лицо.

– Я же сказал, что убью тебя, сука! – прокричал он.

Джордж выстрелил еще раз, но Мэт уже прыгнул в тоннель. Пуля просвистела у его уха и от ricoшетила от камня. Он пролетел несколько метров головой вниз в полной темноте, ударяясь о стены и лестницу, пока не зацепился за нее одной рукой. Все тело болело, но он смог перевернуться и быстро спуститься по лестнице вниз. Последних пару метров он просто пролетел и свалился на пыльный пол. Нога ужасно болела, пуля прошла навывлет, и кровь текла с обеих сторон, также болела спина и руки от падения в тоннеле. Он увидел маленькое окошко света в конце тоннеля в башне и резко перевернулся. В следующее мгновение в то место, где он только что лежал, врезались пули, разметав щепки деревянного пола. Из тоннеля доносилось эхо выстрелов.

«Надо срочно бежать, – думал Мэт, – но куда?» В панике мысли путались. Он не мог сосредоточиться из-за боли во всем теле. Нож остался в башне, другого оружия у него нет. Он попытался быстро встать, но простреленная нога не дала ему это сделать. В полной темноте он встал, опираясь

на здоровое колено, и, сильно хромая, пошел, выставив вперед руки, в сторону двери, ведущей вниз. Левый глаз начал опухать и уже ничего не видел. Несколько раз чуть не упав, запнувшись о разбросанные на полу вещи, Мэт все-таки нащупал дверь. Он начал водить по ней руками, пытаясь найти ручку. Как только он ее нашел и распахнул дверь, за спиной раздались выстрелы и дверь изрешетили пули. Мэт прыгнул в сторону.

– Куда-то собрался, сукин сын? – прорычал Джордж.

Он выстрелил еще несколько раз, пока не раздалось несколько глухих щелчков. Закончились патроны. Мэт не видел Джорджа, но слышал, как тот в темноте громко и глубоко дышит, перезаряжая пистолет.

– Тебе не сбежать от меня! – кричал он.

Мэт лежал во мраке неподвижно и не дышал, чтобы не дать себя обнаружить. Он пригляделся и разглядел очертания дверного прохода, до него был примерно метр. Сможет ли он бесшумно до него добраться? Раненая нога может не позволить ему сделать это быстро. Но другого выхода нет, придется рискнуть.

Стараясь как можно тише подняться, он сжал губы и скривил лицо от боли, простреленная нога сильно болела. Он еле встал, стараясь удержать равновесие, в полной темноте, с больной ногой это оказалось очень сложным, и сделал шаг к двери. Деревянный пол под ним предательски скрипнул, сердце Мэта сжалось, и в следующее мгновение он нырнул в

черную пустоту коридора. За его спиной раздались выстрелы. Но Мэт их уже не слышал, он падал по винтовой лестнице, кувыркаясь и вертясь в кромешной темноте. Он сильно ударился головой о каменные ступени и ободрал руки. Локти и колени жгло от острой боли. Он не знал, как долго ему еще падать, ощущение было такое, словно он несется в бездну уже бесконечно долго. Наконец он достиг ровного пола. Все тело ужасно болело, голова гудела и раскалывалась от боли, лицо залила кровь и попала в глаза и рот. Он еле перевернулся на спину и попытался встать. Но тут же со стоном свалился на живот, ноги просто не держали его.

Мэт не мог ничего придумать, мысли заглушала неимоверная боль. Надо что-то делать. Мэт начал медленно ползти в сторону церковного зала, преодолевая боль.

– А ты шустрый, сукин сын! – прокричал Джордж.

Он, не торопясь, вышел из темноты коридора, немного хромя на одну ногу. Уползая в сторону, Мэт оглянулся и увидел, что в руках у Джорджа была винтовка. Наверное, он спрятал ее где-то наверху в комнате. Кровь залила правый здоровый глаз Мэта, и теперь он плохо видел, все было размыто, глаза жгло. Голова по-прежнему дико болела, он чувствовал тошноту. Силы покидали его.

– Знаешь, Аллистер, я приятно удивлен, – подходя ближе, хрипел Джордж. – Сначала я думал, что разделаться с таким червем, как ты, не составит никакого труда. Уж тем более я не думал, что ты способен дать хоть какой-то отпор.

Фокус с ножом мне очень понравился, – улыбаясь, говорил Джордж, обходя Мэта. – Надеюсь, мой трюк с пистолетом ты тоже оценил.

Он обошел его и теперь стоял у него на пути в нескольких шагах. Мэт поднял голову посмотреть на него.

– Кстати, совсем забыл тебе рассказать, – злорадно ухмылялся Джордж. – Это ведь я подстрелил того капитана в деревне.

Мэта будто парализовало. Не может быть. Джордж убил капитана Смита?

– Не-е-е-ет! – завопил Мэт.

Джордж расхохотался.

– Представь себе! Я подобрал винтовку убитого немца и пальнул из дома прямо в него. А вы, идиоты, подумали, что это были враги. Этот болван капитан Маккормак так ничего и не понял, когда нахваливал меня сегодня в штабе.

– Ты ответишь за это! – кричал Мэт изо всех сил, что у него были.

– А ты что думал? Ты со своим капитаном сможешь отправить меня в тюрьму? – со злобой прорычал Джордж. – Я знаю, что пришел запрос из полиции. Я знаю, что этот придурок капитан сообщил, что запрос именно обо мне.

Мэт зарыдал. Какая-то мучительная тоска и горечь охватили его.

– А ведь все из-за тебя! Если бы ты тогда меня не увидел и не решил сдать, то ничего этого не произошло бы. Так что

ЭТО ТВОЯ ВИНА.

Джордж с нескрываемым удовольствием смотрел на побитого и сломленного Мэта, без сил рыдающего на полу.

– Хочешь что-нибудь сказать перед смертью? – медленно проговорил Джордж, поднимая винтовку и целясь Мэту в голову.

«Вот и все. Это конец», – подумал Мэтью, увидев дуло винтовки. Сражаться или бежать сил у него больше не было. Война все-таки его победила. Он был так разбит и морально, и физически, что готов был принять смерть.

Мэт зажмурил глаза. Он ждал выстрела. Ничего не происходило. Чего же он ждет? Играет с ним? Издевается?

Он открыл глаз и посмотрел на Джорджа. Тот все так же стоял над Мэтью, но вполоборота смотрел себе за спину. Мэт проследил за взглядом Джорджа и увидел вдали темные силуэты. Лунный свет совсем немного освещал зал. Мэт напряг зрение и попытался их разглядеть, кажется, их было трое. Они были метрах в сорока от него и Джорджа в дальнем конце зала, у самого входа в церковь, и, кажется, о чем-то негромко переговаривались.

– Эй! – крикнул им Джордж, и эхо повторило его в пустоте.

Но никакого ответа не последовало. Силуэты не приближались, а стояли вдали, переговариваясь.

Джордж неуверенно продолжил:

– Эй вы! Из какой вы дивизии? – Он повернулся к ним

всем телом. – Какого черта? – проговорил он себе под нос.

Мэт не мог разглядеть происходящего. Одной рукой он вытер лицо от крови. Стало немного лучше, хотя заплывший от удара глаз уже ничего не видел. Тени не двигались.

Как вдруг раздался выстрел. На мгновение силуэты осветились. Пуля просвистела мимо Джорджа, попав в стену позади него.

– Фрицы! – закричал Джордж. – Вы поганые ублюдки!

Он поднял винтовку и, прицелившись, начал стрелять по ним. Мэт заметил, как один силуэт упал, а двое других разбежались в разные стороны, прячась за наваленными скамейками и колоннами. Джордж, продолжая стрелять, сделал несколько шагов вперед, целясь в сторону, где только что были немцы.

– Ублюдки! – Он повернулся к лежавшему Мэту. – А ты никуда не уходи, я скоро вернусь за тобой, и мы продолжим.

Он побежал к главному входу, где только что подстрелил одного немца.

Мэт попытался перевернуться на спину. С трудом это ему все-таки удалось, все его тело сильно болело, как будто его переехал грузовик. Кажется, сломано несколько ребер, и, возможно, сломана левая рука, уж очень сильно она болела, словно горела в огне, не говоря уже о простреленной ноге и разбитой голове. «Скорее всего, у меня сотрясение мозга», – подумал Мэт. Силы покидали его. Лежа на спине, он слышал вдалеке крики Джорджа и выстрелы. Его здоровый глаз все

медленнее и медленнее закрывался, как будто он проваливался в сон. Тело хоть и болело, но он чувствовал какую-то приятную усталость. Ему казалось, что он медленно погружается куда-то вниз, ниже пола, на котором лежит.

Мэт знал, что он умирает. Интересно, будут ли воспоминания из детства? Говорят же, что перед смертью вся жизнь проносится перед глазами. Он попытался сам вспомнить какие-то моменты из прошлого, но не мог – голова сильно болела и не давала ему сконцентрироваться. Опять выстрелы. Еще. Но звук уже другой. Значит, немцы отстреливаются.

Лежа на холодном каменном полу, Мэт постепенно приходил в себя. Он попытался присесть, преодолевая боль. Надо отсюда бежать. Конечно, бежать он вряд ли сможет в таком состоянии, но убираться отсюда подальше точно необходимо. Хоть Мэт уже почти и свыкся с мыслью о смерти, но все же не хотел умирать от рук этого преступника Джорджа. Уж лучше пусть его пристрелят немецкие солдаты, это будет куда честнее и достойнее.

Он медленно встал на ноги, голова сильно кружилась, и так же медленно, пошатываясь, побрел к выходу, хромая на раненую ногу. Выстрелы и крики все еще раздавались где-то в церкви, где именно, он не мог определить. Хромая, он шел через зал, не думая о том, что его могут заметить и подстрелить.

Он прошел мимо мертвого немецкого солдата, которого убил Джордж несколько минут назад, и не обратил на него

внимания. Он шел к выходу. Дойдя до главных дверей, которые были открыты, он остановился, оперся на большую дверь и посмотрел на улицу. «Вот он, выход», – думал он. Он может выйти, и если снаружи не будет немцев, то Мэт спокойно может затеряться в городе, и Джордж его не найдет. Если он переживет эту ночь, то наутро как-нибудь сможет выйти к своим.

Так он стоял и смотрел через открытые двери на город. Что-то мешало ему сделать несколько шагов и выйти. Его спасение было прямо перед ним. Позади раздавались крики Джорджа. Он что то кричал и ругался. Мэтью представил, как Джордж сейчас убивает тех солдат. Да, это были немецкие солдаты, это были враги Англии, но уж точно они не были врагами Мэта. Они такие же люди, как и он, которые просто хотят выжить. Ему почему-то захотелось вернуться и попытаться спасти этих немцев. Спасти их от Джорджа. «Что? Спасти немцев, немецких солдат, солдат вражеской армии?» – сам себя спрашивал Мэт. Да, именно так. Может, это сказывается травма головы, и он уже не может здраво рассуждать, думал он, но это именно то, чего ему сейчас хотелось.

Он не думал, чего это будет ему стоить, ему просто хотелось не дать Джорджу убить их. Он так устал от насилия, которое видел и пережил за последнее время, что не мог допустить продолжения этого. «Надо положить этому конец сейчас, – думал он, – чего бы это мне ни стоило».

Он развернулся и медленно пошел обратно. Подойдя к убитому немцу, Мэт присел, согнувшись над ним. Пуля попала немцу в грудь, в область сердца, скорее всего, сразу убив его. Одежда его была грязная, вся в пыли, по всей видимости, они были из тех, кто последними бежал из города от надвигающейся армии англичан. На поясе был нож, который Мэт, вытащив, засунул себе в сапог. Такой нож он уже видел, это был стандартный немецкий армейский нож с потертым и оцарапанным лезвием. Похлопав по карманам, он вынул один магазин на пять патронов для винтовки, которая лежала в метре от трупа. Та, из которой он открыл огонь по Джорджу.

Подобрав ее, Мэт дернул затвор и перезарядил винтовку, вставив новый магазин. Теперь он вооружен.

Вставая, он пошатнулся в сторону, голова все еще сильно кружилась. Зажмурился правый глаз и сосредоточенно прислушиваясь, он пытался понять, в каком направлении ему идти. Уверенность, с которой он решил не убегать от церкви подальше, а вернуться для того чтобы помочь, придала ему немного сил, и он крепче сжал винтовку.

Где-то раздавались крики, он не мог понять, чьи именно, Джорджа или немцев, но он понял, в какую сторону ему идти.

Пройдя треть зала, он стал слышать крики отчетливее. Выстрелов уже не было, значит, у всех закончились патроны. Мэт подкрался к наваленным в гору скамейкам и тихо

обошел ее, стараясь не шуметь. Выглянув, он увидел Джорджа, склонившегося над лежавшим на полу немцем. Он избивал его, медленно нанося сильные и тяжелые удары кулаком по лицу, рыча при каждом ударе. Лицо немца все было в крови, белые волосы растрепаны и также забрызганы кровью. Он был в сознании, но уже не в силах сопротивляться. Видя это, Мэт почувствовал боль в области отекавшего глаза. Второй немец лежал в стороне лицом вниз, непонятно было, жив он или уже нет.

– Ублюдок! Я убью тебя голыми руками! – рычал Джордж в такт ударам.

Одной рукой он держал немца за куртку, а второй беспощадно наносил удары, превращая лицо немца в кровавое месиво.

– А потом займись твоим дружком, который сейчас прохлаждается.

Мэт вышел из укрытия, крепко сжимая винтовку, и сделал несколько шагов в сторону Джорджа, тот не видел его и продолжал наносить удары.

Мэтью поднял дуло винтовки к потолку и нажал на курок. Выстрел прогремел как гром и эхом разнесся по церковному залу. Джордж подскочил, выпустив немца из рук, и резко развернулся к Мэту. Немец упал, что-то простонав. Джордж выпучил глаза, он был шокирован, не ожидая увидеть Мэтью, да еще и с оружием.

– Отойди в сторону, – как можно громче сказал Мэт, на-

вода винтовку на Джорджа.

– Спокойно. – Джордж поднял руки перед собой, медленно делая несколько шагов в сторону. – Послушай, Аллистер, я понимаю, ты на меня злишься, – запинаясь, прохрипел он, тяжело дыша, – но давай не будем горячиться, ладно? Хочешь – возвращайся к нашим. Скажи, что на нас напали. А я тут сам закончу. Между нами тоже все кончено, мы квиты, ладно?

– Я никуда не уйду.

– Послушай, опусти винтовку, давай поговорим.

– Я не дам тебе их убить, – спокойно ответил Мэт.

– Что? – Лицо Джорджа скривилось.

– Ты меня услышал.

– Но это же враги! Ты чего, спятил? Я что, слишком сильно ударил тебя по голове и ты спутал стороны? Они стреляли в нас! Эти ублюдки хотят нас убить!

– Хватит смертей. – Мэт отрицательно помотал головой. – Хватит убивать.

– Тебе же не придется ничего делать! Возвращайся в лагерь, тебе явно нужен врач, я сам все сделаю.

– Нет. Мы их отпустим, а ты пойдешь со мной обратно в лагерь.

Немец, которого избивал Джордж, простонал, приходя в сознание.

– Ты хочешь отпустить этих тварей? После всего, что они сделали? Да они убивали наших товарищей!

– Хватит болтать. – Мэт дернул дуло винтовки в сторону. – На выход!

– Эти немцы живыми отсюда не уйдут, – грозно прошипел Джордж, опуская руки.

– Это уже не тебе решать.

Немец, который все это время лежал в стороне, попытался встать на колени, что-то бормоча себе под нос по-немецки. Мэт увидел, что у него разбита бровь, и кровь стекала по его лицу до усов. Одежда его была также запачкана и местами порвана, как и у того, что мертвым лежал у входа. Он медленно пополз ко второму избитому, лицо которого было уже не узнать.

– Руки! Чтоб я их видел!

Джордж медленно поднял руки, пристально смотря Мэту в глаза.

– Ты сошел с ума! Мне надо было пришить тебя еще в той башне. Мне надо было пришить тебя гораздо раньше, сукин ты сын.

– Ты уже все сказал. А теперь иди на выход с поднятыми руками. Вернемся в лагерь, где тебя будут судить как преступника!

– Меня? Это тебя надо отдать под трибунал за то, что ты сейчас делаешь! Ты еще хуже этих немецких ублюдков!

Усатый немец подполз к избитому и что-то ему сказал, взяв за руку.

– Отсюда никто не уйдет! – Джордж быстро достал писто-

лет из кобуры на поясе и направил дуло на лежавшего немца.

– Опустим пистолет! – крикнул Мэт, подняв винтовку и целясь в грудь Джорджа здоровым глазом.

– Иди к черту!

Джордж выстрелил в блондина два раза. Пули воткнулись ему в грудь, разбрызгивая кровь, а из его рта потекла кровь. Усатый немец закричал, все еще держа того за руку. Голова блондина опрокинулась на пол и повернулась в сторону Мэта.

– Получай, сука! – Джордж навел пистолет на второго немца, тот с криком бросился на него, обхватывая его за живот и валя на пол как раз в тот момент, когда прозвучал еще один выстрел.

Падая, Джордж выронил пистолет. Они сплелись в борьбе, кувыркаясь и перекатываясь по полу, пиная друг друга.

Мэт пытался прицелиться в Джорджа, но не мог. Он сделал несколько шагов к сцепившимся на полу, все еще держа винтовку наготове. Джорджу удалось несколько раз ударить немца кулаком в лицо и, когда тот ослабил хватку, свалить его с себя и откинуть в сторону.

Мэт подошел вплотную, целясь в Джорджа из винтовки. Тот, все еще лежа на спине, пнул винтовку, выбивая ее из рук Мэтью. Та отлетела в сторону. В следующую секунду Джордж накинулся на него, повалив на пол, и, садясь сверху на его грудь, начал душить Мэта обеими руками. Открыв рот, тот пытался вдохнуть хоть немного воздуха, но здоро-

вые крепкие пальцы мертвой хваткой вцепились в его горло. Задыхаясь и крича, Мэт в панике выпучил здоровый глаз, схватил руки Джорджа, пытаясь их разжать, но тот сжимал их еще сильнее, словно тиски. Мэт брыкался под ним, стараясь скинуть с себя, но вес Джорджа был гораздо больше, и все его попытки были бесполезны. Его как будто придавило камнями. С каждым движением, с каждой секундой силы покидали его.

– Как же долго я этого ждал, – наклонившись близко к лицу Мэтью, прохрипел Джордж.

В следующее мгновение Мэт отпустил одну руку, поджал ногу и выхватил из сапога немецкий нож.

Одним ударом он вонзил его в шею Джорджа по самую рукоятку. Замок из рук тут же расцепился, и Мэт сделал громкий глубокий вдох, а потом сразу тяжело закашлял. Кровь лилась на него сверху. Джордж, все еще сидя на нем, одной рукой схватился за горло, другой махал в воздухе, пытаясь тщетно ухватиться за рукоятку торчащего ножа. Кровь сильно брызгала из раны, заливая все вокруг. Мэт столкнул его с себя и отполз в сторону, тяжело кашляя, его горло сильно болело, ему с трудом удавалось дышать.

Неестественно дергаясь, лежа на полу, Джордж молча открывал и закрывал рот, стуча окровавленными зубами. Из его рта брызгала кровь. Вся его одежда была залита ей, под ним быстро образовывалась темная большая лужа. Лежа на спине в собственной крови, не в силах вытащить нож, он с

широко открытыми глазами продолжал ворочаться из стороны в сторону, пока его руки совсем не ослабли, и он замер окончательно.

Мэт продолжал громко откашливаться. Он мог уже нормально дышать, хотя горло все еще сильно жгло. На коленях он подполз к телу Джорджа. Мертвые глаза того были широко открыты и смотрели куда-то в потолок.

Где-то в стороне раздался шорох. Повернув голову, он увидел встающего на ноги немца с разбитой бровью. Тот ошарашенно посмотрел на залитое кровью тело Джорджа, потом на Мэтью. Все еще кашляя, Мэт обратил внимание на винтовку, лежавшую в нескольких метрах. Она была ровно посередине между ним и немцем, лицо которого заливала кровь. Немец проследил за его взглядом и, заметив оружие, с опаской смотрел на Мэта.

Мэтью поймал себя на мысли, что совсем не боится, если немец подбежит и первым поднимет винтовку. Сил сопротивляться и тем более сражаться у него уже точно не было. Ему было уже все равно, что будет дальше, убьет этот немец его или нет.

Встретившись с ним взглядом, Мэт медленно помотал головой, давая понять, что не собирается снова братья за оружие. Он поднял руку и жестом указал немцу в сторону выхода.

– Уходи, – тихо проговорил он.

Немец стоял, пристально изучая Мэта, как будто ожидая

подвоха.

– Ну же. Уходи. Давай. – Силы покидали его. Он медленно опустился на пол и сел.

Немец наблюдал за ним, не двигаясь с места. Еще какое-то время они смотрели друг на друга в полной тишине.

– Danke, – тихо сказал немец и медленно пошел в сторону выхода, пройдя мимо лежавшей на полу винтовки.

Мэт сидел на полу и слышал шаги уходящего немца, пока они совсем не стихли. Он остался один в темноте и полной тишине.

Сидя так на полу в одиночестве, он думал о Колине. Мэт вспоминал все, что произошло за последнее время, и думал о том, что Джордж был абсолютно прав. Это Мэтью был ответственен за все это.

Единственное, чего бы он сейчас хотел, – это попросить прощения у своих родителей. Просто сказать «простите» за то, каким сыном он был, за то, что не слушал отца, за то, что не понимал, что отец хотел его спасти, за то, что сгубил младшего брата. Попросить прощения за то, что был таким эгоистом.

Падая набок от потери сил, он подумал о немце, которого только что отпустил. Мэт был рад. Он все-таки закончил эту войну. Прежде всего для себя самого. Он в ней победил. Победил, не убив всех до единого врагов, как желал того в самом начале, а отпустив последнего врага, подарив ему жизнь. Жизнь за жизнь. «Это честно», – думал он. Именно

так должны заканчиваться войны, не убивая всех до единого врагов, а расходясь по своим сторонам. Без жертв. Пусть лучше каждый солдат вернется к своим родным, чем семьи победителей будут оплакивать погибших героев. Эта война должна показать миру, что насилие бессмысленно. Это опасный путь, в котором нет победителей.

Лежа на полу, он уже не чувствовал боли, только сильную усталость. Ему хотелось спать. Сознание медленно покидало его. Мэт закрыл глаза, медленно погружаясь в темноту.

Так вот, значит, каково это – умирать.

Эпилог

Мэт открыл глаза. Яркий белый свет тут же ослепил его. Пряча глаза, он зажмурился. Не двигаясь, с закрытыми глазами он пытался осознать, что происходит. Он умер? Тело не болело, он его вообще не чувствовал, кроме света, никакого дискомфорта он не испытывал. Что последнее он помнит? Темнота, ночь, каменные стены, церковь! Много крови, смерть. Да, он вспомнил смерть. Но чья? Его? Он помнил, что погружался в темноту. Сияясь вспомнить подробности, он попытался напрячь память, но ничего не выходило. Как будто памяти у него совсем не осталось, как будто нечего было вспоминать. Словно белый лист.

«Я точно умер, – думал Мэтью. – Скорее всего, именно так все и происходит. Так, значит, это небеса? Но что именно? Ад или рай?» А может, его еще не определили? Но в том, что он на небесах, Мэт был уверен.

Он гадал, что будет дальше. К нему кто-нибудь обратится или, может, все произойдет само собой, и он сразу это поймет, увидит ли он ангелов? Ему стало радостно и немного волнительно от этих мыслей.

– Кто-нибудь, позовите мистера Бобса! – эхом раздался голос из ниоткуда.

«Что еще за мистер Бобс? – удивился Мэт. – Неужели у ангелов могут быть такие причудливые имена?» Тем време-

нем голос продолжал:

– Доктор Бобс, кажется, седьмой пришел в себя, – это был женский голос, такой тонкий и такой сладкий, что произносящий его точно должен быть ангелом, думал Мэт.

– Ну-ка, посмотрим на нашего героя, – говорил уже кто-то пожилой, голос был добрый. – Голубчик, вы меня слышите?

Мэт инстинктивно понял, что обращаются именно к нему.

– Голубчик, попытайтесь открыть глаза, – продолжал добрый голос. – Вы меня слышите? – эхом раздавалось откуда-то.

– Да, – попытался выдавить из себя Мэт, во рту сразу пересохло, и он закашлял.

– Ну-ну, что ж вы так разволновались, голубчик? Попытайтесь открыть глаза.

Ожидая, что опять может ослепнуть от яркого света, Мэт медленно открыл глаза. Приоткрыв немного веки, он увидел лицо, самое красивое лицо, какого он никогда раньше не видел. Абсолютно невинное и чистое. Светлое женское лицо со светящимися волосами и голубыми глазами, от которых веяло добром и заботой.

– Вы ангел? – медленно прошептал Мэт, обращаясь к незнакомому силуэту.

Еще один голос, с другой стороны, деликатно откашлялся.

– Интересно, а я тогда кто? – проговорил второй голос.

Ангельское личико застенчиво заулыбалось и отвернулось.

Мэт повернулся в другую сторону и увидел пожилого лысого человека в очках, с пышными седыми усами, в белом одеянии.

– Мисс Уоттс, вы, голубушка, мне так всех пациентов с ума сведете, если будете и дальше представляться ангелом, – хихикая, проговорил старик.

– Доктор Бобс, прошу меня извинить, – мягким застенчивым голосом ответила девушка.

Мэт наблюдал за говорившими, не понимая, что происходит.

– Я умер?

– Господь с тобой, голубчик! – воскликнул пожилой человек и наклонился над ним. – Могу с уверенностью сказать, что в ближайшее время этого точно не произойдет. Мы над тобой неплохо потрудились. Ты что-нибудь помнишь?

Мэт отрицательно помотал головой.

– Ну, ничего, это нормально, – продолжал старик, внимательно изучая его лицо через очки. – У вас сотрясение мозга и много чего еще. Сломано несколько ребер, одна нога прострелена, вторая вывихнута, рука сломана, множественные ушибы и ссадины. Когда вас сюда привезли, у вас была жуткая гематома на голове, половина лица опухла. Вы как будто попали под поезд. Вы пролежали у нас почти две недели, пока мы вас собирали. По правде говоря, я удивлен, что вы так быстро пришли в себя, голубчик. Скоро память начнет возвращаться. Вам надо много отдыхать и не волноваться.

– Где мы?

– Мы в госпитале. Недалеко от Парижа.

Мэт поглядел по сторонам, все вокруг было белым. Белые стены, люди в белом ходили из стороны в сторону, кровати в ряд. Мэт глубоко вздохнул и закрыл глаза. Значит, живой. Открыв их снова, он огляделся еще раз проверить, не исчезло ли все. Ничего не исчезло.

Он лежал на больничной койке среди десятка таких же солдат. Палату заливал яркий солнечный свет, от которого все светилось золотом. Он огляделся еще раз: кто-то спал, в дальнем углу солдаты в пижамах играли в карты и периодически смеялись, медсестры то и дело проходили, неся в руках подносы с лекарствами.

– Мисс Уоттс, не будем мешать нашему воину приходить в себя. С виду он в полном порядке, быстро идет на поправку, но нужен полный покой.

– Конечно, доктор.

– А вы, голубчик, отдыхайте. Это приказ! – добавил он и звонко по-доброму рассмеялся. – Так, а что у нас с одиннадцатой палатой? – обратился он к молодой девушке, которую Мэт принял за ангела. Разговаривая, они отошли от кровати Мэта и пошли в сторону дверей.

Девушка обернулась и посмотрела на Мэта, застенчиво улыбаясь.

Недолго полежав и понаблюдав за происходящим вокруг, Мэт почувствовал, как его глаза медленно закрываются, его

клонило в сон. Он положил голову на подушку, как вдруг раздался громкий голос:

– Аллистер!

Мэт открыл глаза и повернулся на знакомый голос. Это был Огаст, он в такой же, как у всех, белой пижаме, стоял на входе в палату и бегло осматривал всех пациентов. Его ярко-рыжие волосы выделялись, как огонь, на фоне всего белого. Мэт приподнял ослабшую руку, крикнуть в ответ он был еще не в силах.

– Вот ты где! – на лице Огаста растянулась улыбка, и он засиял от счастья. Сильно хромая на одну ногу, он побрел мимо коек к кровати Мэта. – Дружище! Ты как?

– Доктор сказал, что иду на поправку, – негромко ответил Мэт, стараясь немного привстать и опереться на спинку кровати. Он был очень рад видеть Огаста. Тот сел на стоявшую рядом табуретку и наклонился к другу.

– Мне столько всего надо тебе рассказать! Ты ведь проспал все самое интересное! – Он засмеялся, его глаза блестели от счастья, и Мэт заметил, что тоже улыбается, глядя на друга. – Война закончилась! Мы победили! – воскликнул он.

Солдаты, игравшие в карты в дальнем конце палаты, хором крикнули «Ура!», услышав Огаста.

– Ты представляешь?! Войне конец, всех отправляют домой! – Он положил руку на плечо Мэта и немного сжал. – А теперь давай по порядку. Когда вы ушли с Джорджем на разведку в ту ночь, я сразу понял, что добром это не кончит-

ся. Предчувствие какое-то, да такое сильное, что я места себе не находил. Я, кстати, тебе говорил, что бабка моя была ведьмой? Вот, наверное, что-то и мне передалось.

Он весело рассмеялся.

– Я пошел к капитану и уж было хотел рассказать ему о своем предчувствии, так он так зол был. Орал там на всех и вызывал кого-то. Только орал он не на меня. Я потом уже узнал, что он разбирал вещи капитана Смита и в бумагах нашел какое-то письмо. Кажется, от самого капитана Смита. Он вроде как перед смертью оставил на случай, если с ним что-то произойдет. Представляешь! Тоже что-то предчувствовал, наверное. В общем, в этом письме было сказано, что тот капрал, с которым тебя отправили на разведку, преступник и он в розыске в Англии за убийство полицейского! Ты представляешь?

Огаст говорил очень быстро и активно жестикулировал.

– В общем, капитан послал отряд за вами. Я напросился пойти с ними. Наутро, когда мы вас нашли, я думал, ты мертв. Кровь повсюду, мертвые немцы и Джордж. Ты лежал в луже крови бездыханный, на тебе живого места не было.

Мэт внимательно слушал Огаста, и по мере рассказа память возвращалась к нему. Он вспоминал, что произошло.

– Я проверил твой пульс, и оказалось, что ты жив! Потом тебя забрали санитары и сразу увезли в лазарет. Начальству доложили, что вы наткнулись на немцев, был бой, и Джордж погиб от рук врага.

Мэт посмотрел на Огаста и медленно отрицательно помотал головой. Тот, заметив это, вздохнул и тоже помотал головой.

– Во всяком случае, у него из горла торчал немецкий нож. Кстати, в городе немцев мы больше не обнаружили. Вроде все рассказал.

Оба засмеялись, насколько позволяли силы.

– А ты сам? Как ты здесь оказался? Что с ногой? – негромко спросил Мэт.

– А, это! По правде сказать, даже стыдно об этом говорить: я упал со второго этажа, – улыбаясь, ответил Огаст. – Проверял второй этаж одного полуразрушенного дома, деревянный пол подо мной провалился, и я свалился на первый этаж, так и сломал ногу, – он весело расхохотался. Мэт тоже засмеялся и от этого почувствовал боль в ребрах.

– Тебе уже рассказали о Колине? – просмеявшись, спросил Огаст.

Сердце Мэта быстро забилося, когда он услышал имя брата. Его сразу окутала грусть, а глаза зажгло от подступавших слез. Мэт отрицательно помотал головой.

– Его тоже поместили в госпиталь в каком-то городе, не помню название, что-то на «Н». Вроде как скоро собираются выписывать.

Мэт уставился на друга широко открытыми глазами. Его сердце готово было выпрыгнуть из груди, а в горле сразу пересохло, он не мог выговорить ни слова. Неужели Колин

жив?

– Полковник распорядился о переводе тебя в их дивизию по выздоровлении, чтоб вы наконец встретились. Собственно, поэтому я и искал тебя, хотел навестить перед тем, как тебя выпишут и отправят к нему.

– Колин жив? – все, что смог выговорить Мэтью дрожащим голосом, стараясь не разрыдаться от счастья.

– Жив. А тебе разве не сказали? Про их отряд теперь все говорят. Они попали в засаду к немцам в одной деревне, и те их сильно потрепали. Многие из их ребят погибли. Говорят, там была настоящая мясорубка. Немцы превосходили числом и здорово бились за эту деревню. А Колин даже спас своего командира, вытащив его раненого из горящего дома, когда немцы их окружили. Представляешь? Ему вроде как даже медаль дали за отвагу. Так что брат у тебя – настоящий герой войны! – Огаст широко улыбнулся и похлопал Мэта по руке. – Они отстояли деревню до прихода подкрепления. С ним вроде все в порядке, всех, кто там выжил, отправили в госпиталь.

Из глаз Мэта текли слезы. Колин жив. Он не мог в это поверить, неужели он наконец увидит брата? От переживаний у него заболела голова.

– Что тут происходит? – раздался знакомый голос. – Голубчик, почему вы плачете? А вы, молодой человек, что здесь делаете? Так, ну-ка быстро идите к себе в палату и не тревожьте мне пациента. Ему нужен покой!

Доктор подошел к встающему Огасту и, взяв его под руку, помог ему встать с табуретки.

– Док, да я просто хотел навестить своего друга!

– Никаких посещений! Как вы не понимаете, голубчик, ему нужен покой. Посмотрите, что вы наделали! – он указал на Мэта.

– Все хорошо, это мой друг, – Мэтью хотел заступиться за Огаста, но доктор был непреклонен и уже спраживал его товарища.

– Я еще загляну к тебе! – напоследок крикнул Огаст и помахал ему, широко улыбаясь.

Перед тем как исчезнуть за дверью палаты Огаст обернулся.

– Эй Мэт!

Мэт посмотрел на своего друга.

– Ты хороший человек!

Огаст улыбнулся еще раз и скрылся. На глазах Мэта появились слезы.

– Голубчик, постарайтесь не тревожиться. Война закончена, вы живы, все хорошо, – добрым тоном сказал доктор, подходя к Мэту. – Еще несколько дней полежите у нас – и мы вас переведем в другую палату.

Он подошел к играющим в карты, так же по-доброму, но тоном, не подразумевающим возражений, прекратил их игру и велел расходиться по своим койкам.

Мэт лежал и обдумывал все услышанное. В этот самый

момент он был по-настоящему счастлив. Что брат жив, что война окончена. Счастлив увидеть Огаста. Эти переживания отняли те немногие силы, что у него были, и его начало клонить в сон, но он боялся заснуть, а вдруг, когда он проснется, это окажется сном? Но ничего поделать он не мог, он был еще слишком слаб, чтобы бороться и здесь, и в конце концов через несколько минут он уже спал.

Мэтью пробыл в госпитале еще десять дней перед тем, как его выписали. Память полностью вернулась к нему, хотя некоторые события он и предпочел бы забыть навсегда. Каждый день его навещал Огаст, нога которого тоже быстро заживала. Они разговаривали часами, пока доктор или медсестры не разгоняли их. Один раз его навестил сам полковник, чтобы лично поблагодарить за службу и сказать о переводе в дивизию брата. Про ту ночь Мэт больше ни с кем не говорил.

В день выписки они с Огастом договорились, что будут писать друг другу и обязательно должны увидеться в Англии. После госпиталя Мэтью попал в дивизию брата. К тому времени Колина уже выписали из госпиталя, он был почти невредим, только несколько ссадин и небольшой ожог от огня.

Когда они встретились на вокзале, Мэт не смог сдержать слез и плакал, так рад он был видеть брата живым и здоровым. Колин тоже плакал, он слышал про то, что произошло в церкви, и очень надеялся, что с Мэтью все в порядке. Они

простояли на вокзале около часа, расспрашивая друг друга обо всем, что с ними произошло. Мэт просил прощения у Колина за то, что втянул его во все это, и за то, что тому пришлось пережить.

Мэтью отметил, что за те несколько недель, что они друг друга не видели, Колин заметно возмужал. Из мальчика Колин превратился в настоящего молодого мужчину, черты лица его стали более выразительными, мужественными, но совсем не грубыми. Ему даже показалось, что Колин стал выше.

Через несколько дней их и еще несколько сотен ребят отправили на корабле домой в Англию, где их ждали родители. Отец с матерью встречали их в порту вместе с толпой родственников прибывающих солдат. У всех на глазах были слезы счастья.

Мэтью боялся первой встречи с отцом. Ему было стыдно за все, что он говорил и делал. Он не знал, как смотреть ему в глаза после всего этого. Как только они вышли к встречающим и увидели родителей, отец первый сорвался с места и подбежал к сыновьям, крепко сжав их обоих в объятиях. Все плакали. Сквозь слезы он говорил, как сильно их любит. Мэт просил прощения, он рассказал все, о чем думал последнее время, о том, что ему стыдно, о войне и насилии, о том, как он ошибался, когда хотел этой войны. Просил прощения за Колина. Отец сказал, что ему не за что прощать его и что он очень гордится своими сыновьями. Мать, рыдая, расцелова-

ла каждого сына, удивляясь, как они оба изменились за это время, как они оба повзрослели.

Вместе они отправились домой праздновать возвращение Колина и Мэтью.

В это время в Германию возвращались немецкие солдаты. В распределительном пункте всех прибывших отмечали в списках для учета и отправляли по своим частям.

Немецкий солдат с рассеченной бровью подошел к человеку в форме, отмечающему всех прибывших.

– Имя и фамилия, солдат, – машинально сказал человек, сидящий за столом, перед которым были журналы со списками.

– Гитлер Адольф, – ответил немец. Человек за столом сделал запись в журнале и жестом подозвал следующего.

Отметившись, немец, не торопясь, пошел в направлении своей части.

Конец